

Сказки русского народа

сказанные
Алексеем
Ремизовым

издательство З.И.Григорьева
Сергиев-Петербург-Москва

1923

СКАЗКИ РУССКАГО НАРОДА

СКАЗАННЫЯ

АЛЕКСѢЕМЪ РЕМИЗОВЫМЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО З. И. ГРЖЕБИНА
БЕРЛИНЪ — ПЕТЕРБУРГЪ — МОСКВА

1 9 2 3

Типографія Эннабургъ и Ко.
Berlin SW68 / Alte Jakobstr.129

Посвящаю
С. П. РЕМИЗОВОЙ-ДОВГЕЛЛО

СКАЗКИ РУССКАГО НАРОДА
СКАЗАННЫЯ АЛЕКСѢЕМЪ РЕМИЗОВЫМЪ:

ДОКУКА И БАЛАГУРЬЕ
РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ
РУССКАЯ ВЪРА

ДОКУКА И БАЛАГУРЬЕ

ПАВЛИНЫЙ ПЕРЬЯ

Изъ первой памяти моей, когда я только еще говорить учился, я запомнилъ: рассказывала наша старая нянька сказку —

о какихъ-то павлиньихъ перьяхъ.

— Нарядили ее въ павлинъ перья.

И еще:

— Припади къ матери сырой землѣ.

Больше ничего не помню.

И когда послѣ, много спустя, я разспрашивалъ старую нашу няньку, какія такія павлинъ перья, кого нарядить и зачѣмъ припадать къ землѣ — нянька, совсѣмъ ужъ старая, одно отвѣчала:

— Ничего, дѣвушка, не помню.

А вотъ такъ все и вышло.

Читая всякія записи, часто спутанныя и перепутанныя, а иногда просто безсловесныя — а это-то и есть самое настоящее! — я какъ бы припалъ къ землѣ и послушалъ.

И то, что я услышалъ, зажглось, какъ павлинъ перья.

Книга эта и есть голосъ русской земли — слово русскаго народа, сказанное мною.

Придутъ другіе люди, другое услышать и скажутъ другими словами.

Я отвѣтъ даю самъ за себя — за Россію, открывшуюся мнѣ въ словѣ русскаго народа — русской земли.

И скажу: въ „докукѣ и балагурѣ“, какъ „въ сказкахъ о русской женшинѣ“ и „сказкахъ о русской вѣрѣ“, я услышалъ сокровеннѣйшія слова о судьбѣ и человѣкѣ, о любви и смерти, о грѣхѣ и карѣ, о вѣрѣ и чудѣ, и рядомъ съ глубочайшіей скорбью ужъ самой жизни на бѣломъ свѣтѣ великую радость быть на землѣ и рядомъ съ одичалымъ отчаяніемъ доброту и необыкновенную желанность не только къ людямъ, но и ко всякой твари земной и небесной — ко всему миру.

И еще узналъ я, что сонъ и сказка, это братъ съ сестрой — и есть сказки-сны, какъ сны-сказки.

25, 10, 1922
Charlottenburg

ДОКУКА

ХРИСТОВЪ КРЕСТНИКЪ

Въ бѣдности жили люди, въ такой крайней нуждѣ, когда и попросить къ себѣ въ гости нельзя, а вѣдь у всякаго есть праздникъ и безъ праздника не свѣтла и такъ ужъ трудная жизнь.

И вотъ родился сынъ: окрестить надо, а въ кумовья и позвать некого.

Богатъ если и въ силѣ — всѣ къ тебѣ придутъ, а къ бѣдному — нешто рваньемъ заманишь?

Вотъ сидитъ Иванъ да Марья:

— Чего съ ребенкомъ дѣлать!

Да ропотомъ тоже не поможешь.

А идеть мимо странникъ.

— Позовемъ странника, странникъ не откажеть!

А какъ взглянули въ лицо, даже страхъ сталъ: безъ носу и какъ смерть сама, тоже щерится.

— А какъ назвать младенца? — Марья ужъ и не рада.

Да что подѣлать: стерпѣть надо — некрещеному тоже невозможно.

— Іовомъ назовемъ: Іовъ крестникъ мой, — кротко отвѣтилъ странникъ.

Видно, и самъ онъ не отъ радости, отъ несчастья.
И кто это знаетъ:

за что и для чего человѣку такое — въ
міръ ты пришелъ и всѣ бѣгутъ отъ тебя?

И окрестили: Іовомъ назвали младенца, какъ кумъ
сказалъ.

И жалко имъ стало.

— Попросимъ, — говорить Иванъ Марьѣ, —
нашего кума, хоть такъ посидѣть съ нами.

Хватъ, а его и нѣтъ — какъ и не было.

Выросъ Іовъ, сталъ отца, мать разспрашивать,
гдѣ его крестный и кто онъ такой?

Не хотѣлось разсказывать: чего вспоминать!

Жили ужъ не такъ: стали поправляться, стало и
у нихъ и свѣтло и весело въ домѣ — это съ Іовомъ
пришло, видно, счастье.

А Іовъ все пристаетъ: скажи да скажи.

— Въ бѣдности мы жили, — сказалъ отецъ, —
никто къ намъ и не придетъ, бывало, да и пригласить
совѣтно, а какъ ты родился и въ кумовья позвать не-
кого: кто пойдетъ къ нищему! Согласился странникъ
одинъ, откестили тебя, и съ того дня пропалъ, больше
и не видѣли.

— А вотъ бы мнѣ повидать его! — задумался
Іовъ, — на Свѣтлый день, какъ идутъ изъ церкви,
христосуются съ крестнымъ, а мнѣ и не съ кѣмъ.

— Глупый ты глупый, — сказала мать, — да
лучше со псомъ похристосоваться: крестный-то твой
срамной!

На заутренѣ въ Пасху стоять Іовъ въ церкви.
Всѣ идутъ и христосуются, онъ одинъ стоять и
подойти ему не къ кому.
И вотъ подходитъ къ нему — сталь передъ нимъ:
— Христосъ воскресъ, милый крестникъ мой!
— Воистину воскресъ.

Обрадовался Іовъ: нашель онъ крестнаго.
Крестный взялъ его за руку и повелъ — не изъ
церкви, въ церкви по воздуху вверхъ — на небеса.

Плачутъ отецъ и мать — потеряли сына.
Сѣсть разговляться — Іова нѣтъ, Іовъ пропалъ.
— Видѣли вы нашего сына у заутрени?
Говорятъ:
— Видѣли: съ крестнымъ онъ христосовался и
вмѣстѣ изъ церкви вышли. Подъ стать другъ другу,
молодые оба — какъ сверстники.
— Такъ это какой проходимецъ увелъ его: вѣдь,
крестный его — срамной, старый, безъ носа.

Годъ не было Іова дома.
Годъ не было о Іовѣ слуха.
Горевали старики о сынѣ, помириться не могутъ:
пропалъ!

А надо бѣду принять:
не спроста приходить бѣда, какъ и нѣть
ничего, чтобы зря было въ жизни — и
боль и напасти; и только никто не знаетъ
и не скажетъ, за что и для чего такое?

На другой годъ, въ самую Христову заутреню, какъ итти христосоваться, Іовъ ровно бы отъ сна очнулся и на которомъ мѣстѣ стоялъ у столба, тамъ и стоить.

Кончилась служба, приходитъ Іовъ домой.

— Христосъ воскресъ, родители мои!

Какъ взглянули старики — Іовъ, сынъ ихъ.

— Воистину воскресъ!

Расплакались — не ждали вѣдь, не чаяли —

— Воистину воскресъ!

Стали они его разспрашивать, и гдѣ былъ и гдѣ пропадалъ — цѣлый вѣдь годъ!

— И не годъ, а только три часа. И завтра опять пойду.

— Да куда ты пойдешь?

— Къ Марку богатому: отнести ему надо златницу отъ крестнаго. Я вѣдь крестнаго нашелъ, у крестнаго я и былъ.

Рано, еще только солнцу взойти, сталъ Іовъ прощаться.

И не пускали —

— Хоть бы съ нами денекъ одинъ прожилъ!

Ушелъ.

★

Приходитъ Іовъ къ Марку богатому.

Сидѣть у окна Маркъ богатый, качаетъ въ люлькѣ родителей: старые они, ходить не могутъ.

— Прими, Маркъ, златницу, корми родителей, тебѣ на хлѣбъ.

— Не надо мнѣ золота: отымутъ у меня богатые, засудятъ судьи.

Вернуль Маркъ деньги Іову.

И вышелъ Іовъ отъ нищаго — отъ Марка богатаго.

★

Идеть Іовъ путемъ дорогою.

Люди дрова перекладываютъ —

— Богъ въ помощь, добрые люди!

— Ой, милый братецъ, рукавицъ на рукахъ нѣту и, видишь, безъ сапогъ, голы мы и босы, оборвались совсѣмъ и отъ голода силы не стало, спроси у Господа Бога, долго ли намъ горевать?

★

Дальше Іовъ идетъ.

Женщины воду черпаютъ: изъ колодца въ колодецъ воду ведрами переливаютъ —

— Богъ въ помощь, добрые люди!

— Ой, милый братецъ, кожа съ рукъ слѣзла, иззябли, спроси у Господа Бога, долго ли намъ горевать?

★

Дальше Іовъ идетъ.

Стоить домъ, подъ угломъ старуха: держить старуха домъ на плечахъ —

— Богъ въ помощь, добрый человѣкъ!

— Ой, милый братецъ, всю спину разломило: этакую тяжесть день-деньской все на себѣ, спроси у Господа Бога, долго ли мнѣ горевать?

★

Дальше Іовъ идетъ.

Лежить щука на дорогѣ — вотъ-вотъ глаза выйдутъ, ротъ разинуть —

Пожалѣлъ Іовъ щуку.

И говорить ему щука:

— Ой, милый братецъ, не могу безъ воды и поплавать такъ хочется, не могу жить на землѣ, спроси у Господа Бога, долго ли мнѣ горевать?

★

И приходитъ Іовъ къ пещерѣ.

— Здравствуй, крестный! Едва я нашелъ тебя.

— А гдѣ же ты былъ?

— Я отъ Марка богатаго.

— Ты всю землю прошелъ.

— Не береть Маркъ золота: отнимуть, говорить, богатые, засудятъ судьи.

— Хлѣба снеси ему.

— А когда шель я, попались мнѣ люди: дрова перекладываютъ — очень мучаются, оборванные и голодные.

— Пускай перекладываютъ до вѣка: зачѣмъ дрова воровали — обидой, клеветой, черствымъ своимъ сердцемъ отымали тепло у сердца!

— Встрѣтиль я женшинъ: переливаютъ воду изъ колодца въ колодецъ: иззябли.

— Пускай переливаютъ до вѣка: зачѣмъ воду въ молоко подливали — обманывали, обольщали сердце!

— Еще видѣль я щуку: лежить щука на дорогѣ — перетрескалась вся, отъ жажды ротъ разинуть, просится въ море.

— Жадная, жестокая, пускай выглотнетъ сорокъ кораблей, будеть въ морѣ!

Іовъ хотѣлъ было итти и передать слова крестнаго всѣмъ измученнымъ — они тамъ на дорогѣ ждутъ его.

— Милый мой крестникъ, — остановилъ крестный, — есть у Загорнаго царя дочь царевна Магдалина, возьми Магдалину замужъ. Я самъ вѣнчать васъ буду.

Простился Іовъ и пошелъ изъ пещеры назадъ той же дорожкой.

★

Подходитъ Іовъ къ щукѣ.

Обрадовалась:

— Ну, что, милый братецъ?

— А выплюнь ты сорокъ кораблей и будешь въ морѣ свободна!

Выплюнула щука корабль за кораблемъ — всѣ сорокъ кораблей, и поплыла себѣ въ море.

Приходитъ Іовъ къ старухѣ, что плечомъ домъ держитъ.

— Ну, что, милый братецъ?

— Горюй до вѣка.

Заплакала старуха:

— — до вѣка, когда же?

Приходитъ Іовъ и къ тѣмъ, что воду изъ колодца въ колодецъ переливаютъ.

— Ну, что, милый братецъ?

— Горуйте до вѣка.

Задрожали несчастныя:

— — до вѣка, и не будетъ конца?

Приходитъ Іовъ и къ тѣмъ, что дрова перекладываютъ, къ оборваннымъ и голоднымъ.

— Ну, что, милый братецъ?

— Горуйте до вѣка.

И руки опустились:

— — до вѣка.

Подходитъ Іовъ къ Марку богатому.

— Маркъ, вотъ тебѣ хлѣбъ.

— Не хочу я, не надо мнѣ: родители мои
померли.

Положилъ Іовъ на столъ хлѣбъ нищему — Марку
богатому.

Обидно отцу и матери: не живеть сынъ съ ними.

— Не на то мы тебя ~~рѣстили~~, что тебя дома
не видно!

И горько старикамъ:

— Некому будеть и глазъ закрыть.

Странникомъ въ крестнаго ходитъ Іовъ по труд-
нымъ дорогамъ —

столько есть радости въ мірѣ и въ мірѣ
же такая невыносная мука.

И неужто нѣть срока?

И горе — до вѣка?

И нѣть такой силы освободиться?

Говорить Іовъ отцу и матери:

— Есть у Загорнаго царя дочь Магдалина.
Крестный просваталъ мнѣ Магдалину.

Отецъ и мать въ ужасъ:

— Магдалину! Въ гноѣ лежить она, страшно
смотретьъ, ей и ъду въ окно подаютъ: смрадъ идеть
отъ нея.

Не послушалъ Іовъ.

Не нарушилъ слова:

— Магдалина будеть его женою.

Спрашиваетъ Іовъ:

— Можно мнѣ видѣть царевну?

— Ой, милый братецъ, — говоритъ царица, — нельзя къ ней: смрадъ идетъ.

— Ничего, пусти меня, я беру ее въ обрученье.

— Куда ее! — заплакала мать, — несчастную!

Іовъ вошелъ къ царевнѣ.

Царевна лежала — на вѣкъ безъ надежды.

Подняла глаза она безнадежно.

Ужъ никогда никого не просила и въ сердцѣ ея послѣднія жалобы оступѣли.

— Вставай, Магдалина, я, Іовъ, женихъ твой!

И взялъ ее Іовъ за правую руку, какъ невѣсту.

И вдругъ какъ огонь жарко огнемъ пыхнуло.

И чиста поднялась Магдалина невѣстой.

Въ церковь къ Вознесению Христову повель Іовъ невѣсту.

Тутъ ихъ крестный и повѣнчалъ: Іова и Магдалину.

— Милые крестники мои, оставляйте эту жизнь, ступайте со мной!

И повель ихъ изъ церкви — въ церкви по воздуху вверхъ на небеса.

СТОРОНА НЕБЫВАЛАЯ

Жилъ-былъ такой молодецъ, все хотѣлъ знать, до всего доходилъ и задумалъ онъ думу:

гдѣ-то есть на свѣтѣ такая сторона, гдѣ живутъ — не старѣютъ, не умираютъ.

И попрощался молодецъ съ родной стороной, пошелъ искать сторону небывалую.

Вотъ видитъ онъ поле:

стоять пни и лижутъ ихъ коблы.

— Коблушки, вы не знаете ли, гдѣ это такая сторона, гдѣ живутъ — не старѣютъ, не умираютъ?

— А! — говорять ему коблы, языки свои высынули, мотаютъ, — чего еще, живи съ нами: когда пеньё все сlijемъ, тутъ намъ и крышка.

Посмотрѣлъ молодецъ:

а пни — во! кулакомъ не возьмешь.

Да нѣть, все ему мало:

— и на пеньё будетъ чередъ!

И пошелъ дальше.

*

Вотъ встрѣчаются ему горы, а у горъ свиньи: свиньи роютъ тѣ горы.

— Свинушки, свинятушки, не знаете ли вы такой стороны, гдѣ живутъ — не старѣютъ, не умираютъ?

— А! — говорять ему свиньи, — чего искать, живи съ нами: роемъ мы горы и тогда только жизнь нашу кончимъ, какъ сроемъ всѣ горы.

Посмотрѣлъ молодецъ на горы:

высоки стоять бѣлые за облака.

Да нѣтъ, все ему мало:

— придетъ чередъ и на горы, сроютъ ихъ свиньи!

И пошелъ дальше.

Шелъ онъ, шелъ — ни жилья, и пѣтухъ не поетъ.

И видѣтъ:

золотой дворикъ.

И навстрѣчу ему дѣвица:

— Чего ты, молодецъ, ищешь?

— А есть ли на свѣтѣ такая сторона, гдѣ живутъ — не старѣютъ, не умираютъ?

— А ты живи у насъ! У насъ эта-то самая жизнь и есть: не старѣютъ, не умираютъ.

Повѣрилъ и остался.

Живетъ молодецъ годъ —

анъ, не годъ, десять прошло;
живетъ шесть годовъ,

анъ, шесть десятковъ прошло;
прожилъ сто лѣтъ,
анъ, тысяча кончилась.

И соскучился онъ по родной сторонѣ:
— хоть бы глазкомъ посмотрѣть!

А та дѣвица, что его встрѣтила на золотомъ-то
дворикѣ — волхва:
все знать и всѣ его мысли.

— Поѣзжай-ка ты, молодецъ, домой — на свою
на родную сторону.

И дала ему коня-доходца:

донесетъ его конь до самыхъ воротъ.

А какъ онъ радъ — на родную сторону! — и по-
благодарить забылъ.

Сѣль на коня — только пыль закурилась.

Ни жилья и пѣтухъ не поетъ.

Ѣдетъ день, Ѣдетъ другой.

Ѣдетъ онъ шаршавыми кустиками —
и какія-то птички все хыкаютъ,
да такъ жалобно.

И старая, старая ходить старуха, опѣнки срѣзаетъ.

— Бабушка, что это птахи такъ хыкаютъ, такъ
жалобно? Бабушка!

— Эхъ, сынокъ, давно это было, сколько го-
довъ, никто не упомнить, а стояло тутъ село и пропа-
ло, потомъ роща — и роща засохла, и выросли эти
шаршавые кустики.

А птахи все хыкаютъ.

И пала на сердце жуть — верть отъ старухи.

И птахи за нимъ.

Онъ вскачъ —

а онъ надъ головой:

— никуда не уйти!

И видитъ онъ горы, а у горъ свиньи:

свиньи роютъ горы.

— горы-то ничуть не убыли!

— Свинушки, примите меня!

— Нѣтъ, тогда не хотѣль, не принимаемъ!

Поѣхалъ онъ дальше.

А птахи за нимъ —

надъ нимъ хыкаютъ.

И видитъ онъ пни —

— все тѣ же!

И лижутъ ихъ коблы.

— Коблушки, примите меня!

— Нѣтъ, тогда не хотѣль, а теперь не надо.

И поѣхалъ одинъ на конѣ.

А надъ нимъ птахи —

птахи такъ хыкаютъ,

такъ жалобно.

Вотъ и домъ.

Издалека увидѣлъ его — не вѣрить глазамъ —
нѣтъ, его это домъ —

— родная сторона!

Подогналъ коня.

И только въ ворота —

а одна птаха какъ швыркнетъ впередъ — —

Тутъ онъ и грѣкнулся.

МУТЫ

Ходила старуха за морошкой въ лѣсъ.

Набрала старуха полонъ буракъ и заблудилась:
ходить по лѣсу, выйти не можетъ.

А Лѣшій-шишко — ему только того и надо! —
радъ, что старуха домой попасть не можетъ —

Лѣшій тутъ-какъ-тутъ.

И не въ старухѣ дѣло:
въ старухѣ-то ему корысть какая!

А спасались въ лѣсу два старца — двѣ избушки
въ лѣсу стояло; страшали старцы прогнать Лѣшаго
изъ лѣса, вотъ на нихъ, на старцевъ-то и былъ зубъ
у Лѣшаго.

И говоритъ Лѣшій-шишко старухѣ:

— А что, бабка, не можешь ли муты сдѣлать
со старцемъ: смутить, значить, грѣхъ произвести?

Страсть напугалась старуха, инда дрожь на сердцѣ:
на все готова —

и рада старуха на старости лѣтъ до самого
конца своего хоть заячьей, хоть бѣличьей
говядиной питаться, лѣшинымъ кушаньемъ
любимымъ, только бы домой ей дойти!

— Ты, бабка, покличь старца, а какъ высунется, щелкни въ лысину да скажи: на, другому оставь! Только и всего. Я тебя, Федоровна, домой сведу!

И пошелъ, будто курь пошелъ, не откликнется.

Дѣлать нечего, пошла старуха за Лѣшимъ.

Да къ избушкамъ и вышла, гдѣ старцы спасались.

— Отецъ, отворите окошко! — стучить старуха къ старцу.

Отворилъ старецъ окно, наклонился къ старухѣ —

А она его шлепъ по лысинѣ;

— На, другому оставь!

И пошла прочь.

А старецъ не успѣлъ и окна затворить, другой ужъ идетъ:

слышалъ другой старецъ, что старуха-то сказала.

— Что, — говорить, — чего тебѣ дали?

— А не дали ничего.

— Какъ же ничего, самъ слышалъ: оставь другому!

Поспорили.

Дальше-больше, и такой грѣхъ вышелъ, переругались старцы.

И ужъ въ чёмъ только ни обвинили другъ друга!

И спасенье ихъ ни во что пошло, хоть опять въ дупло полѣзай до сызнова всѣ грѣхи замаливай.

А старуху Лѣшій изъ лѣсу вывелъ, домой свелъ.

ЗА ОВЦУ

Сидѣли дѣвки у старика, у Тихона на вечеринкѣ.

Задумали дѣвки складню сдѣлать — старику угощеніе, а старикъ пришелни дѣвкамъ:

чѣмъ сорить деньгами-то, лучше унести
овцу у сосѣда!

Такой былъ старикъ ягатый.

А дѣвки что, дурья голова, не подумавши, выскочили которыя пошустрѣе, зашли безъ огня въ хлѣвъ къ сосѣду, овцѣ шапку наложили, чтобы не блеяла, и унесли къ старику, къ Тихону.

Такой былъ старикъ ягатый.

Утромъ встаетъ хозяйка да въ хлѣвъ, — овецъ у ней было много, все бѣлые, одна овца черная, — и какъ на грѣхъ той-то черной и нѣту!

А мужъ у нея, сосѣдъ Тихона, по-вороныи жилъ, въ карты проигрывалъ, вино любилъ:

баба-то на него и подумала.

Раздосадовалась, вернулась баба въ йзбу, съ сердца пхнула мужа.

— Это ты, — говоритъ, — несчастный, ночью овцу унесъ, въ карты проигралъ.

— Нѣтъ, — говорить мужъ, — зернышкомъ виноватъ, каюсь, а овцу не трогалъ.

Такъ и повѣрилъ!

не трогалъ!

коли зерно носиль продавать, такъ и овцу продалъ.

— У! несчастный, овцу укралъ! — клеплеть мужика баба.

Досадно ей, за сердце береть.

И пришлось бѣднягѣ повиниться.

Ничего не подѣлаешь, повинился, что съ зерномъ и овцу укралъ.

Тѣмъ это дѣло и кончилось:

остался виноватымъ невиновный.

А стариkъ Тихонъ съѣль себѣ сосѣдскую овцу, ему и горя мало.

Такой былъ стариkъ ягатый.

Было у старика у Тихона три сына.

Вотъ на утро меньшой Михайла пошель удить на море, гдѣ стоять перемѣты. Удиль хорошо парень, да шутъ его знаетъ, повернуль, да не въ ту сторону.

— Мишка, — кричать ребята, — не туда идешь, тамъ суха вода!

Не слышить Михайла, знай, идеть себѣ.

Покричали, покричали, да и бросили.

Думаютъ, такъ пошелъ.

Такъ и потерялся Михайла.

И сколько его ни искали, и молебны-то служили, ничего не подѣйствовало.

А Михайла, какъ удилъ рыбу, задумался, тихій
быль такой парень, и привидѣлся ему старшій братъ
Василій.

— Пойдемъ, — будто говоритьъ Василій, —
ты не въ ту сторону пошелъ.

И пошелъ Михайла за братомъ.

И все шелъ за братомъ, да вдругъ потерялся братъ:
захохоталъ.

И не знаетъ Михайла, какъ очутился онъ въ лѣсу,
въ лѣсной избушкѣ.

Въ избѣ баба сидить и ребята незнамые.

— Заблудился я, — говоритъ Михайла.

— Нѣть, не заблудился, — говоритъ баба, —
тебя Лѣшій увелъ,

— А худо тутъ жить? — разспрашиваетъ
Михайла.

— А какъ худо! Замучаетъ тебя Лѣшій работой.
Кто съ огнемъ неосторожно ходить, да искрину
уронить, тутъ Лѣшему охота пожаръ сдѣлать, вотъ
и пошлеть раздувать. Тяжело это у людей пожаръ
раздувать.

И остался Михайла у Лѣшаго:
попалъ, не уйдешь!

★ ★

О конецъ Филиппова заговѣнья потерялся Михайла,
а весною передъ Пасхой выискалась одна старуха-во-
рожея, взялась старуха отыскать Михайлу:

въ Христову ночь отыскать человѣка можно!

— Въ ту пору, какъ съ крестнымъ ходомъ пой-
дуть, — толковала ворожея, — всякий покойникъ, вся-
кий пропавшій къ родительскому двору придетъ и по-

валится къ крыльцу, нужно только, чтобы черезъ порогъ въ это время три раза перешагнула дѣвица въ цвѣту.

Да никто не нашелся, и были, да побоялись.

„Сами себя вѣдь уходимъ!“ — побоялись.

И прошла Пасха.

Годъ прошелъ, стали забывать Михайлу.

А тутъ опять передъ Святой появился на селѣ человѣкъ одинъ, съ Лѣшимъ знался. Зашелъ онъ къ старику къ Тихону.

— Я, — говорить, — твоего Михайлу знаю, у Лѣшаго живеть на полуволокѣ, въ сторонѣ въ лѣсу, борода у него большущая... Надо тебѣ, такъ я свожу къ нему.

Ушелъ этотъ человѣкъ, что съ Лѣшимъ-то знается, старуха и говорить старику Тихону:

— Пойдемъ сына смотрѣть!

— Куда еще! Пускай тамъ живеть въ лѣсу.

Такъ и отступился стариикъ.

Дождались Святой, ушелъ стариикъ въ церковь, а старуха сидѣла дома.

И когда пошли кругомъ церкви, вдругъ въ избѣ какъ брякнетъ, стекла зазвенѣли.

Обижался Михайла, что старики не пошли посмотреть его, обижался, что всѣ отступились отъ него. Хотѣлось Михайлѣ домой, хоть на часокъ побывать дома, съ людьми по-людски посидѣть. Опостылѣло ему у Лѣшаго въ работѣ жить.

Лѣшачиха-то сердечная баба — ее тоже, какъ Михайлу, Лѣшій увелъ! — стало Лѣшачихѣ жалко Михайлу.

— Ты, — говоритъ, — Мишка несчастный, будеть тебя Лѣшій ъдой угощать, а ты и не ъшь.

Вотъ вернулся домой Лѣшій, собрала ему Лѣшачиха ужинать, сталъ Лѣшій Михайлу потчевать.

А Михайла отказывается.

— Я, — говоритъ, — сыть!

И не съль за столъ.

И самъ Лѣшій тоже не ъсть.

— Я тоже, — говоритъ, — сыть, у бабъ нынче молокомъ наѣлся. Которая, не благословясь, выцѣдить, я все у той выпью, а потомъ плюну въ кринки-то — кринки опять полны сдѣлаются... люди все съѣдятъ.

И день не ъсть Михайла, и другой не ъсть, и на третій не ъсть, и какъ Лѣшій не потчуетъ, все отказывается.

А Лѣшачиха и говоритъ Лѣшему:

— Выведи ты этого парня. Эку бѣду привель, все жиль хорошо, а теперь хлѣба не ъсть, брось ты его на старое мѣсто, не будеть отъ него прока.

Ну, Лѣшій и послушался—сговорчивый!—схватиль Лѣшій парня и поволокъ изъ избушки, да у моря на старое мѣсто, гдѣ перемѣты стоять, тамъ и кинулъ.

Едва отошелъ Михайла, едва добрель до дома, до старииковъ.

И за что несчастный такъ натерпѣлся!

А старицъ и старуха признать сына не могутъ:

почернѣль весь, борода большущая, и путно слова не скажеть, сказать не можетъ, — три года вѣдь терпѣль, несчастный!

Едва признали старики сына.

Тутъ и кончилось дѣло.

ЗОЛОТОЙ КАФТАНЪ

Побирался стариkъ нищій, драный, одинъ каftанъ на плечахъ, да и тотъ весь въ заплатахъ.

Пришелъ нищій къ одному хозяину, милостыню проситъ. Подалъ хозяинъ нищему — добрый былъ человѣкъ, помогалъ бѣднымъ.

А нищій и ночевать просится. И ночевать пустиль хозяинъ:

какъ не пустить — хворый стариkъ, и куда, на ночь глядя, итти такому, только что каftанъ на плечахъ да и тотъ весь въ заплатахъ.

Ночью разнемогся нищій, къ утру не легче, — въ чемъ душа! — полежалъ и померъ.

Что хозяину дѣлать съ каftаномъ, куда такое добро дѣвать:

заплата на заплатѣ, грязный!

Топилась печка, хозяинъ взялъ да и бросилъ каftанъ въ огонь.

Печка загасла.

„Ладно, — думаетъ, — брошу я его въ рѣку!“

Взял кафтанъ, пошел къ рѣчкѣ.

А какъ сталъ топить, затопить-то и не можетъ:
не идетъ кафтанъ ко дну и не уносить
его никуда.

Вернулся хозяинъ домой.

„Дай, — думаетъ, — поразберусь, что за диковин-
ное добро кафтанъ этотъ?“

А кафтанъ: заплата на заплатѣ, грязный, въ руки
взять страшно.

Распоролъ онъ заплату, а ему на полъ деньги.

И сколько онъ ни поролъ заплаты, изъ каждой
заплатки ему деньги такъ и катятся.

Напоролъ онъ денегъ вотъ столько!

Сталъ считать, насчиталъ тысячу.

Цѣлая тысяча! Куда ему такія деньги?

Не знать хозяинъ что ему дѣлать съ деньгами.

А случилось, проходилъ мимо дома калика про-
ходящій, старичокъ мудрый, — и смотрѣть и слу-
шаетъ, мудрый.

Онъ къ каликѣ, рассказалъ все, какъ было.

— Куда, — спрашиваетъ, — эти деньги?

— А ты, — говорить калика, — эти деньги
возьми, сходи на рынокъ и купи свинью, и пока денегъ
хватить, такъ все и корми ее.

Хозяинъ такъ и сдѣлалъ.

Купилъ онъ свинью, сталъ кормить свинью. И
годъ кормить, и другой кормить, и третій. И пока
денегъ хватало, все кормилъ ее. Кончились деньги,
больше кормить нечѣмъ.

И опять онъ не знаетъ, что ему дѣлать.

Лежить свинья голодная, а онъ вокругъ свиньи ходить, не знаетъ, что ему со свиньей дѣлать.

И видить, идетъ калика проходящій, старичокъ мудрый.

Онъ къ каликѣ:

— Свинью кормить денегъ нѣтъ, больше кормить нечѣмъ!

— Такъ ты, — говоритъ калика, — выпусти свинью на улицу и ходи вслѣдъ за ней, карауль ее!

Хозяинъ такъ и сдѣлалъ.

Выпустилъ свинью, пошла свинья, и онъ за свиньей: куда свинья, туда и онъ.

И день ходить, и другой ходить, и третій.

И пришла свинья на лугъ:

Такой широкій лугъ зеленый, посередкѣ рѣчка бѣжитъ, а по рѣчкѣ колесо катить огненное съ огнемъ, и въ колесѣ народъ, много народа сидить, и тотъ нищій сидить.

Свинья какъ вскочить и прямо въ рѣчку, — въ колесо.

И все стерялось: ни рѣчки, ни луга, ни колеса, ни свиньи, — пустое поле.

Пустымъ полемъ пошелъ хозяинъ домой одинъ безъ свиньи.

А ему навстрѣчу калика проходящій, старичокъ мудрый.

— Ну, что свинья? — спрашиваетъ калика, а самъ словно радъ чему-то.

Тотъ ему и рассказалъ все, какъ было.

— Вотъ, дитятко, — сказалъ калика, — ни-
щій-то ходилъ и просилъ, не работалъ, чужую копейку
пряталъ, скопилъ денегъ, тысячу скопилъ, у другихъ
отымалъ, трудовыя, горькія, и все сгорить, все взы-
щется. То намъ за грѣхи Господь даетъ!

ГОСПОДЕНЬ ЗВОНЪ

Жилъ одинъ стариkъ въ лѣсу. А ушелъ стариkъ въ лѣсъ, чтобы Богу угодить, Богу молиться. И много лѣтъ жилъ такъ стариkъ въ лѣсу, все молился. И чѣмъ больше онъ молился, тѣмъ яснѣй ему было, что жизнь его угоднѣй становится Богу, — все онъ у Бога узнаетъ и въ святые попадетъ. Такъ и жилъ стариkъ.

Ну, и приходитъ къ старику, ужъ кто его знаетъ какой, странникъ — калика проходящій.

— Богъ помошь, — говорить, — лѣсовой лежебочина!

А старику обидно:

— А какъ такъ я лежебочина, я Богу молюсь и тружусь, труды полагаю, потѣю!

— Потѣть-то потѣешь, — самъ улыбается странникъ, — а когда у Господа благовѣсть, къ обѣднѣ звонять и пора обѣда, чай, не знаешь! А вотъ на полѣ крестьянинъ благочестивый, тотъ знаетъ, — и пошелъ.

Ушелъ, ужъ кто его знаетъ какой, странникъ — калика проходящій, ушелъ, и остался стариkъ одинъ и взялъ себѣ въ разумъ:

„Какъ же такъ, жилъ онъ столько лѣтъ въ лѣсу, въ лѣсъ ушелъ, чтобы Богу угодить, молился, думалъ, что ужъ все у Бога знаетъ, въ святые попалъ, а и того не знаетъ, когда къ Господней обѣднѣ благовѣстять?“

И рѣшилъ стариkъ, итти ему на поле, искать того человѣка, который звонъ Господень слышить.

И вышелъ изъ лѣса, идеть стариkъ по полю и видѣть, мужикъ поле пашеть.

— Богъ помошь! — подошелъ стариkъ къ пахарю.

— Иди себѣ съ Богомъ, добрый человѣкъ! — поздоровался пахарь, а самъ, знай себѣ, пашеть.

И хотѣлъ ужъ стариkъ дальше итти: что съ такого возьмешь, такъ корявый мужичонка, — да присѣль на межу отдохнуть и раздумался.

Сидить стариkъ на межѣ, молитву творить, а пахарь все пашеть.

И долго сидѣлъ такъ стариkъ и, хоть корешками питался, о корешкахъ мысли пошли, а пахарь все пашеть.

Терпѣлъ стариkъ, терпѣлъ, всталъ.

— А обѣдалъ ли ты, добрый человѣкъ? — не вытерпѣлъ, всталъ стариkъ.

— Какой тамъ обѣдъ, еще у Господа благовѣсть не идетъ! — отвѣтилъ пахарь, а самъ, знай, все пашеть.

И опять присѣль стариkъ на межу.

И ужъ и голодъ забылъ и молитву не творить, сидить, ждетъ, слушаетъ, когда у Господа заблаговѣстять.

А пахарь допахалъ полосу, поставилъ лошадь, снялъ шапку, перекрестился.

— Ты чего, добрый человѣкъ, перекрестился?

— А вотъ благовѣсть къ обѣднѣ начался, звонъ Господенъ, обѣдать пора, — сказалъ пахарь, вынувъ краюшку, присѣлъ закусить.

Слушаетъ стариkъ, — ничего не слышитъ,
слушаетъ, — никакого звону не слышитъ.

И долго стоялъ такъ стариkъ и ничего не услышалъ.

И ясно ему, этотъ пахарь, мужичонка корявый,
больше его у Бога знаетъ.

И пошелъ стариkъ назадъ въ лѣсъ.

И опять сталъ молиться, и домолился стариkъ, въ святые попалъ.

ЧУЖАЯ ВИНА

Жиль-былъ прожиточный человѣкъ, большой хозяинъ. Семейный былъ человѣкъ: была у него жена, дѣти. Ладомъ жили, по хорошему: ни ссоры, ни крика, ничего такого.

Ну, Иванъ все съ домомъ, — известно, хозяинъ! — все Иванъ по дому въ заботахъ и хлопотахъ: некогда ему и на человѣка взглянуть, не только тамъ поговорить съ кѣмъ поближе, — все только дѣла, о дѣлахъ.

А хозяйка, совсѣмъ не такая, она отъ своихъ урветь, чужимъ дастъ, — сердечная была.

Пришелъ праздникъ: пошелъ Иванъ съ женой въ церковь, отстояли обѣдню, помолились Богу.

Кто о чемъ, а Иванъ и къ Богу все съ дѣлами, все о хозяйствѣ просить у Бога.

А вернулись изъ церкви, сѣли за столъ обѣдать.

Вотъ за обѣдомъ будто призаснулъ Иванъ, и показалось ему, что Успеніе-Богородица надъ столомъ стоять, и себя онъ будто видитъ, и жену хозяйку — на женѣ золотой вѣнецъ.

Проснулся Иванъ и съ той поры взялъ онъ въ раздумье, что это у жены его вѣнецъ золотой, а у него нѣть ничего?

И сталъ онъ думать о своей жизни богатой, хлопотливой и заботливой.

И чѣмъ больше думалъ, тѣмъ чаще говорилъ себѣ, что эта жизнь его, хлопотливая и богатая, не такая, не настоящая —

за такую жизнь его не будетъ ему золотого вѣнца.

„Бросить богатство, бобылемъ жить, въ работники пойти!“

Такъ рѣшилъ Иванъ.

И оставилъ Иванъ богатство свое, домъ, жену и дѣтей, все имъ оставилъ, все богатство свое, ничего себѣ не взялъ, — въ чѣмъ былъ, въ томъ и ушелъ.

На сторонѣ нанялся Иванъ въ работники къ хозяину, — всякую работу исполнять у хозяина.

Полюбился Иванъ хозяину: все исполнялъ, вездѣ готовъ былъ, хоть въ воду, хоть, куда хочешь, пошли, вездѣ все справитъ.

А хозяйка не взлюбила его, взяла и насказала хозяину.

— Вотъ ты, — говоритъ, — держиша Ивана около года, а вотъ онъ наѣхалъ на меня, рубашку разорвалъ да сарафанъ, всю разорвалъ, до тѣла выщипалъ!

Позвалъ хозяинъ Ивана.

— Какъ же, Иванъ, такъ дѣлаешь?

А онъ взялъ да и повинился. Будто и вправду согрѣшилъ:

— на себя вину взялъ!

Разсердился хозяинъ на Ивана и посадилъ его въ наказаніе въ темное мѣсто, въ холодную клѣть.

И выпускать не велѣль, такъ разсердился.

А Иванъ тамъ и померъ, въ темномъ-то мѣстѣ,
безъ пищи, въ холодѣ —

съ чужою виной на душѣ.

Померъ Иванъ.

И вотъ пошелъ ладанный духъ вездѣ по дому.

Носится ладанный духъ по дому, по комнатамъ, и
никто не домекнется, откуда такой духъ идетъ.

— Что это, — говоритъ хозяинъ, — откуда
этотъ ладанный духъ у насъ?

И схватился, — вспомниль Иванушку.

Тутъ повинилась хозяйка, да поздно.

Лежить Иванушка мертвъ — святой человѣкъ.

ЧАЕМЫЙ ГОСТЬ

Жиль человѣкъ такой богатый, богатый, сядеть за столъ, ъсть-ѣсть, насилу съ мѣста встанеть, такъ много всего.

Дружно, дородно, согласно жиль богачъ съ семьею: жена — хозяйка хорошая, дѣти — все молодцы, заглядѣнья! — и сыновья, и дочери.

Съ бѣдняками богачъ не знался, нищаго брата не пускалъ къ себѣ.

А жила у него въ домѣ больная тетка, по бѣдности держаль старуху:

старуха за душу его и молилась.

И о душѣ, значитъ, помниль, все честь честью, набожный быль хозяинъ,

Хозяйство — полная чаша. И за душу есть молебникъ. Чего еще?

А захотѣлъ богачъ, чтобы самъ Богъ въ гости къ нему пришелъ.

Вотъ и пошелъ онъ въ церковь Бога въ гости звать.

Велѣлъ постелить ковры отъ самаго дома до церкви, отслужилъ молебенъ, вернулся домой, сѣлъ у окна ждать.

И до вечера прождалъ.
Не тутъ-то было, хоть бы кто!

А въ ночь тетка больная старуха померла.
Ну и похоронили тетку, помянули старуху, — за душу, вѣдь, молилась! А Бога все нѣть и нѣть, — не идеть Богъ въ гости.

Въ день похоронъ вечеромъ приходитъ въ домъ ницій старичокъ. Просится ницій на ночлегъ пустить.

Не хотѣлъ богачъ пускать нищаго, да раздумался, — его и пустили.

А старичокъ и воды просить напиться и поужинать, Христа ради.

Дали нищему отъ ужина кость поглодать да въ клѣтушку, гдѣ померла тетка, и положили спать на ночь.

Ночь переночевалъ старичокъ, поблагодарилъ хозяевъ и пошелъ себѣ въ путь-дорогу.

А богачъ не унимается, нѣть-нѣть да въ окно и выглядянетъ:

все на дорогу смотрѣль, Бога смотрѣль,
Бога въ гости ждалъ.

Не тутъ-то было, хоть бы кто!

И ужъ который разъ, прождавъ понапрасну, легъ богачъ спать.

И показалась ему ночью во снѣ покойница тетка.
Бранить его тетка:

зачѣмъ положилъ нищаго старичка въ ея душной тѣсной клѣтушкѣ?

„Ходилъ ты въ церковь, — укоряла тетка, — звалъ Бога въ гости, ковры стелилъ, служилъ молебень, а Бога-то и проглядѣлъ! Чѣмъ старишка-то угостили? Кость старику, какъ собакѣ, бросиль! А вѣдь это самъ Богъ у тебя былъ, самъ Богъ приходилъ къ тебѣ въ гости.“

Пробудился богачъ, затужилъ, расплакался, что худо такого гостя принялъ.

Да ужъ нечего дѣлать, одно остается:

догнать старика, вернуть и все поправить.
И пошелъ богачъ искать нищаго — гостя своего.
И вездѣ спрашивалъ о немъ, не видаль ли кто?

— Не видали, — говорять ему.

Никто не видаль нищаго.

А богачъ не унимается, дальше идетъ, дальше отъ дома, все разспрашиваетъ о своемъ гостѣ.

Да такъ и покинулъ домъ, семью и богатство, больше не вернулся домой.

ПАСХАЛЬНЫЙ ОГОНЬ

Жилъ человѣкъ такой бѣдный, бѣдный, а просить стыдно было.

Другой разъ цѣлый день ёсть нечего... нѣть ни кусочка, ну да, какъ-нибудь, перетерпить и никому ни слова.

Все бѣднякъ молчкомъ сносилъ.

Да и лучше такъ-то помалкивать въ бѣдѣ:
есть кому съ тобой управляться! и кому
охота? у всякаго свое дѣло, свои заботы,—
всякъ о себѣ подумай!

Видно, ужъ Богъ такъ устроилъ.

Подошла Христова ночь, а у бѣдняка и огня нѣть,
нечѣмъ бѣдняку печку затопить.

Какъ тутъ сдѣлаться?

Крѣпился бѣднякъ, крѣпился, и не совладалъ съ
собою: ужъ очень пріуныль и запечалился.

Пошелъ онъ по сосѣдямъ кланяться.

И никто не даетъ огня.

И ходилъ бѣднякъ изъ дома въ домъ.

И никто ему не далъ огня.

Ужъ наступила Христова ночь, въ колоколь ударили, вошелъ бѣднякъ въ послѣднюю избу.

Топится печь въ избѣ, на лавкѣ покойникъ лежитъ. Больше никого нѣтъ.

Помолился бѣднякъ, присѣлъ на лавку.

И такъ ему вдругъ горько стало, обидно стало —
сталъ онъ будить покойника, съ мертвѣцомъ разговаривать.

И поднялся покойникъ:

— Что надо?

Просить бѣднякъ огня дать.

Всталъ покойникъ, пошелъ къ печкѣ, зачерпнулъ ковшъ углей, подалъ ковшъ, сказалъ:

— Домой, придешь, на столъ стряхни!

И опять на лавку легъ.

А ужъ бѣднякъ вотъ какъ радъ, сказать невозможно, ухватилъ ковшъ да бѣгомъ за дверь, давай Богъ ноги.

Прибѣжалъ онъ въ избу къ себѣ, вытряхнулъ угли на столъ, какъ велѣлъ покойникъ.

И вдругъ освѣтилась изба свѣтомъ-огнемъ.

А въ свѣтѣ-огнѣ стало золото, полонъ столъ — все золото.

На утро узнали сосѣди.

Всѣ сосѣди пришли къ бѣдняку — завидно имъ:
пришли спросить, откуда взялось у него
столько богатства.

— Это онъ все далъ!

И рассказалъ бѣднякъ, какъ въ Христову ночь въ послѣдней избѣ пробудился покойникъ и далъ огня, а изъ огня золото стало.

Къ ночи со всѣхъ дворовъ собрался народъ:
всѣмъ міромъ итти за огнемъ въ мертвѣцкую избу.

Окружили лавку—топилась въ избѣ печь, на лавкѣ покойникъ лежалъ—всѣмъ міромъ стали будить мертвѣца.

И поднялся покойникъ:

— Что надо?

— Дай огня!

Всталъ покойникъ, пошелъ къ печкѣ, зачерпнулъ ковшъ углей, подалъ ковшъ, сказалъ:

— На середкѣ деревни не трясите, а придете домой, на середку избы положите!

И опять на лавку легъ.

Ухватилъ каждый по угольку да скорѣе домой —
въ ладоняхъ несъ, чтобы добро не обронить!

И какъ наказывалъ покойникъ, положилъ каждый себѣ уголекъ на середку избы.

И вдругъ освѣтились избы свѣтомъ-огнемъ, поняло стѣны огнемъ — бросилось полымя.

И начался пожаръ.

Да какой страшный, все до тла выгорѣло.

Я не сказку сказываю, а правду.

РЫБОВЫ ГОЛОВЫ

Жилъ-былъ стариkъ со старухой. Жили они бѣдно. Ну, гдѣ старикамъ достать богатства! — и годы не тѣ, и работа не та, такъ кое-чѣмъ промышляли.

А былъ у нихъ внушенокъ Петъка. Внучонка старики очень любили.

— Петъка да Петъка! — только и сказъ у стариковъ, что про Петъку.

Да еще была у старика, кромѣ Петъки, другая еще забота:

прослышалъ стариkъ на свое горе, будто гдѣ-то у озера спрятанъ кладъ — золото.

Головы рѣшиться, а достать ему кладъ-золото!

Помалкивалъ стариkъ о кладѣ, никому ни пол слова, ни старухѣ, ни Петъкѣ.

И чуть выдастся случай, такъ тайкомъ къ озеру и идетъ, и копаетъ.

И много годовъ ходилъ стариkъ къ озеру, копалъ, искалъ кладъ, но кладъ все не показывался.

Разъ пошелъ стариkъ копать, — мѣстечко такое облюбовалъ вѣрное и надежное, — копаетъ себѣ да на руки поплевываетъ.

И вдругъ слышить голосъ:

— Что ты, стариkъ, трудишься и стараешься понапрасну! кладъ будешь твой: дай мнѣ только голову.

Выронилъ стариkъ заступъ, почесалъ въ головѣ: не знай радоваться, не знай пугаться.

„Какую голову? Чью голову?“

Пошелъ стариkъ домой, все думаетъ.

Кромѣ старухи да внучонка нѣть у него никого. Ужъ не свою же отдать голову?

Думалъ, думалъ стариkъ и рѣшилъ:

отдать онъ Петъкину голову.

Сколько вѣдь годовъ трудился онъ на старости лѣтъ, и вотъ показался кладъ. И стоило ли ему изъ-за какой-то головы добро упускать? А сколько, поди, скрыто тамъ всякаго золота, и все это золото его!

Конечно, отдать онъ Петъкину голову.

„Петъка — несмышлѣнnyй мальчонка, дитё, прямо на небеса угодить!“

Пришелъ стариkъ домой, говорить старухѣ:

— Испеки мнѣ, старуха, рыбничекъ, а я съ Петюнькой пойду завтра на озеро рыбу удить.

★

На утро испекла старуха рыбникъ, забралъ стариkъ пирогъ, снасти, удочки и отправился съ Петьюкой къ озеру, къ тому самому мѣсту, гдѣ кладъ былъ скрытъ.

Идутъ они къ озеру — стариkъ позади, Петьюка впереди.

Быстрый мальчонка: то съ птичками по птичьему примется разговаривать, то на куны лапочки станеть

и не угнаться куницѣ самой! Ну, такой быстрый, какъ искрина.

И жалко старику внучонка, да и кладъ-то надо достать.

Пришли они къ озеру, вздумалось старику закусить.

Сѣли на камушекъ, разломилъ старикъ рыбникъ, даль кусокъ внучонку, и принялся за ъду.

Въ рыбникѣ рыбы были все мелкія, ну Петька такъ съ косточками и упываетъ, а старикъ отвертываетъ головы и кидаетъ ихъ въ сторону.

„Экая дура старуха, — думаетъ старикъ — со слѣпу мелкоту такую наклада, весь рыбничекъ испортила! Подзакушу да и покончу съ мальчонкой.“

И вдругъ слышить знакомыи голосъ:

— Довольно мнѣ, старикъ, твоихъ головъ, бери кладъ и иди домой!

Косточкой чуть не подавился, такъ обрадовался старикъ, да скорѣе копать.

А изъ земли на томъ самомъ мѣстѣ ужъ во какой котелище торчитъ —

а въ котлѣ полно золота.

Забралъ старикъ золото да къ старухѣ домой.

Вотъ онѣ какія, головы рыбовы!

ОСЛИНЫЯ УШИ

Былъ у одного царя слуга. Силой звали.

И служилъ Сила царю вѣрою и правдой. Мастеръ на вѣ руки, гораздъ городить небылицы, умѣ лъ Сила держать языкъ за зубами, — ловкій.

А за то и царь любилъ Силу, всюду таскалъ съ собою и награждалъ всякий день золотыми медалями.

Случилось однажды, стала царь по утру квасомъ себѣ волосы примачивать, провелъ рукой по волосамъ — хвать, а уши-то ослиныя.

Сейчасъ къ зеркалу:

такъ и есть, они самыя, ослиныя.

Воть грѣхъ: за одну ночь такія выросли, ослиныя!

И наказываетъ царь слугѣ строго:

— Не говори ты никому, не выноси въ люди.

А Сила ужъ такой — могила:

Сила отцу родному ни пол слова!

Запряталъ царь уши подъ корону и сталъ себѣ царствовать, какъ ни въ чемъ не бывало.

А Сила терпѣль, терпѣль, никому не заикнется, а ужъ страсть хочется:

и во снѣ-то они одни только и снятся
и среди бѣла дня мерещатся, эти самыя
уши.

И стало Силѣ больше не въ мочь, — выскочилъ
онъ изъ дворца да прямо на улицу къ дорогѣ, гдѣ гу-
ляютъ.

Возлѣ дороги разгребъ землю, припалъ къ землѣ.

— Есть, — говоритъ, — у царя ослиныя уши,
выросли, а никто не знаетъ.

Сказаль да бѣгомъ назадъ.

И такъ легко и такъ ему весело, словно камень
съ плечъ.

Царь слугой не нахвалится: ужъ такого ни за ка-
кія деньги не купишь — Сила слуга вѣрный.

И попрежнему всюду царь таскалъ Силу съ собою
и награждалъ всякой день золотыми медалями.

А на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Сила съ землей раз-
говаривалъ, выросло деревцо — береза.

Ну и поѣхалъ однажды царь со слугою прогуляться.

Бдуть они по дорогѣ, а эта береза царю-то и
кланяется.

— Есть, — говоритъ, — у царя ослиныя уши!

Царь въ тутикъ.

— Поставь, — говоритъ слугѣ, — коня у бе-
резы! — а самъ тихонько спрашиваетъ: — что бе-
резка-то кланяется?

Тутъ Сила видѣтъ, дѣло плохо, да царю въ
ноги.

— Терпѣль, я терпѣль, да не вытерпѣль,
землю разгребъ и шепнуль, что у царя ослиныя уши.
А вотъ выросла березка и объясняется.

— Ну, — говоритъ царь, — ужъ если мать-
земля не могла выдержать, то гдѣ же крещеному!
Что въ лобъ, что по лбу.

МЫШОНОКЪ

Жили-были стариkъ со старухой и такie богомольные, что не только ни одной службы не пропустить, а другой разъ и нѣть ничего, а пойдутъ, хоть такъ потолкаться около церкви.

И всѣ старика и старуху почитали и всякому въ примѣръ ставили.

Вышли они разъ отъ обѣдни — дѣло было въ престольный праздникъ — и идутъ себѣ домой къ пирогу поспѣть:

— старуха-то, старикова жена, такie пироги пекла — обѣѣшься!

Глядятъ, а какой-то старишокъ ходить, крещеныхъ на обѣдъ зоветъ.

— Вотъ ихъ зовутъ, а нась нѣть, — говоритъ старику старуха, — коли бы нась позвали, мы бы посмотрѣли, какія кушанья.

А тотъ старишокъ подходитъ къ нимъ и ихъ тоже зоветъ.

Они и пошли.

Приходятъ къ старишку, а за столомъ полно, некуда сѣсть.

Хозяинъ говоритъ:

— Что старики, видно, послѣ пообѣдаете вы, не взыщите!

Ну, что подѣлаешь: подождать придется, некуда сѣсть.

Наѣлись гости, поблагодарили и ушли.

Тутъ хозяинъ посадилъ старика и старуху, а самъ приносить миску, поставилъ миску на столъ, приподнялъ крышку и опять закрылъ, — они-то не видѣли, чѣмъ положилъ, а я вотъ скажу: мышонка! — и вышелъ.

А старуха говоритъ старику:

— Дай-ка посмотримъ, ужъ вѣрно очень вкусное.

— Давай, старуха!

Да какъ приподняли крышку — посмотрѣть, страсть хочется, что тамъ въ мискѣ! — а оно оттуда чѣмъ — птичка али чѣмъ — вылетѣло, болѣе тамъ и нѣтъ ничего.

Вернулся хозяинъ.

Вышли изъ-за стола старики и старуха, благодарились, что накормилъ обѣдомъ, да по домамъ.

А тамъ и свое пропало:

старухинъ пирогъ давно сгорѣлъ въ печкѣ!

Старикъ на старуху, старуха на старика, одинъ на другого: языкомъ закусивши не больно сътно.

Экій мышонокъ!

ЛЕВЪ-ЗВЪРЬ

Бхалъ богатырь по чистому полю, конь у него и паль. И пошелъ богатырь пѣшкомъ на своихъ на двоихъ.

Видитъ богатырь: на дорогѣ дерутся Эмъя и Левъ-звѣрь, разбродили землю и ни который побить не можетъ.

— Эй, богатырь, — кричитъ Эмъя, — пособи мнѣ Льва-звѣря побѣдить!

— Эй, богатырь, — реветь Левъ-звѣрь, — пособи мнѣ Эмъю побѣдить!

Подумаль, подумаль богатырь и рѣшилъ заступиться за Льва-звѣря.

„Эмъя эмъей и будетъ, нечего отъ нея ждать мнѣ!“

И пособиль богатырь Льву-звѣрю.

Бросилъ Левъ-звѣрь Эмъю на землю, разорвалъ ее на-двоое.

Убили Эмъю.

Левъ-звѣрь спрашиваетъ богатыря:

— Чѣо тебѣ, богатырь, за услугу хочется?

— У меня коня нѣть, — говорить богатырь, — а пѣшкомъ я на своихъ на двоихъ не привыкъ ходить, подвези меня до города.

— Садись да, знай, держись крѣпче, — согласился Левъ-звѣрь.

Сѣлъ богатырь на Льва-звѣря, и побѣжалъ Левъ-звѣрь по чистому полю, по темному лѣсу, — гдѣ высоки горы, гдѣ глубоки ручьи, — все черезъ катить.

Выѣжалъ Левъ-звѣрь на зеленые луга и у заставы сталъ.

— Никому не сказывай, что на Львѣ-звѣрѣ ъхалъ, — говоритъ Левъ-звѣрь, — не то съѣмъ. Я самъ — царь! На себѣ возить мнѣ людей невозмож-но. Я тогда и царемъ не буду.

И пошелъ Левъ-звѣрь въ чистое поле, а богатырь въ городъ.

Пришелъ богатырь къ товарищамъ, а тѣ надѣ нимъ смѣются, что пѣшкомъ ходить.

Богатырь отпираться:

— Конь, — говоритъ, — паль.

А потомъ какъ выпилъ, да сталъ пьянъ-весель, и разсказалъ, какъ было:

какъ онъ на самомъ Львѣ-звѣрѣ пріѣхалъ!

Посидѣлъ богатырь съ товарищами и пошелъ себѣ коня искать.

И только это вышелъ онъ за городъ, а Левъ-звѣрь тутъ-какъ-тутъ:

бѣжитъ Левъ-звѣрь къ богатырю, пасть открыта, зубы оскалилъ.

— Зачѣмъ ты, — говоритъ, — похвасталъ, что на мнѣ ъхалъ? Говорилъ я тебѣ, ты не послушалъ, — съѣмъ!

— Извини, — говоритъ богатырь, — я тобою не хвасталъ.

— Какъ такъ не хвасталъ! Да ты же говорилъ, что на Левъ-звѣрѣ ъхалъ!

— Нѣть, Левъ-звѣрь, говорилъ, да не я, хмель говорилъ.

— Какой хмель?

— А вотъ попробуй, такъ и самъ увидиши.

Левъ-звѣрь согласился.

Выкатиль богатырь вина три бочки сороковыхъ.

Левъ-звѣрь бочку выпилъ, другую выпилъ, а изъ третьей только попробовалъ, и сталъ пьянъ:

ужъ бѣгалъ-бѣгалъ, бѣгалъ-бѣгалъ, упалъ и заснуль.

А богатырь, пока Левъ-звѣрь пьянымъ дѣломъ-то валялся, вкопалъ въ землю столбъ да туда на самую вышку и поднялъ Льва-звѣря.

Проснулся Левъ-звѣрь, очухался, — диву дается: и какъ это его угораздило на такую высоту подняться, а главное дѣло — спуститься не можетъ.

— Виши ты, хмель-то куда тебя занесъ! — говорить богатырь, — чтобъ, узналъ теперь, каковъ этотъ хмель?

— Узналъ, узналъ, — сдается на все Левъ-звѣрь, — только спусти, пожалуйста, а то чего добра-го еще сорвусь да и неловко: народу сколько!

Сняль богатырь Льва-звѣря.

И побѣжалъ Левъ-звѣрь въ чистое поле: будетъ хмель помнить, — срамъ-то какой!

ГОРЕ ЗЛОСЧАСТНОЕ

Жили два брата, одинъ бѣдный братъ, другой богатый.

Бѣднаго звали Иваномъ, богатаго — Степаномъ.

У богатаго Степана родился сынъ.

Позвалъ Степанъ на крестины знакомыхъ, пріятелей, да и бѣднаго брата не забылъ, позвалъ и Ивана.

Справили честь-честью крестины, напились, наѣлись гости, пьяны всѣ, веселы, всѣ довольны.

Напился и братъ Иванъ.

Идеть Иванъ домой пьяный отъ Степана, пьяный, затянуль бѣднякъ пѣсню.

Поетъ пѣсню, знать ничего не хочетъ, не желаетъ! — и вдругъ слышитъ, ровно ему подпѣваетъ кто тоненько, да такъ, тоненьkimъ голоскомъ, да и жалобно такъ, что дитѣ.

Оборвалъ Иванъ пѣсню, сталъ, прислушался.

Да нѣтъ, ничего не слышитъ, нѣтъ никого — или и тотъ замолчалъ?

— Кто тамъ? — окликнулъ бѣднякъ.

— Я.

— Кто „я“?

— Нужда твоя, горе — горе злосчастное.
Затаращился Иванъ, хват — стоитъ...

старушонка стоитъ, крохотная, отъ земли
не видать, сморщенная, ой, сѣрая, въ лох-
мотьяхъ, рваная, да плаксивая, жалость
береть.

— Ну, чего? — посмотрѣлъ Иванъ, посмот-
рѣлъ, — чего тебѣ зря топтаться, садись ко мнѣ въ
карманъ, домой унесу.

Закивала старушонка, заморгала, ощерилась, —
обрадовалась! — да въ карманъ Ивану скокъ и вско-
чила, да на самое дно.

Тутъ Иванъ захватилъ рукой карманъ, перевязаль
покрѣпче.

— Не выскочить!

И пошелъ и пошелъ, пѣсню запѣлъ.

Поетъ пѣсню Иванъ — пьянымъ-пьяно-пьянъ.

И она въ карманѣ его тамъ, старушонка тощая,
нужда его, горе его, горе злосчастное, — и тепло же
ей, и покойно ей! — въ карманѣ его тамъ подпѣваетъ
ему тоненько, да такъ, тоненьkimъ голоскомъ, жалобно
такъ, что дитѣ.

Еле-еле дотащился до дому Иванъ, развезло, раз-
морило его.

И прямо завалился спать, захрапѣлъ и забылъ все,
все таковское, горе свое злосчастное, нужду.

А она сидить у него, — она ничего не забыла,
она никогда ничего не забудеть! — согрѣлась въ те-
плушкѣ, старушонка дырявая, согрѣлась, морщинки рас-
правляетъ, щерится:

погулять ей завтра, попотѣшиться, разве-
селить она товарища пьянчужку пьяницу,
бѣднягу своего злосчастнаго.

— Миленький! Миленький мой, ау! — щерится, лебезитъ паскудная.

Очухался на утро Иванъ, поднялся, да какъ вспомнить про вчерашию находку свою, что въ карманъ сидить за узломъ, и скорѣе на выдумки:

какъ бы такъ изловчиться, отъ товарища отъ таковскаго навсегда избавиться.

Думалъ себѣ, думалъ Иванъ и надумался.

Досталъ бѣднякъ дерева, взялся дѣлать гробикъ.

— Что это ты дѣлаешь? — увидала, спрашиваетъ жена.

— Молчи, нужду поймаль, злосчастье наше, а схоронимъ нужду, заживемъ хорошо.

И сдѣлалъ Иванъ гробикъ, выстлалъ гробикъ соломой, развязалъ карманъ, запустилъ тихонько руку, поймаль старушонку, поймаль да въ гробикъ ее на сѣно.

— Ничего, бабушка, ничего, тутъ поспокойнѣе будетъ!

Да хлопъ крышку, прижалъ кулакомъ.

А жена ужъ и гвоздики держитъ.

И забили вмѣстѣ гробикъ — горе, злосчастье свое, нужду:

ей теперь совсѣмъ покойно, и! — никто тебя въ гробу не тронетъ.

Завязалъ Иванъ въ платокъ гробикъ, подхватилъ подъ мышку и на кладбище.

Тамъ вырылъ могилку у дядиной могилы, опустилъ гробикъ, закопалъ могилу и домой налегкѣ.

„Баба съ воза, кобылѣ легче! Довольно, помыкался, будетъ ужъ, много я обидѣ стерпѣлъ, ну, вотъ и избылъ нужду, теперь повалить мнѣ счастье!“

Идетъ Иванъ съ кладбища, свиститъ, самъ съ собой разговариваетъ и легко ему, способно итти —

нѣтъ горя злосчастнаго, нѣтъ нужды, въ могилѣ старая, не выскочить, не пристанеть старушонка плаксивая!

Глядь, а на дорогѣ что-то поблескиваетъ.

Нагнулся Иванъ, — а на землѣ золотой, сто рублей — золотой.

Вотъ оно гдѣ счастье!

Поднялъ Иванъ золотой и прямымъ путемъ на ярмарку.

Купилъ себѣ корову, купилъ коня и ужъ съ коровой и конемъ въ домъ — къ женѣ съ гостинцами.

И зажилъ Иванъ хорошо — копейка къ копейкѣ идетъ. Сталъ Иванъ деньгу наживатъ.

И сдѣлался скоро богатымъ, богатѣй своего брата богатаго Степана.

Слышитъ богатый братъ Степанъ, что перемѣна въ дѣлахъ у брата, и позавидовалъ Степанъ Ивану.

Пришелъ Степанъ въ гости къ брату, говоритъ Ивану:

— Давно ли ты, Иванъ, жилъ бѣдно? Объясни мнѣ, сдѣлай милость, отчего все такъ вышло, ты лучше меня зажилъ?

А Иванъ — теперь ему легко безъ нужды, осматриваться-то нечего, ему и невдомѣкъ совсѣмъ, что на мысляхъ у брата, да все начистоту брату и выложилъ о старушонкѣ, о бывшемъ горѣ своемъ злосчастномъ, о нуждѣ, которую заколотилъ въ гробъ накрѣпко.

— У могилы дядиной на кладбищѣ могилу выкопалъ, похоронилъ старушонку, не вылѣзеть! — весело, беззаботно говорилъ Иванъ Степану.

Слушаль Степанъ счастливаго брата, ничего не сказалъ и пошелъ, не домой пошелъ, а на кладбище, къ могилѣ дядиной.

И тамъ, на кладбищѣ, откопаль гробикъ старухинъ, крышку открылъ, выпустиль старуху.

— Поди, — говорить, — бабушка, на старое мѣсто къ брату Ивану.

А она, — ой, исхудала какъ, еще жальче стала, чернѣй еще, всѣ-то волосы повыльзали — одинъ голый толкачикъ торчитъ, вся одежда сотѣла.

— Нѣ пойду я къ Ивану, — пищить старушонка, ежится, — еще сшутить шутку Иванъ, шалый! Въ гробу-то лежать не сладко: не повернись, не подожмись, отлежала всю спину, руки-ноги омлѣли. Ты, Степанъ, ты добрый, ты меня ископаль на волю, пойду-ка я къ тебѣ, Иванычъ!

Да на плечи къ Степану какъ вскочить.

Степанъ заступъ на земь, бѣжать.

Бѣжитъ съ кладбища, а она на плечахъ у него, старушонка лысая, пищить ему въ уши:

— Ты добрый, Иванычъ, кормилецъ, освободилъ ты меня изъ ямы, вывелъ на волю, на свѣтъ Божій, ужъ отдышился у тебя, поправлюсь и заживемъ, эхъ, Иванычъ, дружно, милый, Степанъ Иванычъ, миленький, миленький мой, ау!

Безъ ума вломился Степанъ къ себѣ въ избу, трясетъ головой.

А старушонка скокъ съ плечъ да на печку, съ печки за печку, въ тараканю норку забиласъ, сидить — у! проклятая! — дышить.

— Я тутъ, — пищить старушонка, — здравствуй, Иванычъ!

Степанъ туда-сюда, а нѣть ея нигдѣ, нѣть старушонки, не видить.

Разсказалъ женѣ, вмѣстѣ искать принялись, шарили, шарили и такъ и съ огнемъ, а нѣть нигдѣ старушонки.

Да, нѣть, конечно, нѣть старушонки.

Затушили огонь и спокойно легли спать.

А въ ночь сгорѣлъ домъ, и много денегъ пропало, едва сами выскочили, едва вынесли сына.

Вотъ она гдѣ бѣда!

Кое-какъ въ уцѣлѣвшемъ амбарѣ примостился Степанъ съ женою.

„Ну, — думаетъ, — теперь довольно, будетъ сыта, проклятая, эхъ, горе мое!“

А она и въ амбарѣ, ей у Степана вольготно, куда хочетъ идетъ:

все выѣсть, все на дымъ пустить, самъ откопаль, самъ на свой вѣкъ несчастный.

Паль у Степана конь, пала корова. Дальше да больше, все въ проводъ, все въ проѣдъ.

Собралъ Степанъ послѣднія, оставались еще кое-какія деньжонки, да на послѣднія и купилъ коня.

Безъ коня какое хозяйство, конь — первое дѣло!

Купилъ Степанъ коня, а привель домой, — ко-была оказалась.

Вотъ она гдѣ бѣда!

Заѣла Степана нужда, а съ нуждой пошла незадача, вотъ куда зашла ему нужда!

„И зачѣмъ было выкапывать ее, старушонку, нужду прожорливую, позавидовалъ, на брата напустить хотѣль, позавидовалъ, и что взяль?

Вотъ она гдѣ бѣда!

Приходитъ къ Степану братъ Иванъ.

— Что это, братъ Степанъ, что такъ бѣдно у тебя?

— Да что, братъ, бѣда: бѣда за бѣдой.

Пожалѣлъ Иванъ брата, потужилъ съ братомъ.

Пришло время домой уходить, сталъ прощаться Иванъ, а Степанъ ему въ ноги.

— Прости, — говорить, — меня грѣшнаго, выкопалъ я твою старушонку-нужду, хотѣлъ на тебя напустить, а она ко мнѣ пришла, позавидовалъ я!

— Такъ вотъ отчего ты бѣденъ такъ!

— Забралась она въ домъ, и вездѣ прошла — и къ скоту и въ деньги, что подѣлаешь, прости меня, Иванъ!

Вынулъ Иванъ полный кошель, высыпалъ на столъ все до копейки и говорить:

— Деньги мои, а кошель твой будеть, и хоть пустой, да не съ нуждой.

А она услышала, старушонка-то, горе, горе злосчастное, нужда, да какъ выскочить изъ щелки да бухъ въ кошель.

— Я и здѣсь есть! — пищитъ, — я и здѣсь есть!

Тутъ Иванъ взялъ да концы у кошеля и задернулъ.

— Ты и тутъ есть, ну, такъ и сиди!

Завязалъ концы крѣпко, привязалъ къ кошелью камень, да съ Богомъ на рѣчку.

Притащили братья кошель къ рѣчкѣ, тамъ пустили его на воду.

И пошелъ кошель ко дну, потопили нужду-старушонку.

И зажили оба богато.

КУЗЬМА И ДЕМЬЯНЪ

Жили два брата — Кузьма и Демьянъ.

Кузьма былъ бѣдный, Демьянъ — богатый: Кузьма у Демьяна въ работникахъ служилъ.

Ночью приходитъ старицъ-нищій къ Демьяннову дому.

— Нельзя ли, Кузьма, ночевать у васъ? — просить нищій, старицъ такой старый, хворый.

— Не могу я, дѣдушка, пустить тебя ночью, надо хозяина спросить, брата Демьяна.

Пошелъ Кузьма къ Демьяну просить за нищаго: старицъ такой старый, хворый.

— Пусти его, хозяинъ!

— Нельзя такихъ пускать! — слышать ничего не想要 Демьянъ, — нечистоту только разводятъ, старуха не любить.

А нищій за окномъ стоитъ, ждетъ въ холода, — холодная ночь.

— Пусти старика, — просить Кузьма, — или меня уволь!

Тридцать лѣтъ служилъ Кузьма Демьяну, тридцать лѣтъ работалъ на хозяина, согнулся за работою.

— Не хочешь, какъ хочешь, уходи, а старика, я сказалъ, не пущу и не пущу. Повадятся такіе шататься, — заразу нанесутъ, и самъ убѣжишь изъ своего дома!

Демьянъ вынесъ Кузьмъ жалованье: тридцать сребромъ за тридцать лѣтъ его службы.

— На, получай!

Кузьма не беретъ денегъ.

— Твои деньги, бери! — суетъ Демьянъ сребро.

Кузьма не принимаетъ:

онъ такъ уйдетъ, не надо ему денегъ.

— Богъ съ тобой! Не надо мнѣ твоихъ денегъ!

У Демьяна сердце и отошло:

тридцать лѣтъ прослужилъ ему Кузьма и вотъ отказывается отъ своихъ трудовыхъ денегъ, не хочетъ деньги брать!

Велѣлъ Демьянъ пустить нищаго.

— Старуха не любить, — оправдывался Демьянъ, — наследятъ, наплюютъ, подтирай за ними!

Не спалъ ночь Демьянъ.

Всю ночь просидѣлъ Демьянъ съ нищимъ старикомъ, слушалъ старика. Божественные слова говорилъ старики, рассказывалъ про жизнь тѣ-свѣтную, о царствіи небесномъ.

И незамѣтно прошла ночь въ тѣсной каморкѣ, въ работницкой у Кузьмы.

— Добрый человѣкъ, ночуй еще ночку! — проситъ Демьянъ старика: растрогался, ведеть старика къ себѣ, въ свои чистыя комнаты.

Остался старикъ и на другую ночь.

И опять всю ночь рассказывалъ про будущую жизнь.

— Ночуй еще ночку! — просить Демьянъ.

Не хочетъ Демьянъ отпускать старика, позвалъ жену, сажаетъ старика въ красный уголъ.

Остался старикъ и на третью ночь и всю третью ночь рассказывалъ про жизнь тó-свѣтную, о мѣстѣ темномъ и грозномъ:

тамъ горькій плачъ и неутѣшный.

Поблагодариль Демьянъ старика за божественное.

Стали прощаться.

Старикъ и зоветъ къ себѣ Кузьму-работника въ гости.

— Нельзя мнѣ, дѣдушка, отъ дома отлучиться за хозяйствскимъ добромъ слѣдить надо. Не пустить хозяинъ! — отказывается Кузьма.

Старикъ къ хозяину, къ Демьяну.

— Пожалуйте, Демьянъ Ивановичъ, ко мнѣ въ гости!

— А гдѣ мнѣ искать тебя, добрый человѣкъ?

— А вотъ иди по этой тропинкѣ на восточную сторону и гляди: течетъ рѣчка, у рѣчки садъ березовый, тутъ и мой домъ въ саду стоитъ.

Пообѣщалъ Демьянъ старику, поблагодариль старика, выбралъ день, оставилъ Кузьму домъ караулить, а самъ пошелъ искать старика.

И, какъ сказалъ старикъ, на восточной сторонѣ, у рѣки, въ березомъ саду, увидѣлъ Демьянъ домъ.

И удивился Демьянъ: въ саду стоялъ величайшій домъ.

Вышелъ стариkъ встрѣтить гостя.

— Милый ты, Демьянъ, что же ты Кузьму не взялъ въ гости ко мнѣ? — и повелъ гостя въ домъ.

А въ домѣ свѣтъ, — въ домѣ, какъ въ Божьемъ храмѣ, свѣтло, свѣчи горятъ неугасимыя, а на дубовыхъ столахъ все яства сахарныя.

Усадилъ стариkъ гостя за столъ, сталъ угощать.

И ълъ, и пилъ Демьянъ, — и не убывали столы, все оставалось, какъ нетронутое.

И ночь прошла, какъ въ мановеніе ока: не замѣтилъ Демьянъ, какъ насталъ день.

Тутъ поднялся Демьянъ, благодарить хозяина.

— Милый ты человѣкъ, ночуй еще ночку, — оставлять стариkъ, — это ночевалъ ты за Кузьму, это Кузьмину ночку ночевалъ ты, ночуй для себя.

Остался Демьянъ и на другую ночь: онъ на всю жизнь остался бы у старика!

Но стариkъ не оставилъ его въ свѣтлыхъ, боятыхъ покояхъ, а повелъ въ другое.

Рѣдкія тоненькия свѣчки теплились по угламъ. — тамъ было скрѣе темно, чѣмъ свѣтло.

И Демьянъ уже скучаетъ и, вспоминая о домѣ, о женѣ, о хозяйствѣ, еще больше скучаетъ, а вспоминая прошлую, первую ночь, насили проводить ночь.

И ужъ едва дождался дня.

— Прощай, добрый человѣкъ, я не могу больше жить у тебя, я пойду домой.

Стариkъ не отпускаетъ.

— Я у тебя три ночи ночевалъ, ночуй и ты третью ночь у меня! — не отпускаетъ стариkъ.

Остался Демьянъ и на третью ночь.

Но стариkъ не оставилъ его въ полуутемныхъ покояхъ, а повелъ его внизъ, въ мѣсто темное, грубое,

самогрозное, и тамъ во тьмѣ поставилъ его на шатучую мостиночку.

Шатается, колеблется мостиночка надъ пропастной рѣкой,—

тамъ стонъ, тамъ крики, тамъ плачъ неутѣшенъ.

И не знаетъ Демьянъ, какъ прошла ночь, едва не померъ съ тоски.

И когда наступилъ день, стариkъ вывелъ Демьяна изъ темницы и повелъ черезъ полутемные покой къ свѣту — въ богатую, свѣтлую горницу, въ ту самую, гдѣ ночевалъ Демьянъ первую ночь.

Упалъ Демьянъ въ ноги старцу.

— Господи, нельзя ли мнѣ се-свѣтную жизнь мою промѣнять на вотъ эту тѣ-свѣтную?

— Если Кузьма съ тобой помѣняется, мѣнай! — сказалъ старецъ и отпустилъ Демьяна домой.

Вернулся Демьянъ въ себѣ въ домъ, къ своему хозяйству.

Цѣлы его домъ и хозяйство: сберегъ работникъ Кузьма всѣ его богатства.

— Братъ мой Кузьма, — проситъ Демьянъ, — промѣняй свое житѣе то-свѣтное на мое се-свѣтное, вѣдь, я богатъ, все есть у меня, чего хочешь!

Кузьма согласился.

— Я помѣняюсь съ тобой житѣемъ, только ты не встревайся въ дѣла, когда я буду хозяиномъ.

И сталъ Кузьма богатымъ, а богатый Демьянъ — бѣднымъ.

Сталъ Кузьма хозяиномъ, а хозяинъ Демьянъ — работникомъ.

И стало Демьяну жить худо, — трудно жить въ работѣ: не доѣсть, не доспить, все впроголодь.

Раствориль Кузьма двери своего дома и домъ его наполнился гостями.

И съ утра до вечера, съ вечера до утра, ночи напролѣтъ шелъ пиръ и гульба у Кузьмы: плясали, веселились, бражничали.

Всякій, кто хочетъ, идетъ къ Кузьмѣ, чего хочетъ, береть у Кузьмы.

И скоро ничего не осталось отъ хозяйства и отъ богатства его,— весело расточиъ Кузьма все богатство свое.

И ужъ богатые отвернулись отъ него, и бѣдные ушли отъ него, и ни души не осталось въ домѣ.

— Экій ты, Кузьма, до чего дожилъ: у меня было сколько добра, а у тебя одна коврига хлѣба осталась!— пенялъ Кузьмѣ работникъ его, братъ его Демьянъ.

Одна коврига хлѣба осталась у Кузьмы!

Три дня ни крохи въ ротъ не бралъ Кузьма, поджидалъ гостей, чтобы послѣднее добро съ гостями раздѣлить.

Но никого не было, не приходили гости.

И вотъ на третій день объявился гость.

Обрадовался Кузьма, усадилъ гостя за столъ, ковригу хлѣба кладеть.

— Ёшь, милый гость, кушай, дорогой, у меня больше дать нечего!

И взялъ гость хлѣбъ, благословилъ его, преломилъ и далъ Кузьмѣ ёсть, и взялъ воду въ чашѣ, благословилъ ее и далъ Кузьмѣ пить.

Пилъ Кузьма и ёлъ съ гостемъ.

— Славенъ Господь, объявился ко мнѣ!
И пошелъ гость, и Кузьма пошелъ провожать
гостя.

И навѣки ушелъ туда —
Въ пустомъ домѣ остался Демьянъ на пустой землѣ:
начинай новое житѣе и живи, хоть хорошо,
хоть худо, какъ знаешь!

КУМОВА КРОВАТЬ

Тридцать лѣтъ молилась Катерина въ пустынѣ, питалась травою-перстюю. Тридцать лѣтъ жила Катерина непорочно, людей не видала.

И приходитъ къ ней хромой старецъ, горбатый, пахорукій —

однимъ глазомъ смотритъ, другой — кривой.

— Что ты, Катерина, жестоко Господу Богу молишься, царства небеснаго тебѣ не наследовать и души не спасти!

— Почему такое?

— А потому, что ты плода по землѣ не пустила.

— Неправда, — сказала Катерина, — я слыхала другое: кто плода непустить, тотъ въ спасѣ бываетъ.

— А! пустяки, совсѣмъ наоборотъ: тотъ царства Божія не наследуетъ и души тому не спасти, кто плода непустить.

— Я тридцать лѣтъ живу, никого не видала, — ужъ оправдывается Катерина.

А тому только этого и надо.

— Душу-то спасти хочешь?

— Хочу.

— Ну, такъ чего же, завтра молодца тебѣ пришлю. Видишь, тёсъ тешутъ, все такіе, изъ-подъ ручки посмотрѣть, вотъ какіе!

И пошелъ хромой отъ Катерины.

Осталась одна Катерина, ужъ не молится, ждетъ.

★

На утро и приходитъ молодецъ — мало такихъ. И за разговоры, — и то и другое. И договорился: въ грѣхъ ввель Катерину.

— Ну, Катерина, родится сынъ или дочь, до шестнадцати лѣтъ твой, а съ шестнадцати пропиши мнѣ. Она ему и прописала.

Спряталь онъ рукописаніе и пошелъ отъ нея прочь. Смотрить она ему вслѣдъ —

А онъ съ каждымъ шагомъ не тотъ:

и хромой и горбатый, — пахорукій старики.

Догадалась Катерина, заревѣла голосомъ, а ужъ не воротить.

И ушла она изъ пустыни.

И въ міру родила сына.

★ ★

Растеть Васютка у Катерины, умный мальчиконка, играетъ съ ребятами на улицѣ.

Ребятишки дразнить, что отца у него нѣту.

— Мамонька, гдѣ у меня тятя?

А Катерина и заплакала.

— Чего же ты плачешь?

И стала приставать къ матери.

— У тя тятенька-то дьяволъ! — сказала Катерина.

Васютка съ перепугу затрясся.

— Жила я въ пустынѣ тридцать лѣтъ непорочно, искусила меня дьяволъ.

— Ой, мамонька!

— Я тебя въ живности отдала въ адъ.

— А какой онъ, мамонька?

— А который самый негодящій: хромой и кривой, горбатый, пахорукій.

А былъ на деревнѣ Федосей колдунъ: портилъ людей, много бѣды творилъ.

Говорили про колдуна — сатанѣ кумъ.

И когда подвыросъ Васютка, пошелъ къ колдуну.

— Дяденька, голубчикъ, попроси у своего кума: мать моя Катерина прописала меня дьяволу съ шестнадцати лѣтъ, выручи отъ дьявола рукописаніе.

Пожалѣлъ колдунъ мальчионку:

ласковый такой былъ Васютка, никого не обидить, никому слова грубаго не скажеть.

Стокнулся колдунъ съ Сатаною.

— Я, — говоритъ, — тебѣ, кумъ, служу и ты мнѣ послужи: выручи на Васютку рукописаніе отъ дьявола.

А Сатана и говоритъ:

— Опознаеть отца, такъ выручимъ, не опознаеть, не выручить.

Время не теряли, на утро же отправился Федосей съ Васюткой путемъ нечистымъ.

А этой силы дьявольской тамъ — такъ и снуютъ.

Цѣлый день ходили, присматривались.

И не узналь Васютка отца.

Идуть въ вечерній часъ, а навстрѣчу имъ шесть-десять тысячъ дьяволовъ — гонять нечистыхъ на ночные пакости.

И сзади всѣхъ пастухъ ихній: хромой, горбатый, пахорукій.

- Это мой отецъ! — крикнулъ Васютка.
- Ты отецъ Васюткинъ? — спросилъ Федосей.
- Я самый.
- Подай рукописаніе: его мать тебѣ прописала.
- Не отдамъ.

И сколько ни спорилъ Федосей и на кума ссыпался, уперся дьяволъ.

- Не отдамъ.

Оставилъ колдунъ Васютку на дорогѣ за кустикомъ, опять пошелъ къ Сатанѣ.

- Не отдаетъ рукописаніе!
- А скажи ему: не отдастъ, на кумову кровать его!

Вернулся Федосей на дорогу, догнали они хромого.

- Подай, — кричить, — рукописаніе.
- Не отдамъ.
- Не отдашь? Такъ иди ты на кумову кровать.

Дьяволъ завергълся и выкинуль рукописаніе.

Схватилъ Васютка грамотку да за пазуху да бѣгомъ домой.

И стала себѣ жить съ матерью, не дьяволовъ — Катерининъ сынъ.

Задумался колдунъ: какая такая кумова кровать?

Дьяволъ на что силенъ, и то забоялся, что же это такое за кровать? Вѣдь, онъ Сатанѣ кумъ, значитъ,

кумова кровать — его кровать, на ней ему на томъ свѣтѣ и отыхать.

Лѣзеть Федосею въ голову эта самая кровать, совсѣмъ отъ дѣла отбился, терпѣль, терпѣль и пошелъ къ Сатанѣ.

— Кумъ, я къ тебѣ еще съ просьбой: покажи мнѣ, какая это кумова кровать?

— А нѣтъ, не покажу.

— Покажи! — присталъ, никакъ не отстаетъ.

— Ну, ладно, показать покажу, но жизни не дамъ.

— Хоть на годъ дай!

— Ни на годъ, ни на мѣсяцъ, ни на недѣлю.

— Ну, на одинъ день!

— И на день не дамъ, на полтора часа не больше.

На полтора часа жизни согласился колдунъ за кумову кровать.

И увидѣлъ ее, свою:

на томъ свѣтѣ на ней отыхать ему.

Кверху носками шильё наставлено и на носкахъ, на шпиляхъ этихъ человѣкъ и вертится. А подъ низомъ огонь горитъ и отъ того огня за три версты синецъ-камень таетъ, а синецъ-камень бросишь въ печь, не растаетъ, — вотъ какой огонь, вотъ какая кровать!

Полчаса прошло, остался часъ.

Бѣгомъ побѣжалъ Федосей отъ Сатаны, прибѣжалъ домой, схватилъ острый ножъ, да къ Васюткѣ.

— Я воротилъ тебя отъ ада преисподняго, теперь ты верни меня!

И просить Васютку:

строгать на немъ тѣло до кости, чтобы
въ часъ изстрогано было — за бѣду,
за порчу, какую на людей насыпалъ онъ,
за весь свой грѣхъ.

Васютка взялъ ножъ и сталъ колдуна строгать,
пока не изнесло его —

Упалъ Федосей.

И ангелы пришли по его душу — за муку, что
онъ принялъ вольно — ангелы вынули изъ колдуна
душу.

А Васютка пошелъ въ монастырь.

ЧЕЛОВЪЧИНА

Раздумался Свиридъ, какъ на свѣтѣ жить: все въ заботахъ, все насторожъ —

извѣстно съ волками по волчыи, а жизнь
наша куда лютѣй и самой волчьей!

И задумалъ Свиридъ съ палочкой совсѣмъ уйти изъ міра въ скитъ, тамъ и спасаться.

А была у него жена да ребятишки малые.

Воть и бросиль онъ домъ, идеть дорогой.

Попадаетъ ему навстрѣчу древній старикъ.

— Ты куда идешь, человѣчина?

Свиридъ ему все и выложилъ на чистоту: и о заботахъ житейскихъ и о волкахъ —

какая это жизнь наша лютая, лютѣй и
самой волчьей!

— Напрасно ты ушелъ изъ дому, кто дѣтей-то
кормить будеть? Вѣдь, кромѣ тебя, никому нѣть дѣла
до нихъ. Ступай назадъ, вырѣсти сперва ребять.

И скрылся старикъ, какъ и не было.

Стоялъ Свиридъ, не знай, что дѣлать:

правъ старикъ, кому нужны дѣти, кто ихъ
кормить безъ него будеть?

правъ и самъ онъ, какая же это такая
жизнь въ міру, коли клыкъ да копыто все?

Думалъ, думалъ, старикио взяло верхъ, и повер-
нуль назадъ домой.

И попрежнему сталъ жить, работалъ, дѣтей ро-
стиль, много принялъ труда, еще больше узналъ жизнь
и самъ грѣшилъ, ничего не подѣлаешь.

И вырастилъ, поженилъ дѣтей, слава Богу, всѣ
пристроились!

„Ну, — думаетъ, — теперь ужъ пойду.“

И пошелъ, да ужъ не такъ-то легко итти: ноги
не тѣ.

И попадается ему навстрѣчу тотъ же старики, уз-
наль.

— Ты чего, Свиридъ, опять пошелъ? Экакій
ты, да вѣдь у твоихъ дѣтей народились ребята: боль-
шіе въ поле уйдутъ работать, ну, а внучать-то кто бу-
детъ нянчить?

А и въ самомъ дѣлѣ, кто за внучатами-то при-
смотрѣть?

Скрылся старики, а Свиридъ, долго не думая, по-
вернуль домой.

И возился онъ съ внучатами, пока на ноги не под-
няль.

Подрастали ребятишки стали въ школу бѣгать.

„Ну, теперь можно, теперь съ міромъ все покон-
чилъ!“

Простился Свиридъ со старухой, съ дѣтьми, съ
внучатами и пошелъ.

И никого ужъ не встрѣтилъ, никто его не воротилъ.

Долгой показалась дорога, наконецъ-то дошелъ до скита и прямо къ старцу.

А старецъ-то и есть тотъ стариkъ древній.

— А, Свиридъ, пришелъ?

— Хочу, хоть на старости лѣтъ посвятить се-
бя Богу.

Старецъ подалъ топоръ.

— Вонъ тамъ неподалеку лѣсокъ: ступай,
поруби!

Пришелъ Свиридъ въ лѣсъ, глядь — вотъ чудо-то:
ели-то стоять золотыя!

Да скорѣе назадъ къ старцу.

— Ели всѣ золотыя, не могу ихъ рубить!

— Подожди, — сказалъ старецъ, — повреме-
нить надо.

Переночевалъ Свиридъ ночь, а на утро опять по-
сылаетъ его старецъ въ лѣсъ.

А тамъ ужъ не то: ели только наполовину —
только корни золотые, а верхушки зеленыя.

И опять онъ не рѣшился рубить, вернулся въ скитъ,
разсказалъ старцу.

— Еще повременить надо, — сказалъ старецъ.

Прошла и другая ночь, на утро въ третій разъ по-
сылаетъ его старецъ лѣсъ рубить.

И видѣть Свиридъ, ужъ золота и въ поминѣ нѣтъ,
зеленыя стоять ели, какъ ели.

Благословился да за топоръ:

что такое? — вмѣсто щепокъ гнилушки
сыплются.

Бросиль рубить да къ старцу.

— Елки погнили, какъ же рубить-то?

— То-то, — сказалъ старецъ, — такъ и ты: пришелъ бы въ первый разъ — и твои поклоны были бъ, какъ ели, золотые; второй бы разъ пришелъ — и твои молитвы были бъ ужъ, какъ ели, наполовину золотыя; ну, а въ третій разъ — однѣ гнилушки, и Богу такое неугодно.

Такъ и не принялъ Свирида.

СУДЬБА

Жилъ Ипать не бѣдно, не богато, да пришло крутое время, и до того добился, что и ъсть нечего стало. Жена, дѣти — что дѣлать?

И пошелъ онъ изъ села за тридцать верстъ на озеро рыбачить. И тамъ, на озерѣ, исправилъ себѣ балаганъ земляной и перевезъ на новое мѣсто жену и дѣтей.

И такъ ему было горько на новомъ мѣстѣ и жалко, — да такъ, стало быть, Богъ даетъ!

И положилъ онъ каждый день удить для жены и дѣтей.

„Если на себя не заужу, то не буду ъсть!“

День удить, ночью Богу молится.

И съ мѣсяцъ удилъ, зауживалъ на жену и дѣтей, а на себя хоть бы разъ попало. И даль ему Богъ терпѣніе, — за этотъ мѣсяцъ онъ ничего не ъль.

И вотъ выдался денекъ такой, заудилъ онъ двѣ лишиныхъ рыбы.

„Слава Богу, сжалился надо мной Господь и мнѣ даль. Нынче и я поѣмъ!“

Приходитъ съ рыбой къ балагану.

— Говори, жена, „слава Богу“!

— А что „слава Богу“?

— Я на себя заудиль, двѣ лишнихъ рыбы попались, Господь на меня далъ!

— Не на тебя это, я тебѣ еще родила два сына, на нихъ Господь и далъ.

— Ну, придется и опять не ъвши. Слава Богу, что родила благополучно.

И трое сутокъ еще удиль, заужалъ на жену и дѣтей, а на себя нисколько.

Трое сутокъ кончилось,—пора было ребята крестить.

— Надо ребята крестить, пойду на село къ попу!

И поутру пошелъ, оставилъ жену съ дѣтьми на озерѣ въ балаганѣ.

Встрѣчу попадаетъ Ипату молодецъ.

— Куда, Ипать, идешь?

— А родила у меня жена два сына, надо крестить.

— Возьми меня въ кумовья.

Посмотрѣль Ипать черезъ правое плечо.

— Нѣть, ступай ужъ... И безъ тебя потонула я въ грѣхахъ.

А тотъ какъ захочетъ, да въ сторону.

— Ишь какой!

Нечистый былъ это духъ.

Отошелъ Ипать немного, идеть молодецъ чище того.

— Куда тебя, Ипатушка, Богъ несетъ?

— Жена родила два сына, иду къ попу, надо окрестить.

— Возьми меня въ кумовья.

Посмотрѣлъ Ипать черезъ правое плечо, видить, хорошей души.

— Ладно, покумимся.

— На тебѣ три золотыхъ, — подалъ кумъ, — даромъ попъ на своей лошадкѣ не поѣдетъ. Отдай ему золото, а я пойду къ твоей женѣ.

А это былъ ангелъ:

за терпѣніе человѣку послалъ его Господь.

Не долго шелъ Ипать, за какой часъ въ село поспѣлъ къ попу.

— Батюшка, я до твоей милости... жена у меня родила два мальчика, а живу я нынче въ балаганѣ на озерѣ за тридцать верстъ, надо бы мнѣ ихъ окрестить. Я до твоей милости.

Посмотрѣлъ на Ипата попъ.

— А ты бѣ ихъ складъ въ полу, притащилъ сюда, я бы ихъ и окрестилъ. Мнѣ тащиться такую даль не рука!

И вышелъ въ горницу.

Тутъ Ипать три золотыхъ на столикъ, мнется.

— Ты чего? — выглянула попъ.

А на столикѣ золото такъ и блеститъ.

Попъ какъ увидѣлъ золотые и сейчасъ же стряпкѣ:

„Станови самоваръ!“

А кучеру: „Лошадь запрягай!“.

— Ну, Ипать чайку напьемся, поѣдемъ, окре-шу тебѣ ребята.

— Нѣть, батюшка, чаю твоего не буду пить. Ты чаю напьешься, поѣдешь и меня нагонишь, я пойду пѣшкомъ.

Попъ пожалуй только еще изъ двора пошевелился,
ужъ Ипать пришелъ на озеро.

Смотритъ: проруби его, а гдѣ балаганъ?

Нѣть балагана, а на томъ самомъ мѣстѣ стоять
домъ каменный и кругъ дома цвѣты расцвѣли.

Удивился Ипать.

„Али неладно пришелъ?“

А ему навстрѣчу изъ дому старшія дѣти бѣгутъ.

— Кто этотъ домъ построилъ?

— Пришелъ къ намъ какой-то молодецъ, вдругъ
все появилось.

Ипать за дѣтьми.

Въ новомъ домѣ кумъ сидѣлъ на лавкѣ.

— Что, Ипать, загрустилъ?

— А что, кумъ, непремѣнно попъ раздумалъ.

Не разъ я дорогой оглядывался, все нѣтъ, не догоняетъ.

— Скоро будетъ! — утѣшилъ кумъ.

А попъ тутъ-какъ-тутъ.

Остановилъ лошадь.

Что за причина? Звалъ его Ипать въ балаганъ,
а, на-касъ, домъ каменный!

„Али неладно пріѣхалъ?“

И повернулъ, было, лошадь назадъ ъхать.

— Иди скорѣй, Ипать, зови батюшку! — го-
ворить кумъ.

Ипать на крыльце вышелъ.

Попъ и увидалъ Ипата.

— Ахъ, Ипать! Какъ поживаешь? Домикъ-то
какой сстроилъ, этакого и на селѣ нѣть!

— На все Господь.

И повель Ипать попа въ домъ.

— Ты, Ипать, поди въ кладовую, — посылает кумъ, — три поклона положь, тамъ стоить купель. А я за водой пойду, мнѣ, братъ, это полагается.

Ипать нашелъ кладовую, положилъ три поклона, — дверь сама ему отворилась.

Тамъ стоить купель золотая и купель серебряная. Онъ ихъ вытащилъ въ горницу, поставилъ середь горницы.

Кумъ съ водой поспѣлъ, налилъ полну купель золотую и серебряную, велить за дѣтьми сходить, дѣтей принести.

Пошелъ Ипать и скоро вернулся одинъ.

— Сходи, кумъ, самъ принеси, руки не подымается!

— Экой, ты!

И пошелъ: одного взялъ на руку, другого — на другую, принесъ дѣтей.

Одинъ — въ золотой ризѣ, другой — въ серебряной.

Попъ, какъ увидѣлъ, и оробѣлъ.

— Подобаетъ ли крестить такихъ?

— Открой книгу, — сказалъ кумъ, — гляди, какой сегодня день ангела, и крести!

Самъ снялъ съ нихъ ризы, подаль ихъ попу.

Попъ посмотрѣлъ въ книгу, назначилъ имена имъ.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Кумъ передалъ ихъ Ипату.

— Снеси женѣ и по три поклона за нихъ положь.

А самъ изъ купели воду вылилъ, изъ золотой и серебряной, и опять поставилъ середь горницы.

Вернулся Ипать отъ жены.

— Неси купель, — говорить ему кумъ, — а выйдешь изъ кладовой, три поклона положь.

Попъ глядить и въ толкъ не возьметъ, что они это такое исправляютъ.

А Ипать снесъ купель золотую и серебряную, да къ куму.

— Нѣтъ ли, — говоритъ, — чѣмъ попа угостить? За тридцать верстъ прїѣхалъ, небось єсть захотѣлъ.

— А поди, Ипать, вонъ къ той кладовой, — учить кумъ, — три поклона положь, тамъ на столикъ все приготовлено, тащи сюда.

Пошелъ Ипать, положилъ три поклона, — дверь сама ему отворилась.

Тамъ на столѣ всего довольно.

Постоялъ, посмотрѣлъ, а взять не взялъ, не рѣшился.

— Кумъ, — вернулся Ипать, — нельзя ли намъ, чѣмъ таскать-то, за этимъ столомъ угоститься?

— Можно. Иди, батюшка, съ нами.

И втроемъ пошли въ кладовую.

И тамъ угощались и поздравляли.

— Батюшка, — поднялся кумъ, — тебѣ домой пора, засидѣлись долгонько.

— Не очень-то, — отвѣтилъ попъ, — часа, поди, три прошло, не больше.

— Нѣтъ, батюшка, ты у насть въ гостяхъ три года: три зимы прошло, три лѣта. Тамъ тебя безъ вѣсти потеряли и на твоемъ мѣстѣ другой ужъ служить.

— А нельзя ли мнѣ съ вами еще пожить? — попросился попъ: больно ужъ приглянулось ему.

— Ступай на свое мѣсто, — сказалъ кумъ, — недостоинъ ты жить здѣсь. И знай напередъ: хочешь свою душу спасти, такъ ты, что дадутъ тебѣ, только

то и бери... слышишь? Слѣпыхъ на умъ наставляй, чтобы они Бога могли признавать.

И проводили попа домой.

— Тебѣ отъ Божьяго храма не откажутъ! — уѣшилъ кумъ попа.

Такъ и распрощались.

— Кумъ, — сказалъ Ипать, — мое дѣло — не легкое: ты уйдешь, останусь одинъ, чѣмъ я буду дѣтей кормить?

— А есть тутъ еще кладовка, въ этой кладовкѣ лежитъ большой мѣшокъ, лопата и кирка, неси сюда.

Пошелъ Ипать, принесъ мѣшокъ, кирку и лопату.

— Вотъ женѣ твоей, — сказалъ кумъ, — тутъ на пропитаніе всего довольно будетъ. А ты со мной пойдемъ.

И повелъ его съ озера не путемъ, не дорогою, — дикимъ мѣстомъ — Ураломъ.

И такъ его вель, что тотъ на себѣ все порвалъ, и съ тѣла кровь на немъ ручьями льетъ.

— Кумъ, — сталъ Ипать, — за тебя, гляжу, ничто не задѣваетъ, а я на себѣ все прирвалъ, мнѣ трудно за тобой итти.

— Эхъ, Ипать, Господь не то терпѣль, а ты что не можешь терпѣть: что кровь бѣжитъ?

И завель его въ пещеры.

Тамъ свѣчи горятъ.

— Что же это, къ чему свѣчи горятъ?

— Это наша жизнь продолжается: который человѣкъ рождается, тому становится свѣча. Если можетъ кто сто годовъ жить, сто годовъ горить его свѣча.

— А которая моя свѣча?

— А вонъ, гляди, свѣча сейчасъ потухнетъ и
жизнь твоя кончится.

— Кумъ, у меня дѣти малыя...

— Жизнь твоя — короткая. Дойдешь домой,
— хорошо, не дойдешь... Иди скорѣй, можетъ, поспѣшь.

Побѣжалъ Ипать. Добѣжалъ до озера, гдѣ осталъ
каменный домъ.

А дома-то ужъ нѣть, балаганъ стоить земляной.

— Жена, дай мнѣ бѣлую рубашку, мнѣ теперь
помирать.

Обрядился, легъ подъ святыя, благословилъ дѣтей,
перекрестился.

— Здравствуй, Ипать, Христосъ воскресъ!

Кумъ... не кумъ стоить, ангель Господень.

Н А Г Р А Д А

Трудился тружениникъ въ пустынѣ тридцать лѣтъ.

И всѣ тридцать лѣтъ дьяволъ только и думалъ, какъ бы смутить старца: ужъ какъ слѣдилъ его, а нѣтъ, ни такъ, ни сякъ не уловить.

И нашелъ-таки лазейку!

Былъ очень жалостливъ старецъ, вотъ ему прямо въ сердце дьяволъ и направилъ свой рогъ базучай.

Ночнымъ бытомъ всталъ старецъ на молитву и слышать, тоненько такъ гдѣ-то подъ дверью плачетъ —
два голоса дѣтскихъ.

„Боже милостивый! Что такое? Два голоса дѣтскихъ!“

Сотворилъ старецъ молитву, вышелъ изъ кельи, а на порогѣ у двери —

дѣвочка да мальчикъ, и рученками тянутся къ старцу.

Старецъ было за дверь: очень испугался.

„Куда мнѣ дѣвять ихъ? Что съ ребятами дѣлать, маленькие?“

Да разсуждать не время: плачутъ ребятишки, попить просясть.

Онъ ихъ и забралъ къ себѣ въ келью.

И сталъ старецъ поить и кормить дѣтей.

А они, карапузы, такъ и тормошать, подымутъ возню:

и ужъ онъ въ родѣ лошадки, и они на немъ скакутъ, а то будто быкъ, да бодаетъ-то не онъ, а его, и какъ норовятъ побольнѣе — кулаченки такъ поставятъ рогами, да съ налету въ него — и грѣхъ, и смѣхъ.

Какая тамъ молитва!

Днемъ съ кормомъ — покормить, вѣдь, надо, какъ слѣдуетъ, а это не такъ-то просто, вечеромъ — съ игрою, время и пройдетъ.

И хоть бы ночью, растормошать и ночью: то страшно, то бѣда какая.

Извелся совсѣмъ старецъ, но чтобы Богу пожаловаться, этого ему и въ мысляхъ ни разу не пришло: вѣдь за всѣ тридцать лѣтъ пустынныхъ въ первый разъ позналъ онъ въ своеѣ сердцѣ эту радость — вотъ такъ съ малыми ребятами возиться!

Забылъ и о дьяволѣ думать.

Видно, Божья это ему награда за тридцать его трудныхъ лѣтъ! И ничего ужъ не просилъ у Бога, только благодарилъ Бога.

А ребятишки растутъ и растутъ, и много-ль прошло, а они ужъ вотъ какіе: лѣтъ пятнадцать и больше.

Извѣстно, какъ роду нечистаго духа и растутъ не по-нашему!

Дѣвчонка-то стала разумѣть. Выпадаетъ часъ старцу стать на молитву — Бога поблагодарить, а она съ нимъ играть.

И чѣмъ дальше, тѣмъ пуще эта ея игра.

Стала старца къ худымъ дѣламъ склонять: ночью мальчишка заснетъ, а она соскочить съ кровати и виснетъ.

— Меня, — говорить, — скука обуяла!

Ну, и смущила старца, — поддался онъ на худое дѣло.

— Худое дѣло дѣлать будемъ, а куда братишку твоего дѣнемъ?

— А давай убьемъ!

А который дьяволъ все это дѣло затѣялъ, — ребята-то подъ дверь подкинуль, — стоять у дверей да караулить:

то-то ему радость, вотъ онъ сейчасъ такъ и сглотнетъ старца, и куда весь его трудъ пустынный!

— Бери топоръ, — говорить дѣвчонка, — я Ванюшу свалю, а ты голову руби!

Вышелъ старецъ изъ кельи, вернулся съ топоромъ.

Дѣвчонка на брата, и не то что свалила, а самъ онъ легъ.

Тутъ подскочилъ старецъ, да топоромъ его по шеѣ, — кровь такъ и брызнула, а голова прочь.

— Куда мы его дѣнемъ? — мечется старецъ по кельѣ: кровью-то, знать, ударило.

— Открывай половицу въ подполь! — кричитъ дѣвчонка.

Старецъ за половицу, бился, бился, едва открылъ, взялъ мальчишку въ беремя и хочетъ мальчишку въ подполь ссунуть, да никакъ не выходитъ, тычется на мѣстѣ, и самъ весь въ крови.

А дьяволъ тутъ-какъ-тутъ, отбилъ дверь, будто
человѣкъ какой прохожій, да въ келью.

Дѣвчонка къ нему, повисла на шеѣ, дрожитъ вся,
и горько такъ заплакала:

— Батюшка, родимый мой, кому ты оставилъ
насть? Меня замучалъ къ худымъ дѣламъ, а брату вонъ
отрубилъ голову.

★

И ужъ полна келья, Богъ его знаетъ, кто набѣжалъ, —
лягастые, квакастые, — и ивкаютъ, и гай-
каютъ, ногами затопали, прыгаютъ, хло-
паютъ.

И всѣ на старца, да какъ вѣпятся и потащили — —
— Наша! Наша душа! — потащили.

А самъ дьяволъ-то по головкѣ его, по головкѣ.

— Погляди-ка мнѣ черезъ лѣвое-то плечо!
Сколько лѣть я ходилъ, сколько лаптей проносилъ, да
вотъ и уловилъ голубчика!

Тутъ старецъ словно бы опамятаился, — огра-
дился крестомъ.

— Нѣть, самъ ты погляди мнѣ черезъ пра-
вое-то плечо!

Бѣсъ поглядѣль, да такъ и согнулся.

— Святый Боже, Святый Крѣпкій!

Душу несли старца ангелы съ райскимъ пѣніемъ.

И всѣ бѣсы, кто какъ былъ, такъ и проскочили
сквозь землю.

ПРАВЕДНЫЙ СУДЬЯ

Гдѣ ихъ искать, судей праведныхъ?

А вотъ былъ одинъ такой. И далеко, куда за Москву, и по Сибири шла о немъ слава: случись что, споръ, иди къ Кузьмичу — Кузьмичъ все разсудить.

Заѣхалъ разъ къ одной вдовѣ человѣкъ проѣзжій, а жила вдова на большой дорогѣ, постоянный дворъ держала, баба хозяйственная.

Пріѣхалъ этотъ самый человѣкъ на жеребцѣ, вошелъ въ домъ, поздоровался и спрашивается:

— Что у тебя, тѣтка, кобыла-то жерёба?

— Нѣтъ, батюшка, не благословилъ Богъ.

— Ну, а у меня жеребецъ-то жерёбы.

Ну, жерёбы, такъ жерёбы, мало что другой по позднему времени и не такое еще скажеть!

Чуть свѣтъ поднялась баба — по хозяйству все нужно справить, — вышла во дворъ кобылу попоить, глядь, а по двору жеребенокъ бѣгаєтъ.

Вотъ Богъ-то послалъ нежданно!

Ну, пока то да сё, проснулся и гость проѣзжій, заглянулъ въ окно, жеребенка увидѣлъ.

Баба самоваръ несетъ, сама, что самоваръ.

— Вотъ у меня кобыла-то ожеребилась!

— Какъ у тебя?

— А что жъ, у тебя что ли?

— Да вѣдь, ты жъ вчера говорила, что у тебя кобыла не жерѣба. Извѣстно, это моего жеребца жеребенокъ.

— Нѣть, мой!

Дальше да больше, пошелъ споръ.

И вѣдь, баба-то тихая, а до того увѣрилась, что это ея жеребенокъ, — да какъ же иначе-то? — глаза выцарапаетъ, не уступить.

— Пойдемъ къ Кузьмичу? Я на тебя, окаяннаго, найду управу.

— Пойдемъ.

И пошли къ судью и рассказали ему все, какъ было.

Выслушалъ Кузьмичъ каждого по-очереди, велѣлъ обоимъ выѣхать на перекрестокъ:

бабѣ — на кобылѣ, проѣзжему человѣку

— на жеребцѣ.

Сказалъ праведный судья:

— За кѣмъ жеребенокъ побѣжитъ, та лошадь и ожеребилась.

Пустили жеребенка.

И побѣжалъ жеребенокъ за жеребцомъ.

А разъ побѣжалъ, такъ тому и быть.

Баба суду покориласъ, повела домой кобылу къ себѣ на постоянный дворъ, на себя серчала:

и какъ это она пошла на такое? ей ли не извѣстно, что приста ея кобыла! — только

зря время потратила, и себя и другого въ грѣхъ ввела.

А проѣзжій человѣкъ забралъ своего жеребца — судьѣ низкій поклонъ.

— Спасибо, что разсудилъ по-правдѣ.

Видитъ судья, не простой человѣкъ проѣзжій, позвалъ его къ себѣ на бесѣду.

Посидѣли, потолковали — другъ другу по душѣ пришлись.

Проѣзжій и говорить :

— Пойдемъ теперь ко мнѣ.

— Ну, что жъ, пойдемъ!

Очень ужъ человѣкъ-то мудрѣный, какъ не пойти къ такому.

Вышли изъ воротъ.

Судья остановился, прислушался.

— Что это, дома-то воютъ будто?

— Да это по тебѣ, Кузьмичъ: вѣдь, душа-то твоя со мною.

— Вотъ оно какъ!

И пошелъ по дорожкѣ съ гостемъ — въ гости, откуда нѣтъ возврата.

Праведныхъ-то судей, видно, Богъ къ себѣ береть: тамъ нужны!

ДАРЪ

Жилъ-былъ одинъ бѣднющій плотникъ, а и въ бѣдѣ и нуждѣ сердце имѣлъ къ несчастнымъ — бѣдакамъ-горемыкамъ:

что выработаетъ, все раздастъ.

„Нате, дескать, а я ужъ какъ-нибудь!“

Такъ и жилъ Ефимъ плотникъ, добрый человѣкъ.

Вотъ святые да угодники — имъ наше все видно: отрудили какой трудъ, черезъ это! — раздумались угодники:

надо же помочь человѣку!

И рѣшили итти къ Господу Богу просить за плотника.

— Дай, — говорятъ, — Господи, плотнику Ефиму богатство!

Много могутъ знать святые, а всего не дано и святому:

просить Бога за человѣка, а не знаютъ, что еще будетъ.

— Дай да дай богатство! — просить.

А Ефимъ сидить на бревнѣ: тукъ да тукъ — анъ, хвать, изъ бревна-то деньги да такъ и посыпались.

Не будь дуракъ, топоръ за поясъ, и подбирать: нагрѣбъ золота, въ хвать не утащиши.

Что съ такой уймой, куда ее?

Да что тамъ! сейчасъ же въ Москву, товаровъ разныхъ накупилъ и сталъ торговатъ —

не плотникъ ужъ Ефимъ — купецъ Ефимъ Петровъ.

Ну, и домъ себѣ такой смахалъ, у насть, въ Питерѣ какіе дворцы, да такого не сыщешь.

★

Вотъ святые да угодники о Ефимѣ-то и вспомнили.

— Пойдемте, — говорять, — посмотримъ, какъ плотничекъ-то живеть, милостыней-то, поди, всѣхъ обогатилъ!

И пошли.

И прямо къ дому.

И не знай, узнали Ефимовъ домъ.

А Ефимъ-то, какъ въ бѣдѣ жилъ да въ бѣдности, по бѣдѣ своей помнилъ о другихъ, а какъ разбогатѣлъ, только и дума пошла, что о себѣ — о богатствѣ:

и добро уберечь да еще и богаче стать!

И пройти въ домъ къ нему и не думай.

Такъ не пустятъ.

А ужъ голь какую — и не просись, за версту не подпустятъ.

Ну, угодники-то прошли все-таки: Божья сила тоже!

А который Ефиму прислугалъ главный — мордачъ — загородилъ входъ.

— Вамъ, — говорить, — чего?

— Пусти, — просять — переночевать, люди мы странные, издалека!

— Не велено, — говорить, — велено взашей такихъ гнать, — а потомъ посмотрѣлъ-посмотрѣлъ, — ну, ладно, такъ и быть.

— Да ужъ мы какъ-нибудь, только бы ночь.

Мордачъ ихъ во дворъ, водилъ, водилъ и въ хлѣвъ — къ свиньямъ.

— Ложитесь.

И ушелъ.

Только и видѣли.

А чуть свѣтъ, какъ поднялись угодники со свиньячиаго-то ложа, испачканы, измазаны, сердца-то сдержать не въ мочь.

— Господи, — взмолились, — отыми отъ Ефима богатство!

Ну, Богъ-то и послушалъ.

И чѣмъ быль Ефимъ, тѣмъ и сталъ.

Все прахомъ пошло, вся казна, и добро и домъ.

И опять пошелъ въ плотники.

И, въ бѣдѣ-то и нуждѣ маясь, милостивъ опять сталъ и до того добръ къ людямъ:

коли нечѣмъ дѣлиться, дѣлился ласковымъ словомъ.

Да такъ и прожилъ свой вѣкъ — не въ обиду, на миръ.

БЕРЕСТЯНЫЙ КЛУБЪ

Жили на селѣ два старика, Семенъ да Михайла, разумные старики-пріятели.

Косиль старикъ Семенъ съ работникомъ сѣно, пришла пора обѣдать, присѣль работникъ отдохнуть, а Семенъ за бересту принялся — работягій былъ стариkъ, безъ дѣла не посидитъ, — бересту дралъ, клубъ вилъ.

Идутъ полемъ люди.

— Богъ помоць, работнички! Слышали, Михайлу-то нашего, старика, на дорогѣ убили.

— Какъ такъ? — подскочилъ Семенъ, — убили? Экіе разбойники, убили!

И ужъ не можетъ стариkъ бересту вить, бросиль клубъ въ кошелку, забралъ кошелку, пошелъ съ поля домой.

Идеть стариkъ, не можетъ сердца сдержать, — Михайлу вспоминаетъ.

— Разбойники, — твердить старики, — злодѣи, за что убили? — твердить старики, такъ въ немъ все и ходить, — убить васъ мало, злодѣевъ!

А изъ кошелки-то у него, глядь, — кровь.

Работники сзади шли, и видяты, кровь изъ кошелки бѣжитъ, да ужъ за старикомъ, не отступаютъ.

А Семенъ идетъ, не обернется, — не до того! — такъ и идетъ.

И пришелъ домой, швырнуль кошелку въ сѣняхъ, самъ въ избу.

Тутъ работники къ кошелкѣ, да какъ открыли, а въ кошелкѣ не береста, не клубъ берестяный, — голова человѣчья.

— Ну, — говорятъ, — это ты, крещеный! Ты и убилъ Михайлу! — да за десятскимъ.

Пришелъ десятскій, пришли понятые, стали смотрѣть кошелку:

такъ и есть, въ кошелкѣ голова человѣчья.

Приложили къ кошелкѣ печати, а старика Семена въ тюрьму.

Немало сидѣлъ старики.

Каялся священнику:

— Осуждалъ! — а въ убійствѣ не повинился, — не грѣшенъ, не убилъ никого.

И на судѣ не повинился.

— Не грѣшенъ: не убилъ никого.

И рассказалъ, какъ узналъ про Михайлу, какъ съ поля шелъ и сердца не могъ сдержать, проклиналъ злодѣевъ.

Принесли кошелку, распечатали.

А тамъ не голова — лежитъ клубъ берестяный.
И вышло старику рѣшеніе:
отдать старика подъ наказаніе — не убилъ онъ,
а за то, что за убійство осудилъ убійцу,
не пожалѣлъ.

ГОЛОВА

Трудился одинъ пустынникъ, и былъ у него сынъ духовный, вмѣстѣ трудились.

И жили они въ пустынѣ въ чистотѣ, мирно, за міръ Бога молили.

Случилось одному разбойнику проходить лѣсомъ мимо ихъ избушки, вздумалъ разбойникъ отдохнуть отъ своего разбою, постучался въ избушку, его и пустили.

Подзакусиль разбойникъ, обогрѣлся, сталъ на отдыхъ готовиться, да казну свою понаграбленную и разложилъ.

Пустынникъ все это видѣлъ и соблазнился.

Позвалъ онъ сына, вышли они во дворъ, и говорить старикъ сыну:

— Давай, сынокъ, разбойника удавимъ. Деньги наши будуть.

— Эхъ, батюшка, — запечалился сынъ, — тридцать лѣтъ ты трудился, да это дѣло дѣлать будемъ!

Въ ночь разбойникъ ушель и казну свою унесъ.

А на утро идеть пустынникъ съ сыномъ въ лѣсъ, глядь, а разбойникъ-то на деревѣ виситъ — удали!

Видно, лихой человѣкъ и своего брата не пощадить.
И казны нѣтъ, — все ограблено.

Стали трудиться отецъ съ сыномъ, только не то
стало — затосковалъ сынъ, забыть не можетъ и больше
не вѣрить отцу.

Просится у старика на богомолье сходить.

Понялъ старикъ, — не удержишь! — и отпустилъ.

Вотъ идетъ Ванюшка дорогой, а за нимъ вслѣдъ
голова катится.

Нагнала голова.

— Айда, Ваня, куда я тебя поведу!

Оторопѣлъ Ванюшка.

— Погоди, — просить, — дай къ угодникамъ схожу.

— А ты долго ль пробудешь?

— Дѣнъ семь.

Побывалъ Ванюшка у святыхъ мѣсть, за душу погубленную разбойничью помолился, — забыть не можетъ.

Съ недѣлю прошло, идетъ назадъ, а голова на-
встрѣчу катится.

— Ну, пойдемъ теперь.

Хочешь не хочешь, отъ такого не отвертишься.

И пошелъ Ванюшка за головой.

Катится голова лѣсомъ, глухою тропкой, докатилась до кельи, да въ келью.

И Ванюшка въ келью.

Въ кельѣ три окна прорублены.

— Посиди тутъ, Ваня, я по саду погуляю.
Только въ тѣхъ окна не гляди, въ одно это гляди.

Укатилась голова, сидить Ванюшка одинъ, раздумался.

„Почему въ тѣ окошки голова глядѣть не велѣла?
Дай, погляжу!“

И поглядѣлъ онъ на восходъ солнца.

— Господи! все царствіе небесное, ангелы Божіи, престолы и свѣтильники — свѣтъ нерукотворенный.

Поглядѣлъ онъ и на западъ.

— Боже, Боже! адъ кромѣшный, пискъ, визгъ, несчастные мучатся и отецъ въ котлѣ кипитъ, такъ и ныряетъ.

Жалко стало Ванюшкѣ старика, протянулъ руку, уцѣпилъ его за бороду — нырнуль старики, одна борода осталась въ рукахъ.

А голова тутъ-какъ-тутъ.

— Ну, что? Не велѣла я тебѣ глядѣть въ окошки!

— Поглядѣлъ.

— Видѣлъ?

— Все видѣлъ.

— А смекнулъ ли, за какой грѣхъ старики мучится?

— Укажи мнѣ, какъ домой дойти! Засидѣлся я.

— Три года сидишь.

— Какъ! Три года?

— Три года времени прошло. Сказано было, не гляди!

Запечалился Ванюшка: въ рукахъ старикова борода, и живъ ли старики?

— Вотъ тебѣ дорога, ступай къ отцу.

Долго шелъ Ванюшка, и не помнить, какъ пришелъ въ пустыню.

Слава Богу, живъ стариkъ, старый-то какой, и борода обlinяла, не узнаешь.

— Эхъ, батюшка, согрѣшилъ ты.

— А чего, сынокъ?

— Да тогда, какъ разбойникъ-то сидѣль у насъ... или забылъ?

— Грѣшенъ: въ мысляхъ было порѣшить его.

— Ну, батюшка, зато уготовано и мѣсто тебѣ

ПОДОЖОКЪ

Жиль-былъ стариkъ со старухой, быль у нихъ сынъ.

И была у сына собака страшная большая, и всякий разъ, какъ итти ему на разбой, браль онъ эту собаку, и съ пустыми руками никогда не возвращался.

И все, что принесеть, въ подожокъ запрячетъ:

въ подожкѣ посередкѣ была дырочка —
полну ее золота насовалъ.

Отецъ съ матерью дознались, какими дѣлами сынъ промышляетъ, ругали его, а онъ все свое:
какъ ночь, айда на разбой.

Пришло такое время — святая ночь.

На Свѣтлое Христово Воскресеніе взяль онъ свою собаку, взяль подожокъ, ковригу, говядины, винца полу-штофъ да вострый ножъ, — и на разбой на большую дорогу.

А одинъ парень на чужой сторонѣ работалъ, захватъ, свезли въ больницу, выписался и къ празднику домой задумалъ, еле ноги тащить.

Встрѣчаетъ его разбойникъ.

И была у разбойника повадка:

не пропускалъ онъ первую встрѣчу и
хоть съ деньгами, хоть и безъ денегъ
— участъ одна.

— Стой, зарѣжу!

— Чего меня рѣзать! У меня и копейки-то нѣтъ.

— Ну, ты — первая встрѣча: безъ денегъ убью!

И Богъ знаетъ, жалко ли стало, или ужъ такъ,
разостлалъ разбойникъ полотенце, вынулъ ковригу, полу-
штофъ водки, говядину.

— Давай-ка сядемъ, напередъ разговѣемся.

Дѣлать нечего, сѣль парень.

Разбойникъ налилъ себѣ стаканъ водки, выпилъ,
далъ парню.

Выпили по стакану, да по другому, пирожка за-
кусили.

Парень и говоритъ:

— Все-то мнѣ равно помирать, налей по третьей!

И выпилъ третій стаканъ.

— Вѣдь у меня, — говоритъ, — денегъ нѣтъ
ни гроша!

Разбойникъ вынулъ ножъ, рѣжетъ говядину, рѣжетъ
да подѣлаетъ.

А парень хмѣльной сталъ.

Разбойникъ ткнулъ ножомъ въ кусокъ, поднесъ ко
рту, а парень въ руку его тыкъ —

разбойникъ хныкъ и свалился.

Завертѣла собака хвостомъ, да домой.

А парень поднялъ подожокъ да за собакой.

★

Старикъ со старухой на краю села жили.

Въ окошкѣ огонекъ свѣтить — разговляются.

— Пустите, Христа ради, Христосъ воскресъ!

Обрадовались старики живой душѣ, пустили парня.

— Христосъ воскресъ!

Похристосовался парень, подожокъ подъ лавку положилъ, присѣлъ къ столу.

А собака ужъ подъ лавкой лежитъ, спить.

Старуха и говорить старику:

— Старикъ, смотри-ка, вѣдь, нашего сына подожокъ!

Старикъ взглянуль подъ лавку.

— Охъ, да, старуха, самый онъ!

Старуха къ парню:

— Не видаль ли по дорогѣ кого?

— Видѣль одного и такой отъ него страсти набрался.

— А гдѣ ты этотъ подожокъ взялъ?

— А вотъ на дорогѣ... я человѣка убиль!

И рассказалъ старикамъ, какъ ихъ сына на дорогѣ убиль.

Затеплили старики свѣчку.

Стали молиться со слезами.

— Слава Тебѣ, Господи, поразилъ его!

И къ парню — кланяются:

— Спасибо тебѣ. Какъ это тебѣ Господь помогъ! Ты не человѣка, ты грѣхъ убиль.

И отдали старики парню подожокъ полонъ казны.

И сталъ парень богатъ, и теперь такой богатый и! и! и!

ОТТРУДИЛСЯ

У Федоры было два сына: Анисимъ да Терентій — меньшій посмирнѣе, а большій поперечный.

Федора Анисима отдѣлила и съ Терентіемъ жить осталась.

Прошло время, разжился Анисимъ своимъ хозяйствомъ.

А у Терентія съ матерью все несчастье. И женился Терентій, взялъ жену не худую, втроемъ стали жить, а справиться не могутъ:

все въ разборъ и въ раззоръ.

Пришла Пасха, а у Терентія нечѣмъ и разговѣться.

Вотъ Терентій жену и посылаетъ къ брату попросить муки — куличъ испечь:

— хоть бы праздникъ провести по-людски, а тамъ какъ Богъ дастъ!

Анисимъ невѣсткѣ отказалъ.

— Да чего, — говоритъ, — самъ я что ли муку дѣлаю? И безъ васъ нынче трудно стало, всѣмъ надо, чего раныше-то глядѣли?

Такъ съ пустыми руками и вернулась баба.

Дѣлать нечего, вернулись отъ заутрени домой и разговѣться нечѣмъ.

Матери-то и обидно.

И посыаетъ она на утро Терентія:

— Иди къ брату, попроси хоть для меня кусочекъ.

Пошелъ Терентій.

Братъ еще не вставалъ. Похристосовались. Просить у брата не для себя, для матери.

— Такъ, кусочекъ, разговѣться!

А того ужъ за сердце взяло:

— и что это, въ самомъ дѣлѣ, ходять и просить, и хоть бы для праздника покой дали!

— Хочешь разговѣться, — сказалъ Анисимъ брату, — вотъ встану, садись съ нами, сдѣлай милость, а посылатъ я не намѣренъ.

Терентій отказывается:

— Какъ же такъ разсядусь я у тебя, а старуха тамъ ждать будетъ. Нѣть, Богъ съ тобой, ужъ пойду. Только помни: за мать отвѣтишь. Прощай!

— А чего меня выдѣлила? Жили бы вмѣстѣ, все бы и было. Да лучше мнѣ змѣю накормить.

Вскочилъ, ногой топнуль.

Ну и вернулся Терентій безъ ничего.

Горько заплакала Федора.

— Ну, сынокъ мой, такъ ужъ Богу угодно!

А Анисимъ выпроводилъ брата, помолился Богу, кричить женѣ:

— Сходи-ка, хозяйка, въ чуланъ, принеси мнѣ пасхи.

Ну, та живо самоваръ на столъ и въ чуланъ за пасхой.

Отворила чуланъ, хватъ, а тамъ на пасхѣ, обвившись, змѣя лежить. Да скорѣе назадъ.

— Анисимъ, глянь-ка, змѣя на пасхѣ!

— Какая змѣя, ты съ ума спятила! Откудова?

И самъ пошелъ.

И вѣрно, въ чуланѣ на пасхѣ лежитъ змѣя — живая, шевелится, сипитъ на него.

Осмотрѣлся: чего бы такое взять вспороть змѣю?

Да ужъ некогда —

вздыбашилась змѣя да на шею ему, обвилась вокругъ шеи и давай грызть.

Онъ ее съ себя рвать — да что ни дѣлаетъ, не отлипаетъ змѣя.

И закричалъ Анисимъ нѣ въ голову —

а она еще крѣпче, еще больнѣе.

Видитъ жена, дѣло плохо, побѣжала на деревню.

Собрался народъ.

Разсказала она все по порядку: и какъ невѣстка приходила, какъ братъ приходилъ...

— Господь, вѣрно, наказываетъ!

Ну, и народъ тоже между собой толкуетъ, что, должно, за это Господь наказалъ.

Да оставить такъ человѣка мучиться не годится и присовѣтовали попробовать молокомъ змѣю утишить.

Достали молока, налили ему на шею —

змѣя лизнула молочка — понравилось, и успокоилась.

И стало Анисиму легче — можно терпѣть.

И вышло такъ, что одно средство — поить змѣю молокомъ.

Туть Анисимъ къ матери, просить прощенье.

А она ужъ забыла, не помнить на немъ обиды, рада все сдѣлать, лишь бы такъ не мучился — и простила.

Мать простила.

Или Богъ не прощаетъ?

Змѣя не уходитъ.

Какъ обвилась вокругъ шеи, такъ и лежить:

ѣсть молоко — ничего,
а нѣть молока — жалить.

Простился Анисимъ съ матерью, простился съ же-
ною и братомъ и пошелъ странничать.

Все съ кувшинчикомъ:

и самъ не доѣсть, а змѣю накормить,
Все для змѣи, чтобы только змѣя сыта была: вѣдь
только тогда и свѣтъ видить!

Пробовалъ кислымъ угощать — кислого молока не
принимаетъ.

Пробовалъ въ печку лазать париться: не отпустить
ли отъ теплого духу? И паръ не береть — видно Богъ
ее сохранялъ! — только распарится вся, да злѣй и
укусить.

И такъ странничалъ бѣдняга годъ, и другой, и
третій.

Пришелъ онъ на Пасху къ заутренѣ, да ужъ въ
церковь-то войти не смѣеть, на паперти съ нищими
сталъ.

Пошелъ крестьянъ ходъ вокругъ церкви, отъснили
его въ уголокъ, и вотъ ровно сонъ напалъ на него.

Вдругъ очнулся, слышитъ:

„Христосъ воскресъ!“

— Христосъ воскресъ! — вытянуль шею, чтобы изъ-за народа посмотрѣть, да что-то легко будто...
Что такое?

Да змѣи-то нѣть больше.

Нѣть змѣи — оттрудился, знать, за обиду! — Богъ и помиловалъ.

БѢЛАЯ ПАСХА

Какъ настанеть тѣмное время холодное съ треску-
чими морозами — нѣть конца зимы.

А придетъ Спиридонъ-солнцеворотъ, стануть дни
прибывать на овсяное зерно, тутъ поднимется вѣтеръ
и дуеть и дуеть —

а за вѣтромъ бѣлая кутня съ виньгомъ,
свистомъ, какъ закуделить: глазъ не
раскрыть!

Попъ Вакуль съ дьячкомъ Яковомъ только и знай,
что печку топили. Да дрова-то попались не колки.
Ужъ Яковъ языкъ отъ колокола отвязалъ — языккомъ
по обуху колотиль, такъ дрова и кололъ.

Печь ли жаркая, кутня ли бѣлая, выбили изъ ума
дни у попа.

„Посту-то надо быть конецъ, — думаетъ Вакуль,
— а когда Пасха, Господь вѣдаеть!“

И посыаетъ дьячка:

— Сходи, — говоритъ, — Яковъ, къ попу Ани-
кѣ на за-рѣку, спроси, когда Пасха?

А попъ Аника — за десять верстъ отъ Вакулы и
дѣло его ни чуть не лучше: до церкви не дойти, за снѣгъ
запнешьяс.

Попъ Аника о ту пору самъ задумался и своего дьячка шлеть къ Вакулѣ за тѣмъ же.

Вотъ на полпути Яковъ и встрѣтилъ кума.

И что имъ дѣлать, не знаютъ.

Стали посередь дороги, смотрять, гдѣ на деревнѣ печь топится. И рѣшаютъ итти на дымокъ, спросить: не знаетъ ли кто изъ крещеныхъ?

И видяты, старуха Савиха молока кринку тащить.

— Бабушка, куда съ молокомъ-то бѣжишь?

— Что вы, дѣточки, вѣдь завтра Пасха!

Кумъ — къ Аникѣ.

Яковъ — къ Вакулѣ.

Пришелъ Яковъ, а ужъ ночь.

— Батюшка, завтра Пасха: пора къ заутренѣ звонить.

Всполошился Вакуль.

— Бѣги скорѣй, звони!

Яковъ бѣгомъ на колокольню, хватъ, а у колокола языка нѣтъ. Эка напасть! Слѣзъ съ колокольни, взялъ лопату и давай у овина, гдѣ дрова кололь, снѣгъ разрывать.

И пока-то искалъ языкъ, да нашелъ, да привязалъ, стало свѣтать.

Тутъ и народъ набрался, свѣчи зажгли — огоньки пасхальные.

Взялъ Вакуль крестъ — руки стынуть — и сталъ осѣнять крестомъ:

— Христосъ воскресъ!

И запѣли по-пасхальному:

— Христосъ воскресъ.

А на волѣ кутня куделитъ, заливается свистомъ,
валить съ виньгомъ бѣлая сугробная забойня.

Слушаетъ Савиха — красный огонекъ свѣчи колы-
бается — вспоминаетъ бабушка.

„Гдѣ-то дѣточки горемычныя?“

И старыми словами молитъ и просить за родимое
Поморье — за крещеную землю.

По пустынному Поморью глубоки снѣги.

ЦАРСКІЯ

ЦАРЬ СОЛОМОНЪ

У Давида царя былъ братъ слѣпецъ Аскленей.

Аскленей былъ женатъ. И жили двѣ царскія семьи: Давидъ царь со своею царицей Версавіей, да Аскленей со своею женой Рогулой вмѣстѣ въ одномъ дворцѣ.

Передъ дворцомъ стояло дерево высоченое съ золотыми плодами, и на этомъ деревѣ жена Аскленея устроила себѣ ложе и тамъ принимала своего друга.

Подозрѣвалъ Аскленей жену и, какъ влѣзать ей на дерево, охватить, бывало, охапкой дерево и не отходитъ. Но жена свое дѣло знала и всегда пустить напередъ друга, а ужъ за нимъ и сама.

Сидѣль разъ Давидъ царь съ царицею у окошка, любовались на чудесное дерево съ золотыми плодами, а жена Аскленея не видитъ царя съ царицей и свое это дѣло затѣяла:

подсадила друга своего на дерево и сама за нимъ полѣзла.

Топчется Аскленей подъ деревом, охватилъ охапкой дерево, а поймать все равно ничего не поймаеть — слѣпецъ.

Жалко стало Давиду царю брата слѣпца.

— Я Господу Богу помолюсь, — сказалъ Давидъ царь, — прозрѣть братъ, усѣть главу у невѣрной жены.

— Не усѣть, — говорить царица, — спустится она на землю, три отвѣта дастъ: на слово ему три слова найдетъ, вывернется.

А царь Соломонъ во чревѣ царицы и говоритъ:

— Плѣха по плѣхѣ и клобукъ кроеть!

Перепугалась царица.

Давидъ царь молился, просилъ за слѣпца у Господа Бога, чтобы вернуль Господь зрѣніе брату.

И прозрѣлъ слѣпецъ — открылись глаза у царскаго брата:

увидаль Аскленей жену свою и друга ея на деревѣ, кричить:

— Спускай-ся!

Самъ сучить кулаки, машетъ: изувѣчить онъ жену, не отдвѣтаться такъ и другу.

Слѣзла съ дерева жена.

— Стой, — говоритъ, — подожди, что я тебѣ скажу, — да въ сторонку его и отвела, — глупый ты, неразумный, тридцать лѣтъ ты сидѣлъ безъ глазъ и сидѣть бы безглазому тебѣ до самой твоей смерти, а я согрѣшила надъ твоей головой, тебѣ Богъ и открылъ глаза.

Ну, у Аскленея тутъ руки и опустились.

А другъ тѣмъ временемъ слѣзъ съ дерева и улепетнулъ живъ, цѣль и невредимъ.

Отлучился Давидъ царь по царскимъ дѣламъ, —
поѣхалъ судить да рѣдить свои дальнія земли.

Царица дома осталась и безъ царя принесла сына
— царя Соломона.

Думаетъ себѣ царица:

„Какой это мнѣ сынъ будетъ? Если и во чревѣ
моемъ говорилъ такое, а вырастетъ, и не такъ скажетъ:
убѣть онъ меня!“

И напалъ страхъ на царицу.

Взяла она сына своего, царя Соломона, кузнецу
царскому и отнесла, а себѣ у кузнеца взяла кузнецову
сына.

Вернулся Давидъ царь домой, ничего не знаетъ,
а царица помалкиваетъ.

Да такъ кузнецову сына за своего и принялъ —
за царя Соломона.

Ребята растутъ:

у царскаго кузнеца — царь Соломонъ,

у Давида царя — царскаго кузнеца сынъ.

Пойдетъ Давидъ царь съ сыномъ на прогулку,
полюбится мальчикъ какая мѣстность, и все одно у
него:

— Эко, батюшка, — скажетъ, — мѣсто краси-
вое, намъ бы тутъ кузницу ставить.

Извѣстно кузнецовъ!

Пойдетъ куда царскій кузнецъ съ царемъ Соломо-
номъ, приглянется царю Солому мѣсто красивое, и
все-то у него по-своему, по-царскому:

— Батюшка, — скажетъ, — намъ бы здѣсь
городъ ставить да людей селить.

Стали слухи носиться, стали говорить Давиду царю о царскомъ кузнецѣ и о царѣ Соломонѣ, сталъ Давидъ царь догадываться, что дѣло нечисто.

И спрашивалъ царь царицу, — ничего не добился; спрашивалъ царь Аскленея брата, — не видѣлъ не знаетъ; спрашивалъ царь жену Аскленееву и друга ея, — ничего не помнятъ, ничего не знаютъ.

Помолился Давидъ царь Господу Богу.

Да съ помощью Божіей и рѣшилъ самъ все дѣло провѣрить: испытать царя Соломона.

Посылаетъ Давидъ царь за царскимъ кузнецомъ. Пришелъ царскій кузнецъ.

Давидъ царь говорить кузнецу:

— Приди ко мнѣ, кузнецъ, завтра не нагъ, не въ платьѣ и стань не вонъ, не въ избу.

Поклонился царскій кузнецъ Давиду царю, пошелъ къ себѣ въ кузницу.

Ужъ и такъ думалъ кузнецъ, и этакъ, а ничего не можетъ придумать.

Позвалъ царя Соломона и рассказалъ ему, какую загнуль загадку Давидъ царь.

Царь Соломонъ и говорить:

— Глупъ ты, кузнецъ, вотъ что! А ты надѣнь на себя неводъ, на ноги — лыжи и иди пятками къ сѣничному порогу, а носками къ избному.

Кузнецъ такъ и сдѣлалъ.

— Ахъ, кузнецъ, кузнецъ, — сказалъ Давидъ царь, — не твои это замыслы. Это замыслы царскіе.

Черезъ нѣкоторое время опять посылаетъ Давидъ царь за царскимъ кузнецомъ.

Пришелъ царскій кузнецъ.

Давидъ царь и говорить кузнецу:

— Возьми, кузнецъ, у меня быка, да чтобы
черезъ тридцать дней быкъ у тебя отелился.

Ничего не подѣлаешь! Взялъ кузнецъ быка, по-
клонился Давиду царю, повелъ быка къ себѣ въ
кузницу.

Закручинился кузнецъ, ужъ и такъ думалъ, и этакъ,
а ничего не можетъ придумать.

Позвалъ царя Соломона, рассказалъ ему какую за-
гнуль загадку Давидъ царь.

— Глупъ ты, кузнецъ, вотъ что! Быка мы
съѣдимъ, а придетъ пора, отелится быкъ.

Убиль кузнецъ быка, сварили быка, и съѣли.

Прошло тридцать дней, настала пора телиться быку.

Царь Соломонъ и говорить:

— Истопи нынче баню, кузнецъ, ложись на
полбѣ и реви, да что есть мочи реви, будто ты
телишься.

Кузнецъ такъ и сдѣлалъ.

Кузнецъ истопилъ баню, легъ на полбѣ и заоралъ.

А Давидъ царь знаетъ: тридцать дней прошло, надо
отъ кузнеца отчетъ взять.

И послалъ царь своихъ царскихъ слугъ къ кузнецу
о быкѣ навѣдаться.

Идуть мимо бани царскіе слуги, а кузнецъ реветь:

— Тошно мнѣ стало, тошно! — да такъ вы-
водить, ну какъ по-настоящему.

Царскіе слуги въ банию: лежить кузнецъ на полбѣ,
оретъ, что есть мочи.

— Чего ты, кузнецъ, разорался?

— А приношусь, стало-быть! — стонеть кузнецъ.

— Что ты, дикій, когда это мужикъ приносился?

А кузнецъ и говорить:

— Мужикъ не приносится, такъ и быкъ не телится.

Вернулись царскіе слуги къ Давиду царю, рассказали о кузнецѣ.

— Не кузнеца это затѣи, — говорить Давидъ царь, — это затѣи царскія.

И готовить Давидъ царь обѣдъ для ребята, созываетъ ребятишекъ со всего своего царства, чтобы изъ всѣхъ самому отличить царя Соломона.

А царь Соломонъ научилъ ребята:

— Скажеть Давидъ царь: „Который царь Соломонъ, пускай напередъ садится!“ такъ вы бросайтесь всѣ разомъ и, хоть разорвите, кричите: „Всѣ цари, всѣ Соломоны!“

Такъ ребята и сдѣлали.

Вышелъ къ нимъ Давидъ царь.

— Который, — говорить, — царь Соломонъ, пускай напередъ садится!

— Всѣ цари, всѣ Соломоны! — какъ загалдяты ребята, да разомъ за столъ и разсѣлись.

Такъ Давидъ царь и не узналъ, который царь Соломонъ.

Одно узналъ Давидъ царь, что сынъ — не его сынъ, и надо искать своего сына — царя Соломона.

Ребята растутъ:

у царскаго кузнеца — царь Соломонъ,
у Давида царя — царскаго кузнеца сынъ.

Собиралъ царь Соломонъ ребята по возрасту, за-тѣвалъ игры всякия, судилъ да рядилъ ребята.

И шла слава о царѣ Соломонѣ, о его премудрыхъ судахъ.

И ужъ большіе — старики приходили въ царскую кузницу совѣтъ и судъ просить у царя Соломона.

Шла старуха съ базара, мѣру муки купила, несла муку.

Несеть старуха муку, молитву шепчетъ.

И вдругъ потянуль вѣтеръ, выхватилъ у старухи муку.

И унесло муку вѣтромъ.

Пошла старуха къ Давиду царю на вѣтеръ судъ просить:

послѣднюю копейку истратила старуха на базарѣ, больше негдѣ ей взять.

— Кто ей отдать муку?

Выслушалъ Давидъ царь старуху и говорить:

— Какъ я, бабушка, Божью милость могу обсудить?

А старуха не уходитъ:

на послѣднюю, вѣдь, копейку муки купила!

— Ни муки, ни копеекъ у нея нѣть больше.

Не уходитъ старуха, мышиная такая старушонка, шепотуха.

Тутъ царскіе слуги и говорятъ Давиду царю:

— Пошли, — говорятъ, — Давидъ царь, за царскимъ кузнецомъ, его мальчонка это дѣло обсудить.

Велѣлъ Давидъ царь привести царскаго кузнеца, да чтобы кузнецъ и мальчонку захватилъ.

И пришелъ царскій кузнецъ, пришелъ и царь Соломонъ.

Разсказалъ Давидъ царь царю Соломону о старухѣ, какъ унесло у нея муку вѣтромъ:

просить старуха суда.

— Какъ же ты, Давидъ царь, — говоритъ царь Соломонъ, — не можешьъ разсудить такого? Дай мнѣ твою клюку, твой скипетръ, царскую порфиру, и я сяду на твой престолъ, буду судить!

Посадилъ Давидъ царь на свой царскій престолъ царя Соломона судить старуху да вѣтеръ.

И собралъ царь Соломонъ весь народъ, сколько ни было въ городѣ, всѣхъ отъ мала до велика, и всю царскую семью — царицу, царскаго брата Аскленея, жену его и друга ея.

— Кто изъ васъ нынче въ утренній часъ вѣтру молилъ? — спросилъ царь Соломонъ.

Какой-то тутъ и выскочилъ корабельщикъ.

— Я, — говоритъ, — молилъ попутной по-
сѣбны.

И велѣлъ царь Соломонъ корабельщику отсыпать мѣру муки.

Отсыпалъ корабельщикъ муки старухѣ.

Пошла старуха, понесла муку, Бога благодарила
да царя Соломона — за судъ премудрый.

И дивился народъ царю Соломону.

Тутъ царица призналась Давиду царю, что ея это сынъ царь Соломонъ, а сынъ — не ихъ сынъ, а царскаго кузнеца.

Давидъ царь простилъ царицу,

царскому кузнецу кузню царскую въ вѣко-
вѣчный даръ отдалъ,

а на царя Соломона вѣнецъ надѣлъ:

— Пусть царь Соломонъ судить и рядить все царство, всѣ народы, всю русскую землю.

ЦАРЬ ГОРОСКАТЬ

Хитрый, мудрый былъ царь Гороскатъ — городамъ бывалецъ, землямъ проходецъ.

Собралъ царь къ себѣ министровъ на думу.

— Хочу, — говорить, — непосѣяно поле жать.

Ну, министры отвѣтить ничего не могутъ: не умѣютъ разгадать загадку.

— Не отгадаете, — говорить царь, — голова съ плечъ!

Стали министры просить царя обождать:

можеть статься, и смекнуть, надумаютъ чего, — жалко имъ головъ своихъ, все-таки какъ-никакъ, человѣчъи.

— Дай, — говорятъ, — намъ сроку на трое сутокъ.

Согласился царь, отпустиль министровъ.

Вышли министры отъ царя изъ царскаго дворца, идутъ по улицѣ, не знай куда, — загадка на умѣ, а разгадки нѣть никакой.

Кружили, кружили, съ улицы на улицу, пройдуть поперечную, вернутся, идуть по продольной и опять въ поперечную, и все думаютъ, а придумать ничего не могутъ.

Прошелъ обѣденный часъ, проголодались министры
„Эхъ — думаютъ, — закусить бы теперь самое
время!“

А ужъ такую даль зашли: ни трактира, ни посто-
ялаго двора.

И видяты они, домъ стоитъ большой, широкій,
двери худыя, разсыпались, не заложены. Вошли они
въ этотъ домъ:

слава Богу, есть человѣчья душа!

Въ домъ дѣвица полъ мыла, да скорѣе отъ мини-
стровъ на печку.

„Не дай, Господи, тупой глазъ и безухо окно!“

Оправилась дѣвица, пригладилась, вышла изъ-за
печки, домыла полъ, вынесла на улицу грязную воду,
вымыла руки.

— Мы что-то поѣсть хотимъ, — говорять
министры.

— А чего вы хотите: плеванного или лизан-
наго?

„Эка хитрая дѣвка, — подумали министры, — чего
загнула!“

И что лизанное и что плеванное, какъ тутъ разо-
брать? Да и куда ужъ имъ разбирать:

подводить, ёсть очень хочется.

— Ну, ставь намъ лизаннаго!

Поставила дѣвица ухи чистой и бѣлой рыбы.

Поѣли министры всласть, помолились Богу, побла-
годарили хозяйку, вышли изъ-за стола.

И ужъ любопытно имъ знать:

что лизанное, что плеванное?

— Понапрасно вы только хлѣбъ у царя ёдите,
— сказала хозяйка, — спросили бы вы у меня плеван-
наго, я поставила бы вамъ ухи ершовой, вы бы ёли

да кости выплевывали, а вы просили у меня лизанного, я и поставила вамъ ухи чистой, рыбу вы съѣли и тарелку облизали.

„Эка, вѣдь, дѣвка-то мудреная!“ — подумали министры.

Слово за слово, разговорились, да свою бѣду ей и рассказали о царской загадкѣ.

— Что такое, — говорятъ, — хочетъ царь непосѣяно поле пожать?

— А вы и этого не знаете? Ну, ступайте, скажите царю: „Вы будете начинать, а мы вамъ будемъ помогать!“

Весело пошли министры къ царю въ царскій дворецъ: сдѣбровали ихъ головы, не казнить ихъ царь, загадка разгадана.

— Ваше царское величество, — говорятъ министры царю, — вы будете начинать, а мы вамъ будемъ помогать.

— А кто вамъ это сказалъ? — спрашиваетъ царь.

Сказать неправду царю, не такой царь, чтобы неправду спустилъ, ну, во всемъ и признались, —

разсказали министры, какъ зашли они къ дѣвицѣ одной въ ея большой старый домъ, какъ угостила она ихъ лизаннымъ, не забыли и про плеванное.

— Ужъ больно хороша дѣвица, и хитра и умна.

— На-те, несите этой дѣвицѣ золотникъ шелку, пусть она мнѣ соткетъ ширилку!

Хотѣлъ царь испытать хитрость и мудрость хитрой дѣвицы.

Взяли министры царский шелкъ, пошли назадъ изъ дворца, и ужъ едва домъ разыскали:

на радостяхъ-то, что голова щъла, изъ головы всю память повышибло.

Встрѣтила министровъ дѣвица, а они ей золотникъ шелку, — принимай изъ рукъ въ руки.

— Велить царь соткать ширинку!

Положила дѣвица шелкъ на столъ, подаетъ имъ краснаго дерева кусокъ:

не великий, не малъ кусокъ, — со швейную иголку.

— Идите, — говорить, — къ царю, отдайте ему дерево и скажите: будетъ ему ширинка, пусть только напередъ сдѣлаетъ мнѣ царь изъ этого дерева шпульку да бѣрдо.

Понесли министры дерево къ царю, принесли отвѣтъ.

Принялъ царь дерево, повергъ на ладони, подулъ, покачалъ головой.

— Нѣтъ, — говоритъ, — этого я доспѣть не могу, ступайте, сватайте мнѣ эту дѣвицу.

Знай царь, что въ царствѣ у него не перевелись еще мастера самоварные — мастера и блоху подковать! — не бывать бы дѣвицѣ женою царя, досталъ бы царь своихъ самоварныхъ мастеровъ, перенялъ бы хитрости ихъ, изъ ничего сдѣлалъ бы шпульку и бѣрдо, — такой ужъ былъ царь, изъ царей царь первый, Гороскать.

А на нѣтъ и суда нѣтъ, пошли министры къ дѣвицѣ сватами.

Пріѣхалъ и самъ царь, да въ Божью церковь. Скоро сыграли свадьбу, весело отпировали пиръ.

И сталъ царь жить-поживать съ молодою царицей.

Живеть царь, поживаетъ съ молодою царицей.

Не пожалуется царь на царицу — и хитра и мудра, одно горе: напередъ царя забѣгаетъ, нечего и думать царю своимъ умомъ что сдѣлать, жена все доспѣеть.

А развѣ такъ царю можно?

И задумалъ царь извести царицу, — такую задачу задать ей, чтобы впредь не хотѣла быть хитрѣе царя.

Созвалъ царь своихъ министровъ, призвалъ царицу.

— Хочу, — говорить, — на три года въ иностранныя земли удалиться, всѣ ихъ хитрости заморскія произойти. Я возьму съ собой жеребца-иноходца, а у царицы оставляю въ домѣ кобылу, — можетъ ли царица такъ сдѣлать, чтобы кобыла жеребца принесла, какъ подо мною? И еще оставляю я царицѣ порожній чемоданъ подъ двѣнадцатью замками, ключи съ собой беру, — можетъ ли царица накласть золота-серебра, и чтобы ни одинъ замокъ не повредить? И третье — послѣднее дѣло: вотъ царица остается не беременна, — можетъ ли она родить такого сына, каковъ я есть?

Молчать министры, не знаютъ, какой отвѣтъ дать царю, молчить и царица.

— Даю сроку три года, не исполнить царица, смертью казню!

Сказалъ царь, сѣлъ на корабль и уплылъ въ иностранныя земли.

Засѣли министры во царскомъ дворцѣ, судять-рядить безъ царя царство.

Осталась царица одна, да долго не думая, соорудила себѣ корабль, взяла съ собою царскую кобылу, порожній чемоданъ, мѣшки съ серебромъ и золотомъ, сѣла на корабль и отплыла вслѣдъ за царемъ въ иностранныя земли.

И тамъ, въ землѣ иностранный пристала она къ тому самому городу, гдѣ царь остановился перениматъ иноземныя хитрости.

А чтобы непримѣтно было, подстригла она себѣ по-мужски волосы, обрядилась въ мужское платье, назвалась принцемъ и пошла по городу, у всѣхъ выспрашивается:

— Гдѣ заѣзжій царь на квартирѣ стоитъ?

— Да вотъ противъ принцева дворца, — говорятъ прохожіе.

А царицѣ только того и надо:

теперь она свое дѣло сдѣлаетъ, исполнить царскую задачу.

И сейчасъ же къ принцу иностранному, просить принца пустить ее на постой во дворецъ. Уважилъ принцъ ея просьбу, отвелъ ей комнату у себя во дворцѣ,

— живи сколько хочешь!

Перевезла царица съ корабля порожній чемоданъ, мѣшки съ серебромъ и золотомъ, и кобылу.

Кобылу поставила въ принцеву конюшню, чемоданъ и мѣшки подъ кровать спрятала, и стала за царемъ слѣдить:

куда царь, туда и она.

А у царя и въ мысляхъ нѣтъ, чтобы такое дѣлалось, да и узнать ему царицу невозможно:

въ мужскомъ платье принцемъ царица ходить.

Да и некогда царю ни о чём такомъ думать: день деньской за работой, какъ простой человѣкъ, и самую черную работу исполняетъ, все узнать хочетъ, до всего дойти хочетъ и выучиться, — такой ужъ былъ царь, изъ царей царь первый, Гороскатъ.

Послѣ дневныхъ трудовъ пошелъ царь въ трактиръ посидѣть, и царица за нимъ.

Въ трактирѣ въ карты играли.

Выпилъ царь, закусилъ, смотрить за игроками и захотѣлось ему самому поиграть: больно ужъ карты хороши.

А царица тутъ-какъ-тутъ подсѣла къ царю.

— Что, — говорить, — даромъ карты мять, давай въ дураки.

— Давай.

— А напередъ залогъ надо положить, — говорить царица, — если я проиграюсь, съ меня сто рублей за дурака, ты проиграешь, съ тебя двѣнадцать твоихъ ключей за дурака: дашь мнѣ ключи на одну ночь!

— Ладно, — согласился царь.

И началась игра.

И проигрался царь — остался въ дуракахъ.

Дѣлать нечего: подавай ключи!

Сѣгдя царь къ себѣ на квартиру, принесъ ключи, отдалъ царицѣ. Ну, посидѣли еще, чаю попили, распостились и по домамъ.

Царь завалился спать: чуть свѣтъ ему на работу — тамъ, въ иностранныхъ земляхъ, лынды лындать не полагается, живо по шапкѣ и разговаривать не станутъ.

А царица скорѣе комнату свою на ключь да къ чемодану, разомкнула порожній чемоданъ, опростала мѣшки съ серебромъ и золотомъ, и до полна наполненный чемоданъ опять заперла на всѣ ключи.

И утромъ, какъ итти царю корабли строить, несетъ ему ключи назадъ.

— Ночь прошла, — говорить царица, — твои ключи.

Ходить царь по городу, а царица принцемъ не упускаетъ его изъ глазъ:

куда царь, туда и она.

И опять вечеромъ зашелъ царь въ трактиръ посидѣть, и царица въ трактиръ.

Въ трактирѣ шла игра.

Захотѣлось и царю поиграть: больно ужъ карты хороши.

А царица тутъ-какъ-тутъ подсѣла къ царю.

— Что, — говоритъ, — даромъ карты мять, давай въ дураки.

— Давай.

— А напередъ залогъ положимъ, — говоритъ царица, — я проиграюсь, съ меня двѣсти рублей за дурака, ты проиграешь, съ тебя конь за дурака: дашь мнѣ своего жеребца-иноходца на одну ночь!

— Ладно, — согласился царь.

И началась игра.

И опять проигрался царь — остался въ дуракахъ.

Пошелъ царь на свою квартиру, привель жеребца-иноходца, передалъ коня царицѣ, распостились и по домамъ.

Вернулась царица въ свой принцевъ дворецъ и сейчасъ же велѣла пустить царскаго жеребца въ конюшню къ своей кобылѣ,

И до утра не выпускала жеребца изъ конюшни, а чуть свѣтъ отвели обратно къ царю.

— Ночь прошла, — сказала царица, — твой конь.

Чемоданъ и не отпертый, а тugo набить золотомъ, кобыла и безъ жеребца, а ходить не проста.

Два дѣла сдѣланы, двѣ царскія задачи исполнены, остается третье дѣло, — послѣднєе. Ну, да съ этимъ сладить проще всего.

Караулила царица царя.

Принцемъ ходить царица за царемъ, шагу ему не ступить, все она видитъ.

И опять зашелъ царь въ трактиръ посидѣть, и царица въ трактирѣ.

Въ трактирѣ играли въ карты.

Засмотрѣлся царь на игроковъ и самому захотѣлось поиграть: больно ужъ карты хороши.

А царица тутъ-какъ-тутъ, такъ и вертится.

— Что, — говорить, — даромъ карты мять, давай въ дураки.

— Давай.

— А напередъ положимъ залогъ, — говорить царица, — если ты проиграешься, съ тебя триста рублей, а я проиграюсь, съ меня ночь: всю ночь буду тебя угощать!

— Ладно, — согласился царь.

И за игру.

И проигралась царица — осталась въ дуракахъ.

— Ну, твое счастье, — сказала царица, — приходи ко мнѣ въ полночь, будешь тебѣ угощенье.

Посидѣли пріятели въ трактире, попили чаю, послушали машину и по домамъ.

Дома царица скорѣе сняла съ себя мужское платье, и нарядилась въ женское, прихорошилась, убрала столь винами, сластями всякими, пряниками, поджидаетъ гостя.

Полночь пробила, стучится царь.

Отперла царица, впустила царя.

Смотреть царь, диву дается.

— А гдѣ же принцъ?

— А сейчасъ, — говоритъ царица, — за виномъ въ трактире побѣжалъ.

А сама ну угощать гостя: и виномъ его поить, и водки подливаетъ.

А принца все нѣть и нѣть.

И забылъ царь о принцѣ: крѣпко вино, сладка водочка, слаше всего хозяйка принцева.

Чуть свѣтъ разбудила царица царя: ужъ народъ на работу идетъ и ему время.

— Ночь прошла, — говоритъ царица, — твоя ночь.

Простился царь и ушелъ.

А царица собралась да на свой корабль, и съ чемоданомъ, и съ кобылою поплыла на корабль домой.

★ ★

Три года прошло.

Обѣздилъ царь всѣ иностранныя земли, всего насмотрѣлся, всякому ремеслу выучился, всѣ хитрости заморскія произошелъ:

будетъ ему съ чѣмъ показаться въ своей землѣ, есть чemu своимъ дураковъ научить.

Обтешетъ онъ мужика, повыбьетъ лѣнъ изъ сенаторовъ, дурь да лѣнъ за горы угонить, заведеть порядки, и будетъ его земля не хуже иностранныхъ земель. Самъ не пожалѣтъ онъ силъ, самъ первый, какъ простой человѣкъ, за топоръ возьмется, только было-бъ земль хорошо, — такой ужъ былъ царь, изъ царей царь первый, Гороскатъ.

Снарядилъ царь корабль и въ путь — въ свою землю.

На корабельной пристани встрѣтили царя министры.

Поздоровался царь съ министрами, да скорѣе къ себѣ во дворецъ, да прямо въ свою комнату.

Схватилъ царь чемоданъ, разомкнулъ, а въ чемоданѣ до полна золота-серебра наложено, и замки всѣ цѣлы.

Взглянулъ царь въ окно, а тамъ, въ саду царская кобыла, подъ кобылою жеребенокъ, ну такой самый, какъ его царскій жеребецъ-иноходецъ.

Тутъ вошла къ царю царица и не одна, съ сыномъ на рукахъ.

Взялъ царь къ себѣ на руки сына да къ зеркалу.

А сынъ, какъ двѣ капли воды, весь въ царя.

— Какъ же это ты могла такъ сдѣлать? — говорить царь и кличетъ министровъ, чтобы всѣ знали: — хочу ее за это казнить!

А министры говорятъ:

— Нельзя безвинно человѣка казнить.

— Да какъ же такъ? Всѣхъ велю казнить! — гремитъ царь.

И заговорила царица:

— Ваше царское величество, ты въ иностранной земль въ трактиры ходилъ!

— Ходилъ.

— Играль съ принцемъ въ карты?

— Играль.
— Ты мнѣ ключи проигралъ, ты мнѣ и коня проигралъ. А игралъ ты въ третій разъ?
— Играль.
— Выигралъ у принца ночь?
— Выигралъ.
— Ты, вѣдь, съ меня выигралъ ту ночь.
— Ну, царствуй со мной, — сказалъ царь, — съ тобой весь міръ покоришь.
И задалъ царь пиръ на весь честной міръ.

ЦАРЬ ПЕТРЪ

Первое: видѣть надо и все узнать . . .
не узнаешь — не почувствуешь,
не почувствуешь — не откликнешься,
не откликнешься — не будешь свой,
не будешь свой — изомрешь.

Рось царевичъ до всего вострый и чтобы все
самому.

Задумалъ царство обѣхать, всю державу вывѣ-
дать — и кто какъ живеть и кому чего надо —
чтобы вѣрою править и правдой судить.

Слушаетъ, бывало, царь мальца, не натѣшится —
и въ кого такой зародился! — то-то гораздъ.

— Я, батюшка, все самъ хочу знать!

Скажетъ и смотрить и такъ, ровно уголечки глаза
горятъ: дай подростеть, будетъ первымъ царемъ, не
пропадеть съ такимъ русское царство!

Отпускаль царь царевича, куда ему любо:

пуской ъздитъ одинъ по бѣлому свѣту!
Только что Тимофей съ нимъ кучерь.

Вотъ разъ выѣзжаетъ царевичъ на тройкѣ въ село подъ Москвою.

А морозило крѣпко и отъ мороза не только что люди, шавки и тѣ попрятались по конуркамъ, а отъ коней такъ паръ и валить.

И видить царевичъ, на краю дороги мужичонко дрова рубить, вотъ какъ рѣзко рубить — лицо отъ морозу разгорается, а видно, не можетъ согрѣться, ужъ очень одежонка-то худа.

— Богъ помошь тебѣ, крещеный!

— А спасибо, царевичъ!

— Въ такую стужу ты рушишь?

— Не я, царевичъ, нужда рубить.

Царевичъ къ Тимофею:

— А что, Тимофеи, какая это нужда? Ты ее знаешь?

Усмѣхнулся во всю рожу царскій кучерь, инда съ бороды сосульки поскакали, а паръ — лошадиный пошелъ.

— Запамятовалъ что-то... Намъ харчи сытные.

— Какая же это нужда? — соскочилъ царевичъ съ саней да къ мужичонкѣ, — гдѣ она у тебя: мнѣ бы поглядѣть!

— На что тебѣ, царевичъ, и не дай Богъ съ ней познаться!

— Нѣть, мнѣ ее надо видѣть!

А тамъ въ чистомъ полѣ на бугринѣ стояла со снѣгомъ былина.

— А вонъ, царевичъ, на бугринѣ стоитъ! Эвона какъ отъ вѣтру шатается.

— Веди нась, покажи.

— Можно, — положилъ мужичонко топоръ, прикрылъ вѣтками.

Вотъ сѣли на тройку и поѣхали въ чистое поле глядѣть нужду.

И скоро выѣхали на бугоръ, миновали былину,

а за нею тамъ дальше другая стоитъ—

— Гдѣ же нужда?

— А вонъ — вонъ за тою былиной... Только ъхать нельзя: снѣгъ глубокъ.

Царевичъ соскочилъ съ саней.

— Покарауль-ка, крещеный, пойду погляжу.

И пошелъ.

И Тимофеи за нимъ: царская служба — нельзя.

И полѣзли по снѣгу:

былину пройдутъ, другая маячить, къ другой — —

— Гдѣ же нужда!

А мужичонко стояль у саней, караулиль.

Иззябъ, окоченѣль весь бѣдняга, ну, взяль, да и выстегнуль царскую тройку, сѣль, — только и видѣли.

Все по сугробу, да по сугробу ползаль вотъ какъ царевичъ съ Тимофеем, и все по пусту —

нѣть нигдѣ нужды, не оказывалось.

— Гдѣ, гдѣ она, эта нужда?

Ужъ смеркалось, пора было домой, и повернули назадъ.

Едва-едва на дорогу выбрались, хватъ, а лошадей и слѣдъ простиъ.

Эка бѣда! Что дѣлать?

И сани бросать не годится: за царское добро Тимофеи въ отвѣтъ.

А Тимофеи думаетъ себѣ:

такъ не годится!

— Такъ не годится, я простой человѣкъ: тебѣ, царевичъ, въ корень, а я на пристяжку.

Запряглись и поѣхали.

Везутъ и везутъ. Повезутъ и пристанутъ.

А тотъ мужичонко — не промахъ — попряталъ лошадей царскихъ, да на дорогу.

И идеть имъ навстрѣчу.

— Чтой-то ты, царевичъ, санки на себѣ везешь?

А царевичъ изъ силъ выбился, ужъ не смотрить.

— Уйди! Это нужда везеть.

— Какая это нужда?

— Ступай, тамъ вонъ въ полѣ на бугринѣ!

А самъ везеть да везетъ.

Едва до села добрались.

Тимофей на что крѣпокъ — царскій вѣдь кучеръ! — и тотъ уморился.

Слава Богу, наняли на селѣ лошадей. И прѣѣхали домой въ Москву на троекѣ — на чужихъ.

Спрашиваетъ царь:

— Чьи жъ это лошади?

А царевичъ ему:

— Батюшка, я нужду увидѣть, лошадушекъ потерялъ!

Вотъ онъ какой — самъ нужду увидѣть!

А станеть царемъ, будетъ первымъ царемъ — царь первый Петръ.

СОЛДАТСКІЯ

СОЛДАТЬ-ОХОТНИКЪ

Три сына росли у Касьяна.

А по тѣмъ мѣстамъ такія были дряби да грязи,— не пройти, не проѣхать.

Вотъ и говорить Касьянъ сыновьямъ:

— Вы, дѣтушки, теперь выросли, давайте-ка міру послужимъ, замостимъ дряпь, чтобы людямъ ходить хорошо было.

И три года мостили, осталось послѣдній гвоздь вклютить, — будеть путь во всѣ стороны.

Старшій сынъ мостиль черезъ мхи, пріусталь, прілегъ отдохнуть подъ мостомъ.

И слышитъ, идетъ черезъ мостъ старишокъ и Бога молить:

— Дай, Господи, кто этотъ мостъ мостиль, чего попросить, то и дай.

Вышелъ старшій къ старику:

— Мы мостили, три брата нась да отецъ.

— Что тебѣ надо? — спросилъ старики.

— А мнѣ много не надо: а чтобъ ни за чѣмъ въ люди не ходить, дома жить.

— Такъ и будетъ.

И пошелъ стариkъ своей дорогой.

На другой день середній сынъ прикорнуль подъ своимъ мостомъ.

И тотъ же старишокъ идетъ и Бога благодарить.

И какъ старшій, пожелалъ и середній:

— Ни за чѣмъ въ люди неходить.

— Такъ и будетъ, — посулилъ и ему стариkъ.

На третій день сидить подъ мостомъ малый сынъ.

Идетъ черезъ мостъ старишокъ, молитъ Бога.

Выходитъ малой.

— Что тебѣ надо? — спрашиваетъ стариkъ.

— А хочу въ солдаты итти.

— Трудное дѣло, Иванъ, да и молодъ еще! —
сказалъ стариkъ.

— Нѣтъ, я пойду.

— Ударься о землю! — приказалъ стариkъ.

Ударился Иванъ о землю —

и сталъ оленемъ.

Бѣгалъ, бѣгалъ, изъ силь выбился, прибѣжалъ къ старику.

— Быль олень, стань рысью! — сказалъ стариkъ.

И сталъ Иванъ рысью.

И побѣжалъ, уморился и назадъ идетъ.

— Быль рысью, стань соколомъ!

И ужъ соколомъ полетѣлъ Иванъ и много леталъ, промахались крылья, спустился.

— Быль соколомъ, будь мурашомъ!

И обратился Иванъ въ муравья —

ужъ ползаль, ползаль съ вѣтки на вѣтку,
съ прута на прутокъ.

— Ну, довольно.

И стала Иванъ опять человѣкомъ.

— Богъ тебя благословляетъ на службу, —
сказалъ стариикъ, — служи вѣрой и правдой. Когда
будеть нужно, ударься о землю — и станешь оленемъ,
рысью, соколомъ и мурашомъ.

И пошелъ стариикъ своею дорогой.

Стали братья жить-поживать, каждый своимъ дѣ-
ломъ занялся.

Старшой промышлялъ торговлей — и дѣло хорошо
пошло.

Средній на землѣ хозяйствовалъ и тоже не жало-
вался.

А меньшой Иванъ — такъ ужъ знать ему на роду
написано — какъ сдѣлалась завороха-война, занабирали
народу, и пошелъ онъ охотой въ солдаты.

Съ годъ шли войной.

Повоевалъ царь много земель и пришло время
мириться.

Всѣ цари собрались на собраніе — всѣ въ коронахъ.

Хватился ивановскій царь, гдѣ корона? — безъ
короны въ собраніе не пускаютъ, — а корону-то дома
забылъ.

И даютъ царю три дня сроку:

а то назадъ отберутъ всѣ земли и опять
войну начинай!

Что подѣлаешь: надо корону!

И заразыскивалъ царь народу:

кто можетъ въ трое сутокъ домой сходить
и назадъ съ короной притти?

Да кому это возможно, — годъ вѣдь шли! — отказываются.

И выискался Иванъ.

— Я схожу.

Обрадовался царь:

— Вотъ что, Иванъ, исполнишь, дочь за тебя отдашь.

Написалъ царь письмо царевнѣ.

И съ царскимъ письмомъ снарядилъ въ путь Ивана.

★

Вышелъ Иванъ изъ виду вонъ, да какъ ударится о землю —

и сталъ соколомъ и полетѣлъ.

Черезъ рѣки летить соколомъ, по полямъ — оленемъ, сквозь лѣса — рысью, такъ и шелъ и шелъ.

Въ сутки добѣжалъ оленемъ.

Народъ кричитъ:

— Хватайте! хватайте!

А старые люди головой качаютъ:

— Ой, не вѣсть ли отъ царя!

Прямо ко дворцу бѣжитъ.

И не сдобровать бы оленю, да онъ муравьемъ обернулся и попалъ муравьемъ во дворецъ на верхи къ царевнѣ.

И тамъ сталъ солдатомъ.

Ужаснулась царевна.

— Какъ, — говоритъ, — ты вошелъ, солдатъ, и по какому случаю?

Иванъ ей письмо отъ царя.

И разсказываетъ, какъ донесъ письмо.

Не вѣрить царевна:

годъ шли войной, какъ же такъ въ одинъ сутки поспѣть?

Я тебѣ покажу, царевна.

И ударился о землю —

и сталъ соколомъ.

А царевна изъ него перышко вытянула да въ платокъ.

— А еще какъ?

И сталъ онъ оленемъ.

Царевна у него рожка отломила и опять въ платокъ.

— Еще покажи!

И сталъ онъ рысью.

Царевна у него шерстки клокъ вырвала и къ рожку въ платокъ.

— А какъ, — говоритъ, — во дворецъ попалъ?

— Я мурашомъ вползъ.

И обернулся муравьемъ.

А царевна изъ него бочечку-яичко вытянула да въ узелокъ завязала.

И повѣрила.

Дала ему царскую корону и письмо отцу.

Забралъ Иванъ корону, запряталъ письмо, обернулся соколомъ.

— Прощай, прощай! — и улетѣлъ.

Ближней дорогой, какъ соколь, долетѣлъ Иванъ до моря.

И всего ничего оставалось, да усталъ, вздумалъ
отдохнуть малость и повалился на берегъ.

А у моря два солдата на часахъ стояли: Хайловъ
да Вагановъ корабли стерегли.

Видять солдата на берегу, пошарили, хватъ, а у
него царская корона да письмо.

— Ой, — говорить Вагановъ, — ужъ не воръ ли?

— Воръ не воръ, а прощалыга. Такъ оставить
невозможно.

И давай будить Ивана.

Ужъ головой били о землю и всѣ ему ребрышки
посчитали, а онъ и ухомъ не ведеть, — очень уморился.

Ну, пеняй на себя, долго разговаривать некогда и
живо на корабли. И во-время къ царю съ короной
поспѣли.

На радостяхъ царь забылъ про Ивана: тутъ дѣло
такое, не до Ивана.

Думалъ Иванъ часокъ отдохнуть, разоспался, и
ночь наступила, а онъ спить и спить.

Въ полночь вышелъ внучонокъ водяного на бережку
поиграть — на морѣ тишина, ни кораблика въ морѣ! —
увидалъ внучонокъ Ивана, сграбасталъ его да въ море,
къ дѣду.

— Дѣдушка, дѣдушка, я тебѣ солдата поймаль!

Видить дѣдъ: человѣкъ не худой.

— А пускай съ тобой гуляетъ.

Ну, и остался Иванъ жить у водяного царя при
водяномъ внучонкѣ.

И мѣсяцъ прошелъ и другой и третій — много
прошло.

Кормятъ и поять Ивана до отвалу, да скучно.

И запечалился Иванъ, отсталъ отъ ъды, — думы-
то тамъ, на землѣ:

„Ужъ поди, — думаетъ, — царь миръ заключилъ,
то-то тамъ весело!“

— Что, Иванъ, аль стосконулся о бѣломъ
свѣтѣ? — спрашиваетъ водяной.

— Хоть бы глазкомъ поглядѣть! — запросился
Иванъ.

— Ладно, выпущу тебя на часокъ, а болѣ не
бывать!

Да какъ крикнетъ ребяты.

И откуда взялось, собрался народъ — всѣ
были набросаны въ море! — и живо его со дна вы-
несли и на островокъ положили.

Ударился Иванъ о землю и соколомъ улетѣлъ.

Море за нимъ —

подымалось, подымалось —

А ужъ высоко — не утянуть, такъ и улетѣлъ.

Отлетѣлъ Иванъ отъ моря и пошелъ.

Дошелъ до деревень, спрашиваетъ:

— Что, крещеные, вернулся царь съ войны?

— Да ужъ мѣсяца два будетъ, — говорятъ Ивану.

Онъ дальше — все идетъ и идетъ — пришелъ въ
городъ.

И остановился у нищей старухи Волкивны.

— Что это у васъ все пѣсни поютъ?

— А какъ же, — говоритъ Волкивна, — за сол-
дата Хайлова царская дочка замужъ выходитъ: досталь
царю корону миръ заключать! А товарища его первымъ
генераломъ царь сдѣлалъ: тоже старался. Да, слышно,
царевнѣ-то неохота. Завтрашній день даетъ царь пиръ
съ музыкантами, черезъ три дня свадьба.

— А нельзя ли мнѣ, бабушка, на царевну посмотреть!

— Чего жъ нельзя, надѣнь музыкантское платье и иди на пиръ.

А былъ у Волкивны пріятель изъ музыкантовъ, померъ, а мундиръ завѣщалъ старухѣ:

Волкивна его у себя подъ подушкой держала.

Нарядился Иванъ въ музыкантское платье и на пиръ. Сѣль съ музыкантами.

Царевна съ женихомъ прогуливается, а тотъ товарищъ его за ними ходить.

Подошла царевна къ музыкантамъ.

— Не слыхалъ ли кто, какъ солдатъ царю корону досталъ миръ заключать?

Никто ничего не отвѣчаетъ.

Тутъ поднялся Иванъ.

— Я, — говоритъ, — про такое не слышалъ, а самъ въ старину такъ дѣлалъ: обернусь соколомъ и лечу, черезъ рѣки — соколомъ, по полямъ — оленемъ, сквозь лѣса — рысью, а гдѣ надобно и мурашомъ.

— А теперь можешь?

— Могу.

Вышелъ Иванъ на площадь, ударился о землю — и соколомъ полетѣлъ, подлетѣлъ къ царевнѣ.

А царевна вынула изъ платка перышко, приложила.

— Вотъ, — говоритъ, — тутъ и было.

Обернулся Иванъ рысью.

Царевна шерстки клочокъ приложила, — и пришлось.

Бѣгалъ Иванъ оленемъ, ползалъ муравьемъ.

И рожка и бочечку приложила царевна, — и все
пришлось.

И говорить царевна отцу:

— Вотъ, батюшка, мой суженый, вотъ кто ко-
рону досталь:

Тутъ Хайловъ и Вагановъ въ ноги царю, повинились:
не хотѣли губить человѣка, да такъ ужъ
вышло!

Царь ихъ выдалъ Ивану и сейчасъ же за свадьбу.
Повѣнчался Иванъ на царевнѣ и сталъ жить-
поживать.

А товарищей отпустилъ на волю:

— Богъ съ ними, и такъ натерпѣлись, бѣдняги!

ДОЛЯ СОЛДАТСКАЯ

Сидѣлъ солдатъ въ окопахъ, и осень сидитъ и зimu сидитъ, и захотѣлось ему на родинѣ побывать.

— Хоть бы, — говоритъ, — чортъ меня туда снесъ, глазкомъ взглянуть!

А чортъ тутъ-какъ-тутъ.

— Ты, — говоритъ, — Королевъ, меня звалъ?

— Звалъ.

— Домой захотѣль?

— Да мнѣ бы на недѣльку.

— Изволь, на три, — чортъ растопырился, — давай въ обмѣнъ душу!

— А какъ же я службу брошу?

— Я за тебя.

И рѣшено было у солдата съ чортомъ:

солдатъ недѣлю и другую и третью на родинѣ проживеть, а чортъ это время въ окопахъ просидитъ.

— Ну скидавай! — сказалъ чортъ.

Солдатъ снялъ съ себя шинель, шапку, подалъ чорту и ружье отдалъ.

И не успѣль опомниться, какъ очутился дома.

А чортъ кое-какъ ремни подвязалъ и залегъ съ
ружьемъ.

Дѣло-то ему непривычно, думаль, что какъ-нибудь
обойдется, а въ первую же ночь хвостъ къ землѣ при-
мерзъ: ужъ отдиралъ, отдираль, едва высвободился.

А ничего не подѣлаешь — служба!

Да и голодно: привыкъ по трактирамъ шататься,
а тутъ тебѣ не трактиръ.

И самъ ужъ не знаетъ, что въ голову полѣзло:

извѣстно, какая ужъ совѣсть, а тутъ пос-
лали выбивать штыками — рука не поды-
мается, въ родѣ какъ жалко.

Недѣля прошла — за годъ показалось.

Полегоньку чортъ завшивѣлъ, а бородища отросла
во! — ни на что не похоже.

Такъ и сидѣлъ чортъ въ окопахъ, мерзъ да зуба-
ми щелкалъ.

И ужъ чья-то добрая душа чорту въ окопы кисеть
съ мохоркой прислала:

къ хвосту себѣ его чортъ придѣлалъ, а
легче не стало.

★

Наконецъ-то насталъ срокъ солдату.

Простился солдатъ съ домашними.

— Невозможно, — говорить, — больше оста-
ваться, прощайте!

И опять попалъ въ окопы.

А чортъ какъ завидѣлъ солдата, все съ себя долой.

— Ну, — говорить, — съ вашей и службой-то
солдатской! И какъ это вы терпите?

Да стрекача изъ окоповъ, забыль и про душу.

ШИШОКЪ

Если другой разъ и человѣка ни по чѣмъ не береть пуля, то противъ нечистой силы что плевокъ, что пуля.

Стояли солдаты на войнѣ, очереди дожидались.

И заскучали, стоявши.

Вотъ чортъ и задумалъ подшутить надъ ними.

— Стрѣляйте, — говорить, — въ меня, сколько влѣзеть: мнѣ ничего не будетъ!

И сталъ мишеню.

Ну, и выискались охотники, нацѣлятся — выстрѣлять, а онъ сейчасъ же пулю изъ себя и несетъ тому, кто стрѣляль.

Диву давались солдаты.

А былъ одинъ старишокъ въ обозѣ и говорить старишокъ солдатамъ:

— И чего вы, други, мудрить надъ собой даетесь, да и добро по-пусту изводить грѣшно!

— А какъ бы намъ, дѣдушка, его осилить?

— А очень просто, — старишокъ-то все зналъ, — только зря не годится: отмстить, окаянный.

Стали приставать къ старику: скажи да скажи.
А ужъ шишокъ, видно, смѣтиль и что-то не слыш-
но стало.

Старичокъ и открылъ тайность.

— Очень просто: пуговицу накресть надрѣжь,
заряди ружье и стрѣляй, — завертится!

Ну, схватились было искать, туда-сюда...

А тутъ такое пошло, не до того ужъ.

Вдругъ повалилъ настоящій, — гляди, не зѣвай —
силища страсть, и откуда только берется, такъ и прѣтъ.

Да Богъ даль, изъ бѣды вышли.

Отсталъ отъ товарищѣй Куринъ, не завалящій сол-
датъ, во! — папироску закуришь.

Туда пойдетъ — нѣтъ дороги, повернетъ въ сто-
рону — и того хуже.

Такъ и пробирался на волю Божью, а ужъ едва
ноги волочить, ой, тugo пришлось!

Бредеть Куринъ мимо пруда и видить —
сидить на плотинѣ... узналь, онъ самый,
ногами въ водѣ бултыкаетъ, а рожу на
Курина, языкъ высунулы, дразнить:

„Что, моль, ничего, солдатъ, не сдѣлаешь!“

И такъ это Курину досадно стало, вспомнилъ онъ
старичка, про что старичокъ-то сказывалъ, подошелъ
поближе къ плотинѣ, живо отхватилъ пуговицу, заря-
дилъ ружье, прицѣлился да какъ трахнеть.

Такъ того въ прахъ.

— Ага! — словно обрадовался кто-то.

Только и услышалъ Куринъ — ноги соскользнули.

И сказывали: безъ вѣсти солдатъ сгинулы!

МОРОКА

Служилъ солдатъ двадцать пять лѣтъ царю вѣрой и правдой, а царя въ глаза не видалъ. Пришелъ срокъ, получилъ солдатъ отставку и пошелъ домой.

Выходитъ онъ изъ городу и раздумался:

„Что я за дуракъ за солдатъ, двадцать пять лѣтъ царю вѣрой и правдой служилъ, царя не видаль. Спросить про царя, что я скажу?“

Взялъ да и повернулъ назадъ въ городъ и прямо къ царскимъ палатамъ.

У воротъ сторожа.

— Куда, землякъ, идешь? — остановила.

— А вотъ, землякъ, царя посмотреть: двадцать пять лѣтъ царю служилъ, царя въ глаза не видаль.

Доложили царю про солдата.

И велѣлъ царь позвать солдата къ царю на лицо.

— Здравствуй, землякъ!

— Здравія желаю, ваше царское величество.

— Что тебѣ, землякъ, нужно?

— Лицо ваше царское посмотреть: двадцать пять лѣтъ царю прослужилъ, царя не видаль.

Царь посадилъ солдата на лавку.

— А что, — говорить, — загну я тебѣ загадку: сколь, солдатъ, свѣтъ великъ?

— А не очень, ваше царское величество, свѣтъ-то великъ: въ двадцать четыре часа солнышко кругомъ обходитъ.

— Правда, солдатъ. А сколько отъ земли до неба высоты?

— Не очень, ваше царское величество, высоко: тамъ стучать, здѣсь слышно.

— Ладно. А загну я тебѣ еще загадку: сколь морская глубина глубока?

— Ну, царское величество, тамъ неизвѣстно:

былъ у насъ дѣдъ
семидесяти лѣтъ,
ушелъ на тотъ свѣтъ,
и теперь его нѣтъ.

— Правда, солдатъ.

Понравились царю отвѣты и даль царь солдату въ награжденіе четвертной билетъ.

Попрощался солдатъ, да прямо отъ царя въ трактиръ.

Сутки прогулялъ солдатъ — десять золотыхъ прогулялъ.

Жалко стало царской награды.

— Вотъ, — говоритъ трактирщику, — на тебѣ мой четвертной билетъ, я пойду тебѣ золота добывать.

И пошелъ солдатъ на базарь, купилъ морковь — сдѣлалъ десять золотыхъ.

И назадъ въ трактиръ, подаетъ трактирщику:
— Получайте!

Трактирщикъ золото принялъ, четвертную солдату отдалъ, а золото въ шкатулку спряталъ.

Солдату тутъ бы и уйти по добру-по-здраву, а онъ, нѣтъ, у трактирщика околачивается.

Вѣдумалъ трактирщикъ провѣрить шкатулку, хватъ, а тамъ не золото —

кружки морковные.

Трактирщикъ кружки въ карманъ себѣ сунулъ да изъ трактира, въ чемъ былъ, такъ и выскочилъ, да солдата за шиворотъ и прямо къ царю.

И приносить царю на солдата жалобу —

прогулялъ солдатъ десять золотыхъ, а отдалъ десять морковныхъ кружочковъ!

— Ваше царское величество, велите ему показать, чѣмъ я раздѣлался!

Трактирщикъ и вынимаетъ изъ кармана —

анъ, не морковь — золото,

золото, какъ золото, — изъ чекану.

— Видите, ваше царское величество.

Царю-то ужъ очень понравилось, отпустилъ царь трактирщика въ трактиръ и говоритъ солдату:

— Молодецъ солдатъ, сядь-ка, побесѣдуй со мной.

Присѣль солдатъ на лавку, ждетъ царской воли.

— Ну-ка, солдатъ, подшути ты надо мной шутку, да легонько.

— Могу ваше царское величество.

И проситъ царя на диванъ пересѣсть.

Послушался царь солдата, пересъль на диванъ.

— А который будеть чашь, ваше царское величество?

— Первый въ начинѣ, — сказалъ царь.

И вдругъ дверь — у-у-ухъ! — полна палата воды:
затопило царя на диванѣ по-шайку.

Ударился царь изъ палаты бѣжать, а на дворѣ ему вплавь.

Куда тутъ дѣться?

Ухватился за лѣстницу и ну карабкаться.

И покрыла полая вода всѣ лѣса.

Сидить царь на конечкѣ, захлебывается.

Тутъ откуда ни возьмись лодка, —
брякъ въ лодку.

Поднялся вѣтеръ и унесло царя не вѣсть куда.

Стала вода понемногу пропадать и пропала.

И крѣпко захотѣлось царю поѣсть.

Идетъ старуха, несеть булки.

— Пожалуй, бабушка, сюда, — говоритъ царь,
— продай мнѣ одну.

— Охъ, ваше царское величество, булочки-то
больно жестки, ночевочки. Нате подержите, я вамъ
мяконыкъхъ принесу.

Царь у старухи булки взялъ, держитъ.

„Слава Богу, хоть что-нибудь!“

Очень онъ проголодался.

И только что хотѣлъ отщипнуть кусочекъ, идетъ
околодочный Борисовъ.

— Чего, — говоритъ, — ты тутъ держишь?

— Булки.

— Ну-ка, я посмотрю.

Царь разжалъ руку, глядь — человѣчи головы.
Борисовъ его цопъ — въ часть.

До утра просидѣль царь въ части, а тамъ и суду предали, да въ острогъ.

И пока искали да разыскивали, натерпѣлся въ острогъ-то!

И дозналисъ, судили и засудили:

приговорили къ наказанію — въ каторгу навѣчно.

„Охъ, солдатъ, солдатъ, что надо мной сдѣлалъ!“
Везутъ царя по улицамъ, а палачъ только усмѣхается.
И привезли на площадь.

Раздѣли — поставили.

Взяль палачъ двухвостный кнутъ — —

— Ай, батюшки! — какъ закричитъ царь.

Тутъ вѣжали въ палату сторожа, смотрятъ:

сидитъ царь на диванѣ, а противъ на лавѣ къ солдатъ.

— Ну, спасибо, солдатъ, хорошо надо мной пошутилъ!

— А посмотрите-ка, ваше царское величество, который часъ?

Царь-то думалъ, что времени съ годъ прошло,
а всего-то одинъ часъ прошелъ!

И попрощался царь съ солдатомъ — отпустилъ его на всѣ четыре стороны.

★ ★

Приходитъ солдатъ въ деревню.

У околицы народъ стоитъ кучкой.

— Миръ вашему стоянію, пустите ночевать!

— Пойдемъ ко мнѣ, солдатъ! — выискался старикъ.

Ну, и пошелъ солдатъ за старикомъ.

Пришли въ избу, дѣдъ и спрашиваетъ:

— А не умѣешь ли ты сказки сказывать?

— Можно, дѣдушка.

— Ну-ка скажи.

— А что тебѣ одному сказывать, чай у тебя есть семейство?

— Есть, солдатъ, два сына, двѣ невѣстки.

— А вотъ и хорошо: когда придутъ въ избу, всѣ и послушаютъ.

Сошлись сыновья и невѣстки, сѣли ужинать, поужинали, да и спать.

Легъ дѣдъ съ солдатомъ на полати.

— Ну-ка, солдатъ, скажи сказку-то!

— Эхъ, дѣдушка, сказки-то я вѣдь нехороши-ми словами сказываю, а вонъ невѣстки сидятъ.

Старикъ перегнулся съ палатей:

— Невѣстки, живо спать!

Невѣстки дѣда послушали, постели постелили и спать легли.

— Ну, солдатъ, скажи теперь!

Ужъ очень дѣду хочется сказку послушать.

— А вотъ что я тебѣ скажу, дѣдушка, посмотри-ка хорошенько, кто мы съ тобой?

— Кто-жъ?

— Ты-то — медвѣдь, да и я-то медвѣдь.

Ощупался дѣдъ, пощупалъ солдата:

такъ и есть — и самъ-то медвѣдь и сол-датъ-то медвѣдь.

— Медвѣди мы.

— То-то и оно-то, что медвѣди, дѣдушка. И нечего намъ на полатяхъ разлеживаться, надо въ лѣсь бѣжать.

— Извѣстно, въ лѣсь! — согласился дѣдъ.

— А смотри, дѣдушка, въ лѣсь-то мы убѣжимъ, а тамъ охотники нась и убьютъ. И если, дѣдушка, тебя напередъ убьютъ, такъ я черезъ тебя перекуырнусь. А если меня убьютъ, ты черезъ меня кувыркайся — будемъ оба живы.

Прибѣжали въ лѣсь, а охотники тутъ-какъ-тутъ:
грохъ въ солдата — и убили.

Дѣдъ стоять:

что ему дѣлать? — бѣжать? и его застрѣлять.

И вспомнилъ дѣдъ, что перекуырнуться надо:
перекрестился да черезъ солдата какъ махнетъ.

— Ай, батюшки! — закричалъ голосомъ старикъ.

Невѣстки повскакали, огонь вздули.

А дѣдъ на полу лежить въ растяжку. —

Экъ, его угораздило!

— Хорошо еще Богъ спасъ! съ этакой высоты!

Подняль солдатъ дѣда на полати — больше не надо и сказокъ! — и до свѣта ушелъ.

СОЛДАТЬ

Служилъ солдатъ вѣрой и правдой, за родину терпѣль и трудился, во сколькихъ бояхъ побывалъ, ужъ смерть какъ на него зубы точила, да Богъ миловалъ, цѣль остался.

А вернулся домой, нѣтъ у него ни угла, ни крова, три сухарика въ сумкѣ —

доживай вѣкъ, какъ знаешь!

И пошелъ солдатъ, куда глаза глядятъ.

Вотъ ходить онъ день и другой и третій.

Кончилъ всѣ сухари и, хоть ложись, да протягивай ноги, нѣтъ больше силъ...

А видить солдатъ, идеть ему навстрѣчу человѣкъ и такой чудный.

— Куда идешь солдатъ?

— Куда глаза глядятъ, добрый человѣкъ.

И рассказалъ всю свою жизнь, какъ служилъ вѣрой и правдой, за родину терпѣль и трудился.

— Ну, правильно ты прожилъ, солдатъ, въ этомъ вѣкѣ, ступай въ царство небесное!

Поблагодариль солдатъ за такую милость.
„Вотъ когда поживу-то!“
И пошелъ по дорожкѣ — направо.

Долго ли, коротко ли, достигъ солдатъ райского мѣста.

И ужъ такая тамъ благодать:
какія поля, какіе луга!

Ходить солдатъ, только диву дается.

Насмотрѣлся, наглядѣлся всякихъ чудесъ, покурить захотѣлось, а табаку ни крошки.

Вотъ онъ и туда заглянетъ и сюда зайдетъ —
зданія все огромадныя, какъ дворецъ,
ни одной лавочонки.

А шли изъ райского лѣска праведные старцы.

Солдатъ къ нимъ:

— Покурить больно хочется, нельзя ли какъ,
старички, табаку раздобыть!

— Какой такой табакъ! Что ты, солдатъ, не-
што тутъ этимъ балуяся?

И такъ его пощуняли, ужъ не радъ, что связался.
Сильно солдату досталось.

А курить смерть хочется.

— Можетъ, гдѣ его тайная продажа есть?

Да мѣстности-то онъ не знаетъ и спросить ужъ
боязно.

И пошелъ солдатъ, куда глаза глядятъ.

И опять ему навстрѣчу тотъ человѣкъ, такой чудный.

— Что это ты, солдатъ, голову повѣсишь?
Или тебя кто обидѣлъ?

— Терпѣнья нѣть, курить хочется.

— Ну, коли такъ, ступай по той вонъ дорожкѣ: тамъ все есть!

Поблагодариль солдатъ, повернуль налево, да скорѣе въ путь.

А ужъ бѣсы бѣгутъ навстрѣчу, лапками такъ и размѣтываютъ.

И припекать стало, да солдату что — видывалъ и не такое:

одинъ вошиный зубъ чего стоитъ!

Обступили бѣсы, жужжать, что пчелы.

— Что тебѣ, солдатъ, угодно?

— Да не надо ли чего?

— Да мы все тебѣ, что хочешь!

— Рады служить!

— Приказывай!

Солдатъ отъ нихъ отбиваться — летѣли бѣсы, какъ пули, — ну, гдѣ на землю приляжетъ, гдѣ ползкомъ.

Какъ-никакъ, добрался до самаго пекла.

— Дайте, — говоритъ, — мѣстечко, передохну малость.

Тутъ его бѣсы подъ-ручки, посадили въ уголь — въ родѣ, какъ у жаркой, самой жаркой плиты.

— А что, табачишко найдется? — спрашива-
етъ бѣсовъ.

— Есть! Сколько хочешь!

— Да не хочешь ли папироsovъ?

— Все равно, что есть, то ладно.

И натащили бѣсы махорки — страсть.

Кури, сколько влѣзеть!

А за махоркой водки — пей, не считай!
Покуриль солдатъ хорошо, не плохо и выпилъ, и
вздумалось ему вздренуть съ пути.
Да только это дѣло никакъ не ладилось.
Стали его бѣсы прижимать:
 кто за руку дернетъ,
 кто за ногу,
 кто коготкомъ погладить.
Онъ ужъ что-что ни дѣлалъ, лѣзутъ!
День прошелъ и другой прошелъ и сталъ пообвы-
кать солдатъ въ пеклѣ.
Табакъ, слава Богу, есть, водки довольно, и опять
же тепло, жить можно, и одно только тошно:
 очень ужъ пристають!
И пустился солдатъ на выдумки:
 какъ бы такъ оградиться отъ нечистой
 силы?

Вотъ взялъ онъ шнуръ, вынулъ кусочекъ мѣлу, на-
мѣтилъ шнуръ и давай мѣрить пекло.

Сначала-то бѣсы ничего, только подъ-руку подтал-
кивали, а потомъ смекнули, должно быть, что затѣва-
етъ солдатъ неладное, подскочилъ одинъ чортъ —
 — Что ты, — говорить, — солдатъ, дѣлаешь?
 — Развѣ ослѣпъ, не видишь, мѣряю: церкву
хочу поставить. У васъ тутъ и помолиться негдѣ.
Тутъ чортъ къ главному чорту:
 — Дѣдушка, погляди-ка, солдатъ-то что выду-
малъ: хочетъ церкву у насть поставить!
Поднялся самъ, пошелъ провѣрить.

И правда, трудится солдатъ, ползаетъ со шнуркомъ
— пекло мѣрить:

хочеть въ пеклѣ церкву поставить!

— Онъ еще и насъ заставить молиться! —
захныкали бѣсы.

Ну, сейчасъ же отрядилъ главный бѣсъ пословъ
въ небесное царство съ жалобой на солдата.

— Какого солдата прислали къ намъ въ пекло! Хочеть церкву поставить! Нешто это возможно:
въ пеклѣ — церкva!

— А зачѣмъ такихъ къ себѣ принимаете? —
сказали въ царствѣ небесномъ.

— А возьмите его отъ насъ! — просять бѣсы.

— А какъ его взять, разъ онъ самъ не пожелалъ.

Такъ ни съ чѣмъ и вернулись.

— Что намъ теперь, бѣднымъ, дѣлать! Закадить, замолить насъ солдатъ! — завопилъ самъ ихъ главный.

Тутъ откуда-ни-возьмись выскочилъ бѣсенокъ, пискунъ называется, такъ востроносенькій.

— Сдери, — говоритъ, — дѣдушка, съ меня кожицу, натяни барабанъ и пускай съ барабаномъ выйдеть кто за ворота и забьетъ тревогу. Солдатъ живо самъ уберется.

Вѣдь какую умную штуку придумалъ, даромъ, что и званія-то — пискунъ!

Содралъ дѣдъ съ бѣсенка кожу, натянуль барабанъ.

— Смотрите жъ, — наказываетъ чертамъ, —
выскочить солдатъ изъ пекла, и сейчасъ же запирайте
ворота, а то еще, чего доброго, опять ворвется, и ужъ
пропадай съ нимъ!

Забили черти тревогу.

Солдатъ какъ услышалъ барабанный бой, да сломя голову бѣжать изъ ада, всѣхъ чертей распугаль, словно бѣшеный.

Выскочилъ за ворота.

А имъ только того и надо —

ворота хлопъ — и заперлися.

Осмотрѣлся солдатъ:

никого, и тревоги больше не слышно.

Повернуль назадъ, туркнулся въ ворота —

заперто!

Давай стучать:

— Отворяйте, черти, ворота сломаю!

А они изъ-подворотни только хвостиками помахиваютъ:

— Нѣть, братъ, будеть! Ступай куда хочешь, намъ безъ тебя веселѣе. Не пу-ус-тимъ!

Куда теперь солдату?

Хорошо, что еще кисеть съ чертячей махоркой щѣль!

Покуриль солдатъ съ горя и пошелъ, куда глаза глядятъ.

Шелъ, шелъ солдатъ и повстрѣчался ему тотъ человѣкъ, такой чудный.

— Куда идешь, солдатъ?

— И самъ не знаю: выперли меня черти изъ ада.

— Ну, куда жъ я тебя, Устиновъ, дѣну? Послалъ въ царство небесное — не хорошо, послалъ въ адъ — и тамъ не поладилъ.

— Да хоть на часахъ гдѣ постоять!

— Ладно, становись у тѣхъ воротъ, видишь?.
Да смотри, зря никого не пускай.
Поблагодарилъ солдатъ и пошелъ, сталъ на часы.
И вотъ идетъ — —
глазища выпятила, зубы оскалила.
— Кто идетъ?
— Смерть.
— Куда?
— Къ Богу.
— Зачѣмъ?
— За повелѣніемъ: кого морить прикажетъ.
— Погоди, — остановилъ солдатъ, — самъ
пойду, спрошу.

А было повелѣніе отъ Бога,
чтобы три года морила смерть самый
старый людъ.
Солдату жалко — старииковъ стало жалко.
Вышелъ и говорить смерти:
— Ступай, смерть, по лѣсамъ, грызи три года
самый старый дубъ.
Заплакала смерть:
— И за что Господь такъ прогнѣвался: посы-
лаетъ дубы грызть!
А ослушаться не смѣеть.
И побрела въ лѣсъ.
И три года шаталась тамъ — въ лѣсу тамъ, выби-
рала вѣковые дубы, подгрызала ихъ подъ корень, три
года трудилась ночь и день.
Прошли три года и воротилась смерть къ Богу.
— Зачѣмъ опять? — остановилъ солдатъ.

— За повелѣніемъ, кого Господь прикажетъ морить?

— Погоди, я самъ пойду.

И было повелѣніе отъ Бога —

три года морить смерти молодежь.

А солдату жалко: братьевъ вспомнилъ — вѣдь, всѣхъ ихъ уморить смерть.

Вышелъ и говорить:

— Ступай, смерть, назадъ, три года точи молодые дубки. Такъ Богъ приказалъ.

Заплакала смерть:

— И за что, Господи, на меня гнѣваешься!

А ослушаться нельзя:

не по своей волѣ смерть смертью по землѣ ходить, не сама береть, а повелѣнное.

И побрела въ лѣсъ и три года точила молодые дубки, измаялась.

Прошли три года, вернулась смерть за повелѣніемъ.

И въ третій разъ не допустилъ ее солдатъ, самъ пошелъ.

И было повелѣніе отъ Бога —

три года морить младенцевъ.

Жалко солдату — ребятишекъ жалко.

И велѣлъ солдатъ смерти итти опять въ тотъ самый лѣсъ и три года по кустикамъ лазать, заячью долю бѣсть.

— Господи, за что ты меня мучаешь! — заплакала смерть.

И пошла и три года по кустамъ питалась листьями,
извелась вся:

извѣстно, не заяцъ, на листочкахъ дол-
го не продержишься!

Идеть — —

едва ноги передвигаетъ.

Вѣтеръ подуетъ — такъ подъ вѣтромъ и валится.

„Ну, — думаетъ, — расцарапаюсь съ солдатомъ,
а дойду сама до Господа Бога. Девять годовъ онъ ме-
ня ни за что наказуетъ!

Солдатъ окликнулъ.

Молчить, лѣзеть на крыльцо.

Тутъ солдатъ ее за горбушку —
а та его костяшкой.

И такой поднялся шумъ, караулъ кричи.

★ ★

И выходитъ тотъ самый человѣкъ, такой чудный.

— Что такое?

Упала смерть ему въ ноги.

— Господи! За что на меня прогнѣвался?

Девять годовъ я мучаюсь, по лѣсамъ таскаюсь: три
года вѣковой дубъ грызла, три года дубки точила, три
года гладила листики.

А солдатъ виниться —

простить его Господь: очень ужъ жалко
ему народа!

★

И повелѣлъ Господь:

девять годовъ носить солдату смерть на
закоркахъ, кормить орѣхомъ, чтобы
смерть поправилась.

И тотчасъ смерть такъ и сѣла верхомъ на солдата.
А солдатъ — дѣлать нечего, Божье повелѣніе! —
встряхнуль ее и повезъ.

Ужъ возилъ онъ ее, возилъ по лѣсу и все у орѣ-
шенья.

Нажралась смерть орѣхами.

— Вези, — кричить костлявая, — прокати ме-
ня, солдатъ, по дубравушкѣ!

И залопотала что-то по своему, пѣсню что ли
смертную.

Пѣсня-то пѣсней, пускай себѣ, да трудно съ такой
ношей, а крѣпится — повелѣнное надо исполнить.

Пріостановился солдатъ, вытащилъ изъ-за голени-
ща кисетъ, закурилъ.

Увидала смерть:

— Солдатъ, дай и мнѣ покурить.

Солдатъ ей кисетъ — развязалъ.

— Полѣзай, — говорить, — кури, сколько
хочешь.

Извѣстно, смерть въ чемъ-въ-чемъ, а на счетъ та-
баку плохо, и что и къ чему, ничего тутъ не понимаетъ.

Смерть и юркъ въ кисетъ.

А солдатъ, не будь дуракъ, закрутилъ кисетъ, да за
голенище.

И ужъ налегкѣ пошелъ опять къ небеснымъ воро-
тамъ, сталъ на часы, какъ ни въ чемъ не бывало.

И идетъ тотъ самый человѣкъ, такой чудный.

Увидѣлъ солдата.

— А смерть гдѣ?

— Со мной.

— Гдѣ?

— Да за голенищемъ.

— А ну, покажи!

Солдатъ мнется:

выскочить смерть изъ кисета, засядеть
на закорки и опять носи ее.

— Покажи, я тебя прощаю.

Солдатъ вытащилъ кисеть, развязалъ.

А смерть —

у! такъ и скокнула на него, да прямо
на плечи.

— У! солдатикъ!

И повелѣлъ Богъ смерти уморить солдата.

Соскочила смерть на землю.

— Ну, солдатъ, слышалъ?

— Слышалъ, такая воля Божья. Стало быть,
помирать.

Тутъ его смерть и уморила.

СКОМОРОХЪ

СКОМОРОХЪ

Царствовалъ царь на царствѣ, на ровномъ мѣстѣ,
какъ сыръ на скатерти. Охотникъ былъ царь сказокъ
послушать.

И далъ царь по царству указъ, чтобы сказку сказали,
которой никто не слыхивалъ:

„За то, кто скажетъ, полцарства отдамъ и царевну!“
Полцарства и царевну!

Да эта́кой сказки сказать никто не находится.

А былъ у царя ухарѣцъ — большой скоморохъ, —
плохи были дѣла, стали гнать скомороховъ! — и си-
дѣль скоморохъ съ голытьбой въ кабакѣ.

Сидѣль скоморохъ въ кабакѣ, кресть пропивалъ.

— Что жъ, Лексѣй, — говорять скомороху, —
или не хочешь на царской дочкѣ жениться? — поды-
мають на смѣхъ, гогочутъ.

Подзадорили скомороха царской наградой:

была не была, хоть въ шубѣ на рыбьемъ
мѣху, да ужъ въ пору ему царю сказку
сказывать.

Приходитъ изъ кабака скоморохъ къ царю во дворецъ,

— Ваше царское величество! Изволь меня напоить, накормить, я вамъ буду сказки сказывать.

Всполошились царскіе слуги, собрались всѣ малюты скурлатые, вышла и царская дочь — Лисава, царевна прекрасная.

Накормили скомороха, напоили, посадили на стуль.

— Сказывай, слушаю, — сказалъ царь.

И стала скоморохъ сказки сказывать.

а какъ былъ у меня батюшка —
богатаго живота человѣкъ;
онъ состроилъ себѣ домъ,
тамъ голуби по крышѣ ходили,
сь неба звѣзды клевали;
у дома былъ дворъ —
отъ воротъ до воротъ
лѣтомъ меженнымъ днемъ,
голубь не могъ перелетывать —

— Слыхали ли этакую сказку?

— Нѣтъ, не слыхалъ, — сказалъ царь.

— Не слыхали! — гаркнули скурлатые.

Потупилась царевна Лисава прекрасная.

— Ну, такъ это не сказка, а присказка: сказка будетъ завтра, по вечеру.

Всталъ скоморохъ и ушелъ.

День не видали скомороха на улицѣ, не сидѣлъ скоморохъ въ кабакѣ.

Вечеромъ явился къ царю.

— Ваше царское величество! Изволь меня напоить, накормить, я вамъ буду сказки сказывать.

И опять собрались всѣ скурлатые, вышла и царевна, Лисава прекрасная.

Накормили скомороха, напоили, посадили на стулъ.

— Сказывай, слушаю, — сказалъ царь.

И стала скоморохъ сказки сказывать.

а какъ былъ у меня батюшка —
богатаго живота человѣкъ;
онъ состроилъ себѣ домъ,
тамъ голуби по крышѣ ходили,
съ неба звѣзды клевали;
у дома былъ дворъ —
отъ воротъ до воротъ
лѣтомъ меженнымъ днемъ
голубь не могъ перелетывать;
и на этомъ дворѣ
былъ вырошенъ быкъ:
на одномъ рогу сидѣлъ пастухъ,
на другомъ — другой,
въ трубы трубятъ
и въ роги играютъ,
а другъ другу лица не видно
и голоса не слышно —

— Слыхали вы такую сказку?

— Нѣть не слыхалъ, — сказалъ царь.

— Не слыхали! — гаркнули скурлатые.

Вспыхнула царевна Лисава прекрасная.

— Ну, и это не самая сказка, завтра будетъ настоящая!

Шапку взялъ да и за дверь.

Видить царь, человѣкъ непутный, не полцарства жаль, жаль царевну Лисаву, и говорить своимъ слугамъ:

— Что мои, вѣрные слуги, малюты, а скажемъ, что сказку слыхали, и подпишемте.

— Слыхали, подпишемъ! — зашипѣли скурлаты.

Тутъ царскій писчикъ столбецъ настрочилъ, скрѣпилъ, и всѣ подписались,

что слыхана сказка, всѣ ее слышали.

Тѣмъ дѣло и кончилось.

★

Съ утра сидѣлъ скоморохъ въ кабакѣ, пить не пилъ, пьянъ безъ вина.

— Что жъ, Лексѣй, — подзадаривала голь, — полцарства и царскую дочь?

— Не допустять! — каркала кабацкая голь.

Въ третий разъ третьимъ вечеромъ приходитъ скоморохъ къ царю.

— Ваше царское величество! Изволь меня напоить-накормить, я вамъ буду сказки сказывать.

А ужъ скурлаты на своихъ мѣстахъ, задрали носъ, брюхо выпятили:

такъ и дадутъ они скомороху полцарства и царскую дочь, — хитеръ скоморохъ, скурлать вдвое хитрѣй.

Вышла и царская дочь Лисава, царевна прекрасная.

Накормили скомороха, напоили, посадили на стуль.

— Сказывай, слушаю, — сказалъ царь.

И сталъ скоморохъ сказки сказывать.

★

А какъ былъ у меня батюшка —
богатаго живота человѣкъ;
Онъ состроилъ себѣ домъ,
тамъ голуби по крышѣ ходили,
съ неба звѣзды клевали;
у дома былъ дворъ —
отъ воротъ до воротъ
лѣтомъ меженнымъ днемъ
голубь не могъ перелетывать;
и на этомъ дворѣ
былъ вырощенъ быкъ:
на одномъ рогу сидѣлъ пастухъ,
на другомъ — другой,
въ трубы трубятъ
и въ роги играютъ,
а другъ другу лица не видно
и голоса не слышно,
и была еще на дворѣ кобылица:
по три жеребятъ въ сутки носила,
все третьяковъ-трехгодовалыхъ.
и жилъ онъ въ ту пору весьма богато;
и ты, нашъ великий царь,
занялъ у него
сорокъ тысячи денегъ.

- Слыхали ли этаю сказку?
- Слыхалъ, — сказалъ царь.
- Слыхали! — гаркнули скурлатые.
- Слыхали? — сказалъ скоморохъ, — а, вѣдь,
царь до сихъ поръ денегъ мнѣ не отдаетъ!

И видитъ царь, дѣло нехорошее:
либо полцарства и царевну давай, либо
сорокъ тысячъ денегъ выкладывай.

И велить скурлатамъ денегъ сундукъ притащить.
Притащили скурлаты сундукъ.

— Нѣ, бери, — сказалъ царь, — твое золото.
Поклонился скоморохъ царю,
поклонился царевнѣ,
поклонился народу.
— Не надо мнѣ золота, не надо и царства,
дарю безъ отдарка!

И пошелъ въ кабакъ съ пѣснями.

А царевна, Лисава прекрасная стоить бѣла, что бѣзка бѣлая.

потихоньку, скоморохи, играйте,
потихоньку, веселые играйте,
у меня головушка болитъ,
у меня сердце щемитъ!

МЕДВѢДЧИКЪ

Шель медвѣдчикъ большой дорогой, вель медвѣдей.

Съ медвѣдями ходить трудно — медвѣдь такъ вѣль и смотрить, тоже поваляться охота въ теплой берлогѣ — берлога насладена медомъ! — вотъ и изволъ на скрипкѣ играть, отводи медвѣжью душу.

За Филипповъ постъ наголодался медвѣдчикъ, нахолдался.

Плохо нынче скомороху!

И то сказать: безъ скомороха праздникъ не въ праздникъ, а всякъ норовить лягнуть тебя побольнѣе, либо напьются, нажрутся, и скомороха не надо.

Застигнуль медвѣдчика вечеръ: куда ему съ медвѣдями, позднее время!

А стояль на дорогѣ постоялый дворъ богатый. Просить медвѣдчикъ хозяина пустить на ночлегъ.

А хозяинъ и слышать не хочетъ.

Прошелъ слухъ, будто ъездятъ по большимъ дорогамъ начальники, провѣряютъ передъ праздникомъ чистоту на дворахъ. И была хозяину грамотка подбро-

шена, что ночью нагрянетъ къ нему начальникъ для провѣрки.

Вотъ, хозяинъ кто бъ ни попросился, всѣмъ и отказывалъ.

— Я не пускаю не то что тебя съ твоими супостатами, я и извозчиковъ не пускаю: обѣщался нынѣшнее число самъ губернаторъ у меня быть.

А работникъ и говорить:

— Хозяинъ, — говорить, — отведу я ихъ въ баню: въ предмѣльникъ поставятъ медвѣдѣвъ, а сами въ банѣ.

Уперся хозяинъ: и то и другое и неудобно, и что губернаторскіе кони услышать медвѣжій запахъ, и будутъ пугаться.

А ужъ ночь охвагиваетъ, ночь — звѣзды, крѣпкій морозъ.

Просить медвѣдчикъ: медвѣдей ему жалко — звѣзды, какъ льдинки, горятъ, крѣпкій морозъ!

Ну, хозяинъ и согласился.

— Отведи ихъ въ баню съ медвѣдями, — сказалъ работнику, — да затвори покрѣпче, а ключи у себя держи, кто знаетъ!

Отвелъ работникъ медвѣдчика въ баню, заперъ ворота и сталъ съ хозяиномъ звонка слушать, гостей поджидать.

Остался медвѣдчикъ съ медвѣдями въ банѣ.

И тепло ему и медвѣдямъ тепло, да все неспокойно — и самъ не спить и медвѣди не спать:

Миша лапу сосеть, а медвѣдица Акулина ноздрями посвистываетъ.

Не мёртво, никакъ не уснуть: то Акулину погладить, то Мишу потреплеть.

О чемъ медвѣдица думала, невдомекъ медвѣдчику, только недобroe думала, губой пошлепывала, или чуяла недобroe, да сказать не могла?

Миша тотъ свое думалъ: пройтись бы ему на пчельню пчелокъ поломать! — охотникъ былъ до меда медвѣдь, лапу сосалъ.

Сталь медвѣдчикъ, потрогаль лапы, потрогаль медвѣжьи уши.

„Постой — подумалъ, прочитаю заговоръ, чтобы медвѣдей ножи не брали, кто знаетъ!“

— Мать-сыра-земля! — поклонился медвѣдчикъ Мишъ, поклонился Акулинъ.

матъ,-сыра-земля,
ты желѣзу матъ,
а ты, желѣзо,
поди въ свою матерь землю,
а ты, дерево,
поди въ свою матерь дерево,
а вы, перья,
подите въ свою матерь птицу,
а ты, птица,
полети въ небо,
а ты, клей,
побѣги въ рыбу,
а ты, рыба,
поплыви въ море,
а медвѣдю Мишъ,
медвѣдицѣ Акулинѣ
было бы просторно по всей землѣ!

желѣзо, укладъ, сталь, мѣдь,
на мѣдвѣдя Мишу,
на медвѣдицу Акулину,
не ходите,
воротитесь ушьми и боками!

какъ метелица
не можетъ летѣть прямо
и приставать близко
ко всякому дереву,
такъ бы всѣмъ вамъ не мочно
ни прямо, ни тяжко падать
на мѣдвѣдя Мишу,
на медвѣдицу Акулину!

какъ у мельницы
жернова вертятся,
такъ бы желѣзо, укладъ,
сталь и мѣдь
вертѣлись бы кругъ
мѣдвѣдя Миши,
мѣдвѣдицы Акулины,
а въ нихъ не попадали!

а тѣло бы медвѣжье
было неокровавлено,
душа не осквернена.

а будетъ мой приговоръ
крѣпокъ и дологъ.

И только что медвѣдчикъ заговоръ кончилъ, слышитъ, колокольчикъ у воротъ брякнулъ, — да все рѣзче и громче.

★ ★

Слышитъ работникъ, звонять у воротъ, поднялся.
И хозяинъ поднялся, тоже услышалъ.

— Бѣги, — говоритъ, — скорѣй, отворяй!

Работникъ къ воротамъ, отворилъ калитку посмотретьъ, а у воротъ люди — не такіе, онъ назадъ, калитку заперъ, да къ хозяину.

А ужъ разбойники давай сами бить и ломать, сорвали ворота, да въ домъ.

И сейчасъ же — овса, сѣна конямъ, а себѣ вина и закуски.

Хозяинъ видить, дѣло-то плохо приходитъ, старается угодить гостямъ:

и вина и хлѣба-соли полонъ столъ наставилъ.

А имъ все мало, до денегъ добираются, вотъ куда мѣтятъ!

— Довольно, — говорятъ, — тебѣ, хозяинъ, копить, ужъ накопилъ достаточно!

Да за сундукъ и взялись.

Тутъ хозяинъ улучилъ минуту, пока молодцы изъ сундуковъ выбирали, да и пришепни работнику, чтобы въ баню сходилъ къ медвѣдчику:

помощи попросить медвѣдями.

Работникъ въ баню къ медвѣдчику, рассказалъ, какая бѣда у хозяина.

Мигнуль медвѣдчикъ Мишѣ, мигнуль Акулинѣ, вывель медвѣдей изъ бани къ дому, приказалъ имъ службу.

Акулина сердитѣй и сильнѣе Миши, — вельъ ей медвѣдчикъ въ домъ итти и управляться, насколько есть мочи, —

да чтобы маху не давала.

А Мишѣ приказалъ въ сѣняхъ ждать.

— Случаемъ тронутся утекать молодцы, — сказалъ медвѣдчикъ, — маклашку давать имъ немилосердную!

Поклонились медвѣди медвѣдчику:

рады, дескать, приказаніе исполнить!

Сталь Миша въ сѣняхъ.

Поднялась на заднія лапы медвѣдица и пошла въ домъ.

А разбойники деньги всѣ обобрали, и опять стали гулять, ужъ въ дорогу пили и закусывали.

Да какъ посмотрѣли на это чудовище — космато, велико, голова, что квашня! — отъ страха такъ и ужаснулись,

Ну, Акулина не робкая, не заробѣла, давай ихъ ломать во всѣ свои силы —

кому руку прочь, кому ногу прочь, кому черепанку взлупила.

Разбойники за ножи, а ножъ не береть —

погнулись въ кольцо ножи, невредима медвѣдица.

Видять, не сладить и давай уходитъ.

А Миша въ дверяхъ.

И кто въ сѣни выскочить, такъ тутъ и паль.

Такъ перебили медвѣди всѣхъ до единаго, а было всѣхъ двѣнадцать молодцовъ, двѣнадцать разбойниковъ.

— Собакамъ собачья честь! — сказалъ хозяинъ, забралъ себѣ двѣнадцать разбойничихъ коней и до утра чистилъ и прибиралъ съ работникомъ домъ и дворъ.

А медвѣдчикъ, чуть свѣтъ, въ путь пошелъ, повель медвѣдей.

До звѣзды ему надо добраться до города, пристать къ колядовщикамъ.

Безъ скомороха, безъ медвѣдчика и праздникъ не въ праздникъ, и пиръ не въ пиръ, коляда — не настоящая.

ВАВИЛА

Вздумалъ одинъ человѣкъ на старости лѣтъ Богу потрудиться, поселился въ лѣсу и сталъ жить одинъ въ своей кельѣ, какъ пустынникъ.

А оставались у него на возрастѣ дѣти, — отца почитали.

Вотъ навезутъ они въ лѣсъ ему всякихъ разныхъ закусокъ, рыбъ всякихъ копченыхъ, икорки и селедокъ, ну ничего ему и не надо, — помолится, поѣсть и спать.

Такъ мирно шли дни безъ грѣха и соблазна въ пустынѣ.

Разъ наѣлся пустынникъ соленыхъ копчушекъ, прохладился чайкомъ, вышелъ изъ кельи, прилегъ на завалинку, и спить.

Идетъ мимо старишокъ.

— Миръ твоему кормному борову лежать!

— Я пустынникъ, я Богу тружусь!

— Богу тружусь! — смотрить старишокъ, наѣвшись, напьевшись, да спиши, экій трудъ! А ты въ городъ иди, тамъ есть Вавило скоморохъ, коли его трудъ перенесешь, будеть толкъ, въ царствіе небесное угодиши.

— А какимъ онъ, дѣдушка, трудомъ трудится?

— Да ужъ какъ сказать какимъ, только слышно про него, колоколъ далеко звонить.

И пошелъ старишокъ.

А пустынникъ и раздумался.

И вправду, какой его трудъ: поѣсть, попить и спать! — но какой же долженъ быть тотъ скоморошій трудъ, чтобы толкъ былъ, въ царствіе небесное попасть?

Бросилъ пустынникъ свою келью и пошелъ въ городъ —

скомороха Вавилу искать, потрудиться его трудомъ.

И не долго по улицамъ плуталъ, живо ему дорогу показали.

И удивился пустынникъ: кого онъ ни спрашивалъ о скоморохѣ, всѣ ему сердечно отвѣчали, — и не потому, чтобы самъ онъ располагалъ къ добруму отвѣту, а потому, что спрашивалъ о скоморошикѣ, какъ величали Вавилу люди, словно ужъ въ самомъ имени въ скоморошьемъ было что-то и пріятное и доброе людямъ.

Подошелъ пустынникъ подъ скоморошье окошко.

А у скомороха были двѣ женки — родныя сестры, стерегли Вавилу.

— Здѣсь Вавило скоморохъ?

— Здѣсь.

Женки впустили пустынника въ домъ.

— Гдѣ скоморошикъ?

— На игрищахъ играеть.

— На какихъ?

— Да у губернатора, тамъ скачетъ и пляшетъ.

— А скоро придетъ?

— Придеть, какъ первые кочета споютъ, либо привезутъ.

Присѣль пустынникъ, ждеть скомороха.

Ждать пождать, стало ко сну клонить, а скомороха все нѣть.

Первые пѣтухи пропѣли, пришелъ домой Вавило.

— Чей это старичокъ? — спрашиваетъ у своихъ женокъ.

— Тружельникъ изъ лѣсу.

Пустынникъ къ скомороху, рассказалъ Вавилѣ, какъ одинъ старичокъ прохожій наставилъ его итти въ городъ, отыскать скомороха и потрудиться скоморошьимъ трудомъ.

— Эхъ, дѣдушка, какой мой трудъ! Я только скачу да пляшу, огонь да гвозди глотаю, вотъ и весь трудъ.

— А хочу тебя спросить, скоморошикъ, какую ты пишу Ѹшь?

— Моя пища: сухая крома, да пустая вода. Вотъ мои женки поять, кормятъ меня и на постелю кладутъ.

— Я хочу, Вавило, твой трудъ понести.

Размѣялся скоморохъ.

— Не доведется это тебѣ: тяжелъ. Посмотрите, какой я тощій, и этакъ и такъ перевьюсь. Нѣть, дѣдушка, безъ привычки надорвешься.

Вотъ утромъ рано прѣѣзжаетъ человѣкъ за скоморохомъ.

— Дома скоморошикъ?

- Дома.
- Пожалуйте къ Овошину на именины.
- Ступай себѣ. Пѣшкомъ приду, только умоюсь.

Разбудилъ скоморохъ пустынника-гостя.

Сѣли завтракать: женки скоморошы дали имъ по куску хлѣба.

- Ну, другъ, пойдемъ, на именины.
- Пойдемъ, Вавило, а какой тамъ твой трудъ будетъ?
- Пустяки, только сапоги надѣть.
- И я твои сапоги надѣну.
- Что-жъ, попробуй.

Захватили съ собой сапоги, отправились къ Овошину на именины.

Не велики сапоги скоморошы, а легки, что лапотки самые малые. Вавило обулся и ну скакать и плясать.

А пустынникъ, какъ влѣзъ въ нихъ, такъ и почувствовалъ — тамъ были гвозди вершковые понатыканы.

И проголодался, а съ мѣста сойти не можетъ: гдѣ посадили на стуль, тамъ и сидѣлъ.

Вавилѣ привычно, — скакеть и пляшеть.

И до пѣтуховъ скакалъ скоморохъ и плясалъ.

- Пойдемъ, братъ тружельникъ, домой.

Старикъ чуть не плачетъ.

Кое-какъ поднялся, но и полпути не прошелъ, ноги итти отказываются, и пятки больно.

Вавило попросилъ человѣка довезти старика до двора. И поѣхали.

Прїѣхали въ скоморошій домъ.

— Ну, что, дѣдушка, хорошъ мой трудъ?

— Хорошъ, скоморошикъ, очень хорошъ.

— А ты?

Старикъ снялъ сапоги, —

а сапоги полны крови.

— Попытаю еще, какой твой трудъ есть, —
сказалъ старикъ, — переночую ночь.

Сѣли ужинать. Дали имъ жонки сухую крому,
да теплой водицы,

позаправились — краюшка-то не больно
сытна, да дѣлать нечего.

Ну, женки, спать хочу, положите меня на
постель!

А постель у скомороха въ сѣняхъ стояла, на воль-
номъ воздухѣ.

Взяли его женки за руки, за ноги, раскачали да
на кровать и шваркнули.

Старикъ — за столомъ, видить, что дѣлается, и
и говорить скоморошьимъ женамъ:

— Надо и мнѣ этакій трудъ понести.

Женки его за руки, за ноги да къ Вавилѣ на по-
стель и кинули.

И впіялись въ него гвозди лютѣй сапожныхъ.

И лежалъ старикъ, какъ камень, ночь-то.

До свѣту пріѣхали за скоморохомъ, зовутъ на
крестины.

Легко поднялся скоморохъ, а старикъ ни рукой,
ни ногой пошевельнуть боиться.

Позвалъ Вавило женокъ.

— Сымите, — говорить, — тружельника съ
моей постели.

Женки взяли старика подъ руки и привели въ комнату.

- Что, дѣдушка, пойдемъ со мной?
- Нѣту, скоморошикъ.
- Что такъ?
- Не могу. Великъ твой трудъ, Вавило! Тебѣ велѣль Господь снестъ и неси, а я не могу. Чую, не дойти до двора къ дѣтямъ. Прощай, скоморошикъ.
- Прощай! А коли хочешь, иди со мной.

Старикъ ушелъ.

Старикъ видѣлъ трудъ и самъ потрудился.

Теперь не надо ему и лѣсной его кельи, какъ-нибудь тихонько проживеть онъ съ дѣтьми, ему и жить-то осталось немного.

А скоморохъ скакаль и плясалъ:

день скакаль на именинахъ, другой — на крестинахъ, третій — на свадьбѣ, четвертый — такъ, людямъ на развлеченье.

Выдался свободный денекъ, сидѣлъ скоморохъ у кума въ гостяхъ, чесаль языкомъ, прибаутки сыпалъ. Вдругъ всполошился, кумъ.

- Вавило, — говорить, — за твоей душой пришли.
- Кто?
- Святы ангелы.
- Какіе ангелы?
- Нѣть, ступай Вавило. Прощай скоморошикъ!

Дѣлать нечего, простился скоморохъ съ пріятелемъ и пошелъ домой.

А дома видить: ужъ гробъ стоитъ и женки ревутъ.

- Ложись, скоморохъ, — ревутъ, — въ гробъ!

Легъ.

Лежитъ Вавило въ гробу.
Голубъ влетѣлъ.
— Ты голубъ?
— Голубъ.
— Какой ты голубъ?
— Твой святой ангелъ. Тебя, скоморошикъ,
Богъ наградить!
Тутъ скоморохъ и покончился.

ТОВАРИЩИ

Гулялъ веселый по селамъ, пѣсни пѣлъ, міръ честной потѣшалъ.

И что бы гдѣ ни потерялось — все на него говорятъ.

А онъ и сномъ не знаетъ.

Стало ему за досаду, взялъ онъ свою скрипку и пошелъ, куда глаза глядятъ.

Попадаетъ ему встрѣчу волкъ.

— Куда, братъ веселый, идешь?

— А куда глаза глядятъ.

— Возьми, братъ, меня въ товарищи! Гдѣ бы тамъ овечка потеряется, либо украдетъ кто, все на волка: волкъ задавилъ! А я и сномъ не знаю.

И пошли въ товарищахъ:

волкъ да веселый.

Попадаетъ имъ медвѣдь.

— Куда, братцы, пошли?

— Куда глаза глядятъ.

— Чего такъ?

— Да такъ ужъ: чего ни потеряется, все на насъ валять.

— Ну, возьмите и меня съ собой. И про меня тоже: скотина гдѣ пропадетъ — медвѣдь задавилъ! А я и сномъ не знаю.

И пошли въ товарищахъ троє:

медвѣдь, волкъ да веселый.

Веселый на скрипкѣ играеть.

Медвѣдь лапу сосеть.

Волкъ зубы скалить.

— весело!

Шли они такъ шли, подходять къ озеринѣ.

И стояли тамъ мужики —

съ толокномъ ёдуть.

Испугались мужики, а кони пуще.

И такое поднялось, что буря.

Да кто куда, а воза — въ озерину.

Посылаеть веселый медвѣдя съ волкомъ хмѣль таскать въ озерину: дѣлать пиво.

Живо натаскали товарищи хмѣлю — и пиво готово.

Тутъ веселый поставилъ избушку окнами къ озеринѣ, сдѣлалъ мѣру —

пиво у нихъ чтобы не убывало.

И стали жить, поживать дружно.

Жили хорошо, и дружно:

ни волкъ медвѣдя, ни медвѣдь волка не задирали, ну, а веселый — со всѣми ладилъ.

И былъ у нихъ зарокъ положенъ:
пива пока что не трогать, пускай понастоится!

Клялся медвѣдь лапой.
Волкъ — зубомъ.
Веселый — скрипкой.

А стало у нихъ пиво убывать.
Поглядять по утру по мѣрѣ:
пива мало, въ озеринѣ убываетъ много.
Не знаютъ, на кого и думать.

А я скажу: пронюхала Баба-Яга, что у товарищѣй пиво — озера, и повадилась ночью за пивомъ таскаться.

И положили товарищи караулъ держать.

Первая ночь волку досталась.
Сталъ волкъ въ сторонку, навострилъ свой зубъ волчій —
пиво караулить!

И только что полночь настала, идетъ Баба-Яга съ ведрами и прямо на волка.

— Ты куда?
— За пивомъ, тебѣ какое дѣло!

Да ведра съ коромысломъ и давай волка лупить коромысломъ.

Волкъ ужъ и непомнить, какъ уползъ въ избушку.
А Баба-Яга напилась пива, поддѣла полныя ведра и пошла себѣ, понесла домой пиво.

Товарищи по утру поднялись, а волк лежитъ.

— Эхъ, какъ нажрался пива-то, ни въ одномъ глазу!

— Айдайте-ка, сходите, узнайте, какъ пиво-то достается.

Едва отлежался волкъ — всѣ ребра ему Яга пересчитала.

Нѣтъ, напрасно только погрѣшили, онъ и сномъ не знаетъ про пиво.

Другая ночь — медвѣдёва.

Сталъ медвѣдь на караулъ.

Опять въ полночь приходить Баба-Яга.

— Ты чего тутъ?

А Яга ведра съ плечъ, да за коромысло, да коромысломъ по медвѣдю.

И ужъ медвѣдь по волчьему слѣду еле живъ попалъ въ избушку.

Напилась Яга пива, почерпнула полныя ведра и пошла себѣ домой съ пивомъ.

По утру поднялись товарищи, а медвѣдь въ лёжку лежитъ.

— Эка, съ пива-то что!

— Айдайте, сходите-ка сами, узнайте, какъ достается пиво-то.

Ужъ кое-какъ поднялся медвѣдь — всѣ печенки отбиты!

Нѣтъ, напрасно только погрѣшили, онъ и сномъ не знаетъ про пиво.

Третья ночь — идетъ въ караулъ веселый.

Онъ пошелъ со своей скрипкой, сталь къ соснѣ и ждетъ.

И ровно въ полночь подходитъ Баба-Яга.

— Что ты, веселый, дѣлаешь?

— А на скрипкѣ играю.

Сбросила Яга ведра, положила коромысло, слушала, слушала и давай уѣзживать —

такой плясь подняла, что буря.

— А какъ бы мнѣ, веселый, научиться на скрипкѣ играть?

— Что жъ, только у тебя, Яга, пальцы больно толсты.

— А что съ ними дѣлать?

— Потоньше сдѣлать.

— А сдѣлай.

— Вонъ видишь пенёкъ, а въ пенькѣ-то клинъ, видишь: клинъ вытащить, въ дыру-то пальцы заколотить, они и потоньшаться — можно ими тогда и на скрипкѣ играть.

— Ладно.

Ну, ладно, такъ ладно. Пошли они къ пеньку, вытащили клинъ, затолкалъ туда веселый ягиные пальцы.

Руки зажало у Яги, тутъ онъ ее и кончилъ.

Вернулся веселый въ избушку и рассказалъ товарищамъ, а тѣ свое — такъ все и открылось.

И съ той поры стали они сами пиво пить, другъ на друга перестали коситься.

В О Р Ы

В О Р Ы.

Жиль-былъ богатый мужикъ. У мужика былъ работникъ. Сысоемъ звали работника.

Разъ караулилъ Сысой коней и видить, огонекъ въ полѣ.

Замкнуль Сысой коней въ цѣпи, пошелъ на огонекъ.

Пришелъ къ огоньку, а тамъ сидятъ воры, пьютъ, гуляютъ.

Схватили Сысоя воры, при себѣ оставили.

А какъ прикончили все, всѣ запасы, потушили воры огонь да на деревню.

И Сысою тоже велѣли.

Вотъ приходятъ они къ амбару Сысоева хозяина, отвалили отъ фундамента камень, посылаютъ Сысоя:

— Полѣзай, — говорятъ, — ты, Сысой, принеси намъ, что есть тамъ.

Послушалъ Сысой, полѣзъ, вынесъ добро и хотѣлъ ужъ вылѣзать, а они говорятъ:

— Захвати, — говорятъ, — ты и на свой карманъ что.

Опять полѣзъ Сысой, а воры тѣмъ временемъ камень подвалили и ушли себѣ, — поминай какъ звали!

Что подѣлаешь? Взяль Сысой корзину муки, да съ мукой и сталъ у двери.

По утру рано закладалъ хозяинъ лошадей и говорить женѣ:

— Сходи, — говоритъ, — жена, въ амбаръ за свининой, да поджаръ.

Взяла баба ключи, пошла къ амбару.

Отперла амбаръ, а Сысой тутъ-какъ-тутъ:

хвать муки ей въ глаза, а самъ бѣжать.

Просидѣль Сысой день въ лѣсу, а какъ стемнѣло, вышелъ, и видитъ, огонекъ въ полѣ.

Сысой на огонекъ.

Пришелъ къ огоньку, а тамъ опять сидятъ воры, пьютъ, гуляютъ.

Схватили воры Сысоя, при себѣ оставили.

А какъ прикончили все, всѣ запасы, потушили огонь, да на деревню.

И Сысою тоже велѣли.

Вотъ приходять они къ амбару сестра Сысоева хозяина, отвалили отъ фундамента камень, посылаютъ Сысоя:

— Полѣзай, — говорятъ, — ты, Сысой, принеси намъ, что есть тамъ.

Послушалъ Сысой, полѣзъ.

А въ амбарѣ-то покойникъ и много всего для похоронъ приготовлено.

Все вынесъ Сысой и хотѣлъ ужъ вылѣзать, а они говорятъ;

— Захвати, — говорятъ, — ты и на свой карманъ что.

И не успѣлъ Сысой обернуться, подвалили воры камень, и остался Сысой въ амбарѣ одинъ съ покойникомъ.

Думалъ, думалъ Сысой, какъ быть, и надумалъ: взялъ покойника, обхватилъ его и сталъ съ нимъ въ дверяхъ.

На утро, чуть свѣтъ, идеть хозяйка, да молитву читаетъ:

— Господи Іисусе...

А Сысой тутъ-какъ-тутъ:

какъ на бабу покойника кинеть.

— Впередъ не суйся!

Да драла въ лѣсъ.

Тутъ баба съ перепугу такъ подъ покойникомъ замертво и пала.

Присидѣлъ Сысой день въ лѣсу, а какъ стемнѣло, вышелъ и видѣть, огонекъ въ полѣ.

Сысой на огонекъ.

Пришелъ къ огоньку, а тамъ сидять воры, пьють, гуляютъ.

А одинъ воръ ушелъ было за дровами, кричить:

— Эй, ребята, вонь тотъ самый нашъ!

Схватили воры Сысоя, при себѣ оставили.

Пьють-гуляютъ.

А была у нихъ пустая бочка. Взяли они Сысоя и забили въ эту самую бочку, а сами, какъ прикончили все, всѣ запасы, потушили огонь и ушли себѣ по добру, по здорову.

Ну и натерпѣлся Сысой страховъ, въ бочкѣ-то сидючи —

ни живъ, ни мертвъ, и голова отъ виннаго духа, что вареная картошка, того и гляди, разсыплется.

И приходитъ волкъ къ бочкѣ гладать кости, а Сысой — со смѣткой, давай, ковырять въ бочкѣ дырку.

Проковырять Сысой дырку — цапъ за хвостъ волка.
Волкъ съ перепугу къ березѣ.

Трахъ бочку о березу — и разлетѣлась бочка на мелкіе куски.

Тутъ Сысой лежать и остался, да такъ до сей поры и лежитъ — не почешешься!

РАЗБОЙНИКИ

Жиль-былъ человѣкъ тихій и работящій. Иѣба его стояла на пустомъ мѣстѣ, и кругомъ на много верстъ жилья никакого. У Никиты было два сына, — въ зыбкѣ и годовой, да дочь трехъ лѣтъ дѣвчонка.

Какъ-то Никита, поужинавъ, какъ спать ложиться, говорить хозяйкѣ:

— Я завтра, Аграфена, помру, положи меня подъ образа и трое сутокъ кади.

Ночь проспалъ Никита хорошо, ни на что не жаловался, а къ утру, смотрять, чуть теплый — померъ.

Аграфена сейчасъ его подъ образа на лавку и кадить принялась.

Двое сутокъ кадила, а на третыи запамятали:
и то сдѣлай, и другое, — съ ребятами и
не то забудешь, да и подумать надо, нынче
и птица думаетъ!

Ходить дѣвчонка по избѣ, говорить матери:

— Маменька, отецъ-то ожилъ, сѣлъ.
— Что ты, глупая, сѣлъ! Померъ, вѣдь.

А сама въ горницу —

тамъ сидить Никита на лавкѣ, зубы брускомъ точить.

Схватила Аграфена дѣвчонку, да скорѣе на печку, окрестилась.

Сидѣть на печкѣ, не пикнуть.

Наточилъ Никита зубы, всталъ съ лавки и прямо къ зыбкѣ.

Ухватилъ ребенка, — съѣлъ.

Поймалъ другого, — по полу ползаль, и того съѣлъ.

Схватилъ изъ зыбки пеленки, — и пеленки съѣлъ.

Сталъ печь грызть.

— Господи! — замолилась Аграфена угодникамъ, принеси какого крещенаго, спаси!

И отворились тутъ двери, входитъ — поднялъ копье, ударили копьемъ по головѣ мертвѣца.

— Провались ты сквозь полъ, сквозь землю въ предвѣчную муку, окаянный!

Мертвѣцъ присѣлъ, — только зубомъ скрипнулъ и провалился.

А святой пастырь пошелъ изъ избы.

Аграфена-то думала, простой человѣкъ, и ну кликать.

Не откликается.

И напаль на нее страхъ, думаетъ:

придетъ Никита, съѣсть!

Слѣзла Аграфена съ печки да съ дѣвчонкой бѣжать.

До розстаней добѣжала, передохнула.

Пошли лѣсомъ.

Долго шли они лѣсомъ и видятъ:

идутъ навстрѣчу старичокъ да старуха, кланяются низко.

— Заходите, — говорятъ, — къ намъ пообѣдать.

Аграфена сначала на попятный: чего-то все страхъ береть.

А потомъ согласилась, — голодъ-то не тетка, согласишься! да и старишокъ да старуха очень ужъ ласковые.

Привели ихъ старишки въ домъ.

Домъ на столбахъ стоитъ, высокій, преогромный.

Посадили ихъ за столъ, щей налили, бѣлаго хлѣба принесли, говядину.

Смотрить Аграфена: человѣчъ руки и ноги вареные въ мискѣ, — и не стала ъсть.

Думаетъ себѣ:

попали къ разбойникамъ!

Дѣвчонка ъсть, — очень проголодалась.

— Отдыхайте, — говорять, — съ дороги, съ пути, вамъ будетъ тепленько!

Да горницу и заперли.

Уложила Аграфена дѣвчонку, сама спать не можетъ, все слушаетъ.

Разметалась дѣвчонка, спить сладко.

Вотъ вечеръ сталъ.

И понадѣхало народу — шумъ, громъ, хлопотня, говоръ, — сорокъ воровъ, сорокъ разбойниковъ, сорокъ подорожниковъ.

Одинъ хвастаетъ, что убилъ столькихъ-то, другой хвастаетъ, что ограбилъ столькихъ-то, — всѣ хвастаютъ, всѣ дѣловъ надѣлали.

— Мы и никуда не ходили, не ъздили, а двѣ тетерки къ намъ сами прилетѣли! — говорятъ старишокъ да старуха, смѣются, старые, хихикаютъ.

Тутъ разбойники повскакали:

всѣмъ охота тетерокъ посмотретьъ.

А старишокъ со старухой шасть въ горницу.

Нащупали дѣвчонку, схватили и потащили дѣвчонку въ кухню, люлюкаютъ, старые.

Топится въ кухнѣ печка и чугунъ кипитъ. Въ чугунъ и пихнули дѣвчонку.

Закричала дѣвчонка по худому и недолго кричала, умертвилась.

Вынесли ее старики на тарелкѣ, — стали ужинать.

Пили, ъли, похваливали.

Наѣлись до сыта и спать улеглись.

Вотъ какъ спать улеглись, да захрапѣль весь домъ, поднялась Аграфена, схватилась за желѣзныя рамы, выломала рамы, спустилась на землю, и ужъ не помнить, какъ шла.

На утро пришла Аграфена въ городъ, заявила будочнику.

Будочникъ Аграфену на извозчика и въ самую главную часть, и тамъ сдалъ ее самому ихъ главному будочнику.

Аграфена и этому все рассказала.

— Не врешь ли? — усумнился главный, нынче вельно строго: прямо безъ всякихъ разговоровъ подкатимъ бочку пороха подъ разбойный домъ, зажжемъ порохъ и разлетится домъ на пять частей огнемъ и пылью, и пеплу не останется.

Отпустиль главный будочникъ Аграфену на всѣ четыре стороны съ миромъ.

Снарядились будочники всѣ, сколько было изъ всѣхъ пяти частей, и поскакали по горячему слѣду на то мѣсто, гдѣ жили старичокъ со старухой.

Подступили они къ разбойному дому.

Выкатили бочку.

И ужъ спичку чиркнули, чтобы порохъ зажечь, да разбойники какъ посыпать изъ оконъ золото.

Да такъ дождемъ все кругомъ и засыпали.

И вернулись будочники къ себѣ въ городъ во всѣ свои пять частей, безъ разбойниковъ.

И слѣдовъ разбойничьихъ никакихъ не осталось, да и гдѣ ихъ отыщешь подъ золотомъ! — чисто.

ЖУЛИКИ

Ходилъ воръ Васька по Петербургу:
было ему на роду написано и Богомъ ука-
зано воровать.

Началъ Васька сызмала и хорошо ему воровство
далось, развернулся и пошелъ во всю:
гдѣ лавку пошаритъ, гдѣ магазинъ почи-
стить, и капиталами не брезговалъ.

Ваську Немѣняева всѣ сыщики уважали.

Идетъ Васька по Милліонной, несутъ покойника.

А за гробомъ человѣкъ десять молодцовъ съ ду-
бинами, бьють въ гробу покойника.

— Чѣто такое, за чѣто бьете? остановилъ Васька.

Долженъ много, за то его такъ и прово-
жаютъ, — отвѣтили вору.

— Оставьте, — сказалъ Васька, — не троньте
покойника, я за все заплачу.

Обратилъ народъ вниманіе, бросили дубинки, пошли
за Васькой.

И всѣхъ до одного расчиталъ Васька, какъ слѣ-
дуетъ, — публика осталась довольна.

Сидить Васька у себя на Фонтанкѣ, пьетъ вино бокаль за бокаломъ.

Пьеть Васька, попиваетъ и не замѣтилъ, какъ усидѣлъ четверть, — и хоть бы что, ни въ одномъ глазѣ: крѣпкій.

Хозяйка докладъ дѣлаетъ: человѣкъ какой-то спрашиваетъ, видѣть вора хочетъ.

Велѣлъ Васька пустить гостя.

А тотъ, какъ сталъ на порогѣ, такъ и стоитъ, зяблый, щербатый такой, въ драномъ сѣромъ кафтанишкѣ, не садится.

— Нельзя ли, — говоритъ, — мнѣ ночевать, ночлегу нѣту.

— Чей и откуда? спрашиваетъ Васька.

Мы деревенскій воръ Ванька, воровать въ деревнѣ нечего, въ Петербургѣ пришли, гдѣ денегъ больше.

А мы городской воръ Васька Немѣняевъ.

Ну, воръ на вора не доказчикъ, признались, выпили и стали другъ съ другомъ тайный совѣтъ держать: куда воровать итти.

А чѣо тебѣ тутъ знакомо? — спросилъ деревенскій воръ Ванька пріятеля Ваську.

Васька и давай ему разсказывать: у такого-то купца денегъ много, а у этакого еще болѣ, въ одномъ мѣстѣ еще больше, а въ этакомъ и счетъ потеряешь, перебраль купцовъ со всѣхъ улицъ, и съ Сѣнной и съ Гостиная, и апраксинскихъ и александровскихъ.

— Не годится купца обижать, — говоритъ Ванька, а лучше вотъ чѣо: пойдемъ-ка въ царскій банкъ, возьмемъ денегъ, сколько надо.

Поднялись воры спозаранку, наняли чухонскую телѣгу и поѣхали, пока что, съ похмѣлья поразмѣться.

Бхали почтовымъ трактомъ, выбирали, гдѣ пристать лучше.

За Озерками выпрягли воры лошадь, сами сѣли подъ елку, развели огонекъ, закусили и сидять себѣ о воровскомъ дѣлѣ разсуждаютъ.

И вдругъ, какъ зарычить надъ ними съ елки — птица — попугай-птица!

Васька — за лукъ:

натягиваетъ тугой лукъ, полагаетъ калену стрѣлу, пускаетъ въ птицу.

Не упала птица съ елки, обронила желѣзны ключи.

— Ключи намъ и нужны, — подхватилъ ключи Ванька, а ты намъ вовсе не нужна, лети, куда знаешь

Вечеромъ вернулись воры съ находкой на Фонтанку, поужинали и — на работу.

★ ★

Въ полночь приходятъ воры къ царскому банку: у калитки крѣпкій караулъ дежурить.

— Нельзя ли отворить калитку! — подступилъ къ караулу Ванька.

А стражи человѣкъ двадцать и на всякаго по ста рублей просятъ.

Выдалъ Ванька деньги.

Отворили калитку, впустили воровъ во дворъ, калитку опять заперли.

Обошли воры кругъ царскаго банка, кинули шаръ на крышу — расправилась изъ шара резиновая лѣстница.

Поднялись они по лѣстницѣ, взяль Ванька мѣлъ-камень, обкружилъ дыру на крышѣ — и открылся ходъ.

— Ты подержи бечевку, а я спущусь, — сказалъ Ванька пріятелю и полѣзъ въ банкъ.

И въ банкѣ Ванька недолго копошился, отперъ попугайны мъ ключемъ шкапъ, забралъ денегъ, сколько вѣзло, и опять на крышу.

Мѣль на крышѣ стеръ — срослась по старому крыша чисто.

И стали спускаться.

Спустились воры на земль, свернули лѣстницу въ шаръ, да къ калиткѣ.

Пропустила ихъ стража.

И пошли они себѣ на Фонтанку, дѣлить деньги.

Васька и говоритъ:

Въ Петербургѣ я воръ первый и всѣ сыщики меня уважаютъ, только до этакого дѣла я своимъ умомъ не дошелъ бы.

— Пойдемъ завтра, царь банкъ пополнить, — сказалъ Ванька.

И опять снарядились воры на работу. Опять въ полночь приходятъ они къ царскому банку.

А страже уже другая, ту царь смѣнилъ, хитрая, не сдается.

Безъ того, говорятъ, — мы васъ непустимъ, по двѣсти рублей надо.

Выдалъ Ванька деньги.

Отворили калитку, впустили воровъ во дворъ, калитку опять заперли.

Обошли воры кругъ царскаго банка, кинули шаръ на крышу — расправилась изъ шара резиновая лѣстница.

Поднялись они по лѣстницѣ, омѣлилъ Ванька кругъ на крышѣ и открылся ходъ.

Вчера я, сегодня ты иди, — сказалъ Ванька и сталъ спускать пріятеля на бечевкѣ въ банкъ.

А ужъ тамъ догадались и приготовленъ быль чанъ съ варомъ.

Ванька бечевку ослабилъ, Васька туда и попалъ въ этотъ варъ.

И сидить по плечи въ вару, никакъ высвободиться не можетъ.

Видитъ Ванька, дѣло плохо, прикрѣпилъ бечевку, полѣзъ за Васькой.

И такъ, и сякъ, и туда повернетъ, и сюда повернетъ, вертѣль, вертѣль, — не можетъ снять пріятеля.

Взялъ да и снесъ ему голову.

Да съ головою на крышу, мѣль стеръ, бросиль лѣстницу на земль, спустился.

Отворила стражка калитку, вышелъ Ванька на улицу и прямо на Фонтанку къ Васькиной хоziйкѣ.

Схонулась Маруха:

— Гдѣ, — говоритъ, — мой воръ, Васька Немѣняевъ?

— Голова его тутъ, а его самого нѣту, поминай какъ звали! — отвѣтилъ Ванька.

Досталъ у Марухи Ванька банку съ вареньемъ, умялъ варенье, Васькину голову въ середку всунулъ, завязалъ банку, поставилъ банку въ уголокъ подъ образа для сохранности и сталъ ждать, что будетъ.

А въ царскомъ банкѣ о ту пору поднялась тревога: пошелъ царь банкѣ провѣрять и видѣть, въ чану съ варомъ, около шкапа, тулово торчить при часахъ и цѣпочкѣ,

Взяло царя раздумье:

„Что это за воръ — одно туло́во при часахъ и цѣпочкѣ?“

И велить царь привести къ себѣ старого вора — сидѣлъ на Выборгской въ Крестахъ старый воръ Самоваровъ.

Привели Самоварова къ царю изъ тюрьмы.

Царь говорить Самоварову:

— Что, старый воръ, стариинный, можешь ты знать, кто ограбилъ банкъ?

— Былъ воръ не простой, — отвѣтилъ старикъ, — былъ воръ деревенскій. Городской воръ глупый, онъ и въ варъ попалъ, — его туло́во.

— А какъ бы деревенского вора найти? — спрашиваетъ царь.

— Деревенскій воръ въ Петербургѣ, — учить старый воръ Самоваровъ, — если онъ украдъ деньги, унесъ онъ и голову, унесъ голову, унесеть и туло́во, Вези ты чанъ на пло́щадь, прикажи двѣнадцати генераламъ караулить туло́во, ловить деревенского вора.

Какъ сказаль старый воръ, такъ царь и сдѣлалъ.

Повезли туло́во на пло́щадь, погнали двѣнадцать генераловъ карауль держать, ловить деревенского вора.

Три дни стоитъ чанъ на Суворовской пло́щади, — въ чану туло́во при часахъ и цѣпочкѣ, кругъ чана генералы ходятъ, караулятъ туло́во.

Три дни Ванька околачивается на Суворовской — подступиться нѣтъ возможности.

На четвертый день догадался Ванька: покупаетъ Ванька бочку вина и прямикомъ на пло́щадь.

Подъѣхалъ онъ къ туло́ву да и сковырни бочку на земль, будто нечаянно.

Потекло вино, ореть Ванька:

— Пособите, товарищи, поднять, добро пропадеть!

Жаль добра, — генералы и давай подымать бочку, всъмъ міромъ понадсѣли, да съ Божей помощью и взвалили ее на телѣгу.

Крѣпко уморились.

Ванька отблагодарить хочетъ, цѣдить вина, потчуетъ генераловъ.

Сначала-то генералы отпирались, ну, а потомъ согласились, чтобы только подкрепиться и мужика не обидѣть.

Выпили они по одной — зашумѣло въ головѣ, просять по другой.

Ванька поднесъ по другой — загудѣло у нихъ въ головѣ, просить по третьей.

А ужъ послѣ третьей на разные голоса запѣли, вотъ какъ!

Ванька сейчасъ бочку на земь, чанъ съ туловою на телѣгу, да и былъ таковъ.

А пріятель-то Васька сильно облипъ весь, въ вару-то стоя, обмочалилось его тулово, на чемъ только часы и цѣпочка держатся, и узнать нельзя, — одна труха.

Пріѣхалъ Ванька на Фонтанку, вытащилъ тулово, будто тушу, омѣлилъ у тулова шею, вынуль изъ банки голову, приставилъ голову къ тулову.

И срослась голова по-старому.

Взялся Ванька за попугайные ключи, поднесъ къ Васькинымъ губамъ.

И ощерился Васька.

— Ну, — говоритъ, — чуть не захлебнлся, больно сладко.

Тутъ на радостяхъ Ванька пустился то да сё, и какъ Васька въ вару завязъ, и какъ на Суворовской площади три дня безъ головы своимъ туломъ народъ пугалъ и какъ потомъ все срослось по-старому.

За разсказомъ, за бесѣдою выпили.

Васька, знай, все облизывался.

За выпивкой задремали. И пошелъ храпъ на всю Фонтанку улицу.

А на площади, тѣмъ временемъ, поднялась треугола: поѣхалъ царь провѣрять караулы, смотрить, на площади лежать генералы влежку кругъ бочки, мертвѣцки пьяны, — нѣть ни чана, ни тулова.

Царь виѣ себѧ:

— Куда, — говоритъ, — дѣвалось тулово? На чѣ, — говоритъ, — вы поставлены: бочку съ виномъ стеречь? Гдѣ тулово? Подать сюда тулово!

Повскакали генералы, — а ноги-то ужъ не держать! — упали генералы царю въ ноги.

— Не вино нась винить, винить нась пьянство. Куда хочешь клади нась, а тулово съ варомъ потеряно, увезено съ площади, неизвѣстно кѣмъ!

Велѣль царь казнить гонераловъ. И опять потребовалъ къ себѣ съ Выборгской старого вора Самоварова.

Привели Самоварова изъ тюрьмы къ царю, поставили передъ царемъ.

— Ну, старый, — спрашиваетъ царь, — разсуди наше дѣло, какъ словить вора: прїѣзжалъ воръ на площадь, увезъ чанъ съ туломъ.

— А вотъ какъ, — учить старый воръ Самоваровъ, — обряди ты своего именного козла въ парчевую

одежду, да пошли за карауль твоихъ самыхъ вѣрныхъ тѣлохранителей и пускай они ведутъ козла на серебряной цѣпочкѣ по Петербургу: если воръ въ городѣ, обдеретъ онъ козла, какъ пить дасть.

Какъ сказалъ старый воръ, такъ царь и сдѣлалъ.

Обрядили въ парчу именного козла, повели козла царскіе тѣлохранители на серебряной цѣпочкѣ по Петербургу.

Ведутъ козла по Невскому, а воръ Ванька навстрѣчу, кланяется:

— Пожалуйте, — говоритъ, — ко мнѣ на Фонтанку, жена у меня Маруха именинница, охота ей именного козла посмотреть въ день ангела, глупая баба, осчастливьте, сдѣлайте милость!

„Ужъ не это ли самъ воръ деревенскій?“ — думаютъ себѣ тѣлохранители.

И повернули козла на Фонтанку, да съ козломъ къ Ванькѣ, будто въ гости.

А Ванька и говоритъ:

— Что это вы скотину-то понапрасну мучаете; поставьте-ка козла въ сарай, у насъ во дворѣ сарай теплый.

Упираются тѣлохранители: боятся козла изъ рукъ выпустить.

Да раздумались:

„Что, въ самомъ дѣлѣ, скотину понапрасну мучить, козла не убудеть, а воръ отъ насъ не уйдетъ, скотъ надо миловать!“

И поставили тѣлохранители козла въ сарай, сарай на замокъ замкнули, ключъ главному на эполету повѣсили.

Туть давай Ванька угощать гостей:

и подарки-то имъ подносить и виномъ-то
ихъ поить и словами улещаетъ.

А какъ размякли гости, оставилъ ихъ Ванька на
Ваську — пускай зубоскалять, — а самъ будто въ квасную
за папиросами.

И пока зубоскалилъ пріятель съ тѣлохранителями,
прибѣжалъ Ванька къ сараю, отперъ по пугайнымъ
ключемъ теплый сарай, ободралъ козла догола, при-
дущилъ козла да на кухню.

И подносить гостямъ на блюдѣ именную козлятину,
вареньемъ обложена:

— Покушайте, любезные гости, козлятины,
самая свѣжая!

Бдять гости именную козлятину, брусничнымъ ва-
реньемъ закусываютъ, а сами себѣ думаютъ:

„Ну, ужъ теперь вору не уйти отъ насъ, онъ самый
и есть воръ деревенскій, попался голубчикъ!“

Да на радостяхъ и приналегли на козлятину, да на
радостяхъ и расхвастались:

кто что, да кто какъ, и о всякихъ знакахъ
отличія.

Пришло время прощаться, расходиться пора, о
козлѣ они и не спрашиваютъ, вышли вонъ на улицу,
да на Ванькиныхъ воротахъ мѣломъ и написали:

Мы тутъ были, козлятину ъли.

А Ванька выждалъ немного, да за ними по ихъ
слѣду, письмо ихъ стеръ на воротахъ, да гдѣ попало,
въ мѣстахъ десяти, ту же надпись и написалъ:

Мы тутъ были, козлятину ъли.

А во дворцѣ, тѣмъ временемъ, поднялась тревога: явились къ царю тѣлохранители — козла нѣть.

Говорять тѣлохранители:

— Мы вора поймали! — и ну хвастать.

Царь сейчасъ въ коляску.

Выѣхалъ царь на Фонтанку.

Ѣдетъ царь по Фонтанкѣ, туда посмотритъ, сюда посмотритъ, — на одномъ домѣ надпись и на другомъ надпись и на третемъ и на десятомъ и все одно и то же мѣломъ написано:

Мы тутъ были козлятину ъли.

Повернуль царь коляску, махнулъ рукою:

— Козлятина, — говоритъ, — козлятина одна!

И пока тамъ новый караулъ снаряжали ловить деревенского вора, Ванька съ Васькой зря на Фонтанкѣ не торчали, глазъ не мозолили, а взяли чухонскую телѣгу, забрали золото, серебро и распостились съ Петербургомъ.

★ ★

Сталъ бѣлый, свѣтлый день, какъ прїѣхали воры къ морю.

Лошадь и телѣгу воры продали, купили пароходъ, сѣли на пароходъ и поплыли тихо и смирно въ иностранныя земли.

Прїѣзжаютъ воры къ иностранному королю Молокиту.

А у того короля Молокиты была дочь царевна Чайна-прекрасная.

И влюбился Васька въ Чайну-царевну. Посылаетъ Васька сватовъ къ королю.

Чайнѣ любѣ Васька, а король Молокита не хотѣть:

— Выстрой, — говорить, — русскую церковь въ трое сутокъ, тогда и бери Чайну, а не то голову долой.

А Васькѣ что: ему Ванька поможеть, Ванька къ этому дѣлу привыченъ, Ванька — деревенскій.

И взялся Васька въ трое сутокъ русскую церковь строить.

День Ванька строить — выше оконъ,

другой строить — вывелъ къ потолку,
на трети сутки накрыли всю крышу.

— Принимайте, соборъ готовъ, — говорить Васька королю Молокиту.

И точно, — видѣть король, соборъ построенъ, отъ слова не отпирается.

И при освященіи собора Ваську съ царевной и повѣнчали.

Велѣль король Молокита нагрузить имъ двѣнадцать кораблей, и съ дарами отправилъ ихъ въ море.

И пали имъ попутные вѣтры — пріятная погода.

Цѣлы и невредимы вернулись они въ Петербургъ.

Цѣлую недѣлю выгружали корабли, да недѣлю пиръ пировали.

Послѣ пира сталъ воръ Ванька прощаться съ пріятелемъ, а прощаюсь, раскрыль ему свою тайность: онъ и есть тотъ самый покойникъ, кото-
раго на Милліонной въ гробу дубинками били — воръ Ванька.

— Пожалѣль ты меня, выкупилъ, послужилъ и я тебѣ вѣрою, правдою и неизмѣною! — сказалъ воръ Ванька.

И пошелъ себѣ, ничего не взялъ, только попу-
гайные ключи да мѣлъ камень, а все золото,
серебро оставилъ пріятелю.

И остался Васька Немѣняевъ съ своей молодой
женой вдвоемъ безъ пріятеля, и стали жить по-хоро-
шему при всей обличности и удовольствiи.

СОБАЧИЙ ХВОСТЬ

Была такая деревня не мала, не велика — четыре двора.

Въ трехъ дворахъ жили мужики семейные съ женами да со скотомъ, а въ четвертомъ мужикъ одинъ — бобыль Зотъ.

Была у бобыля Зота лошадь, корова и собака.

И такъ себѣ бобыль — мужичонка ледацій, вида никакого, а чѣмъ-то вышелъ такимъ: уйдуть семейные куда, а онъ къ ихъ женамъ да такъ всѣмъ угождаетъ — изодрались изъ-за него бабы — кривыя ходять.

Примѣтили мужики, стали на бобыля дуться.

— И какъ это ты живешь, горемыка!.. мы себѣ промышляемъ-трудимся, а ты палецъ-о-палецъ не стукнешь, а все живешь?

— А вы что на меня глядите: я говорить умѣю!

И вправду, не обидѣлъ Богъ бобыля словомъ: такого говоруна въ Москвѣ не сыщешь, скотъ неразумный уши развѣсить, какъ пойдетъ, бывало, Зотъ языкомъ чесать.

Стакнулись мужики, убили у Зота кобылу.

И не на чемъ ужъ Зоту дровъ привезти.

— Какъ это ты живешь, — говорить, — у тебя и лошади нѣть?

— А вы что на меня глядите: я говорить умѣю!

Утромъ выйдеть Зотъ на крыльцо, будто провѣт-риться, а бабы ужъ по охапкѣ дровъ ему тащутъ.

Такъ и топить.

Стакнулись мужики, убили у Зота корову.

А Зоту чѣмъ корова? — Зоту, что звѣрю, быль бы хвостъ цѣль, — молока да масла, всего отъ бабъ будетъ.

— Какъ это ты живешь, горемыка, ни кобылы, ни коровы нѣть?

— А вы что на меня глядите: я говорить умѣю!

Стакнулись мужики, убили у Зота собаку.

Натка, поговори теперь! Безъ собаки въ дому, что безъ замка дверь — ворамъ ходъ: пожалуйте!

А Зоту хоть бы что, — мудрѣная голова, принялся за кожи.

Высушилъ, выдѣлалъ кожи и сшилъ себѣ балахонъ поверхъ шерстью:

передъ коровій, задъ кобылій, а хвостъ собачій.

Обрядился Зотъ, присѣлъ на лавку, посидѣлъ-помудрѣлъ, и пошелъ себѣ въ городъ просить милостынью.

Собачій хвостъ! — пошла про Зота слава.

Начали-то ребятишки, подхватили большие — таковъ ужъ человѣкъ:

гдѣ ему сдачи не дай, тамъ онъ языкъ покажеть.

Зотъ на Собачій хвостъ откликался:

не драться же лѣзть, коли въ животѣ пусто, и не на такое еще откликнешься!

Вотъ зашелъ Зотъ въ домъ къ одному купцу, — богатый былъ купецъ Генераловъ: сахаромъ торговалъ.

Купца-то дома не оказалось, — за покупками отлучился.

А была у купца жена и сидѣлъ у нея о ту пору другъ въ гостяхъ.

Собачьяго хвоста они не стѣсняются, а Собачій хвостъ и самъ бываль въ такомъ, видалъ виды, ему это дѣло извѣстно.

И надо же такому случиться, нагрянуль хозяинъ домой.

Другъ хозяинъ испугался, мечется, какъ шпареная крыса.

— А я-то теперь куда? — знай, лопочеть.

— А ты иди въ погребъ, — не потерялась хозяйка.

Ужъ не только въ погребъ, онъ и въ трубу полѣзъ бы — въ горшокъ полѣзешь!

А Собачій хвостъ слушалъ, слушалъ да и говорить:

— Когда его въ погребъ, такъ и я въ погребъ.

— Что ты, — поднялась было хозяйка, — съ ума спятиль: ты-то зачѣмъ?

— Не то я хозяину скажу, — уперся Собачій хвостъ.

Не время было бобы разводить.

И спустила хозяйка обоихъ въ погребъ.

А купецъ-то Генераловъ не одинъ нагрянуль, а съ товарищами, — все купцы, все важные да богатые.

Набралось полонъ домъ гостей, стали пировать.

Ну хозяйка тутъ и вина имъ и закусокъ.

Пошла хозяйка въ погребъ за виномъ, собрала для гостей кулекъ, да и сунула пріятелю-то своему бутылку, которая получше.

А у пріятеля губа не дура, налиль стаканчикъ да и выпиль, налиль другой и другой выпиль.

Собачій хвостъ терпѣль, терпѣль, инда слюна потекла.

— Какъ такъ? — цапъ пріятеля за полу.

— Что такое?

— А у насъ не такъ.

— А какъ? — а самъ, знай себѣ, выпиваетъ.

— Одинъ стаканъ выпьютъ, другой товарищу подаютъ. Нѣть, этакъ я выйду, да хозяину скажу.

Оробѣль пріятель.

И сталъ все исполнять, что Собачій хвостъ хочетъ: одинъ стаканъ выпьетъ, другой товарищу подаетъ.

Допили бутылку, хозяйка другую сунула, не хуже той.

Распивають и другую бутылку.

★ ★

А въ домъ разгулялись гости, развезло, стали пѣсни пѣть.

Услыхалъ Собачій хвостъ и туда же, — затянуль въ погребъ свою пѣсню.

— Что ты, глупый, — унимаетъ пріятель, — зачѣмъ поешь?

— А мы что здѣсь, не вино пьемъ, что ли? Тамъ поютъ, а намъ и не пѣть?

— Перестань, не пой! — просить пріятель.

— А давай платье на платье мѣнять, такъ и перестану.

Оробѣлъ пріятель, готовъ все исполнить.

Смѣнили они платье на платье.

Сидѣть. Приходитъ опять хозяйка въ погребъ.

Зоть — къ хозяйкѣ:

— Нельзя ли, — говоритъ, — меня отсюда выпустить?

— Что же можно, народъ захмелѣлъ, пройдешь, не замѣтить.

Хозяйка и выпустила Зота.

Вышелъ Зоть на улицу, походилъ, поразмялся, да опять въ домъ къ купцу.

Все, какъ водится, образамъ помолился, поздравилъ съ пиромъ, съ бесѣдою.

— Хорошъ вашъ пиръ, хороша бесѣда, только въ домѣ есть несчастье.

— Что такое? — вскочилъ хозяинъ.

Полѣзли и гости, ну распрашивать.

— А вотъ въ домѣ у васъ завелось въ родѣ чорта — нежить. Эту нежить, если бы выжить, такъ сразу надо выжить, а сразу не выживешь, то ее вѣки не выжить.

— А кто это можетъ?

— Я.

— А много ль возьмешь?

— Съ хозяина сто рублей, съ гостей кто сколько. И такъ я эту нежить выживу, что всѣ вы увидите, какъ она изъ дому выйдетъ.

Согласился хозяинъ,

А гости говорять:

— Если мы всѣ увидимъ собственными глазами твою нежить, мы тебѣ по сотнѣ дадимъ.

— Теперь нужно нежити дорогу дать, — говорить Зотъ, — чтобы ни рукою, ни ногою не задѣть ее, не то во-вѣки изъ дому не выживешь.

И сталъ Зотъ ходить по дому да искать черта.

Ищетъ въ одной кладовой, ищетъ въ другой и всѣ кладовыя обыскаль, найти ничего не могъ.

— Ну, хозяинъ, нежити въ домѣ найти не могу! У тебя еще какія-нибудь кладовыя есть?

Подумалъ, подумалъ хозяинъ:

— Больше нѣтъ кладовыхъ, развѣ погребъ? Въ погребѣ не искали! — говорить хозяинъ.

— Что же ты мнѣ сразу-то о погребѣ не сказалъ? Эта нежить болѣ въ погребахъ и проживаетъ.

И пошелъ Зотъ въ погребъ и говорить пріятелю:

— Ты, пріятель, бѣги прямо въ свой домъ, никуда не заворачивай да поминай Собачій хвостъ вовѣки!

А самъ взялъ помело да сзади съ помеломъ.

Ну, пріятель-то какъ выскочилъ въ зотовомъ ба-лахонѣ — другой пьяный съ перепуга пошатнулся да и упаль, а который и въ разсудкѣ былъ, послѣдняго лишился.

И гналъ Зотъ пріятеля до самаго его дому.

И когда ужъ всякий слѣдъ пропалъ, вернулся Зотъ опять къ купцу.

Купецъ за угощенье.

— Угощенье-то никуда не уйдетъ, — говорить Зотъ, — наперво надо расчитаться.

— Молодецъ! — благодарить хозяинъ, — сушиль я тебѣ сто рублей, а когда ты этого черта выгналъ, получай двѣсти.

Гости тоже, ей Богу, по двѣсти дали, — такъ и отсчитали серебряными рублями.

Сгребъ Зотъ деньги, купилъ себѣ тройку, наняль кучера, распостился и покатилъ домой въ деревню.

Пріѣзжаетъ Зотъ домой въ деревню, услышали со-сѣди, пришли смотрѣть Зота.

— Какъ это ты, горемыка, скоро богатство нажилъ?

— А вѣдь я вамъ сказывалъ, что говорить умѣю! Вотъ у меня было три кожи: одна кобылья, другая коровья, третья собачья. Эти кожи я обдѣлалъ, сшилъ балахонъ поверхъ шерстью: передъ коровій, задъ кобылій, хвостъ собачій, — и понесъ балахонъ въ городъ. А нынче такую моду взяли — все такие балахоны носять. За него я кучу денегъ сгребъ.

Сосѣди на усь намотали и стали убивать свой скотъ да изготавлять изъ шкуръ балахоны. И только всего по одной коровѣ и по одной лошади оставили себѣ.

Нашили балахоновъ много, повезли возы въ городъ.

Пріѣхали они въ городъ да прямо на толкунъ, развѣсили рядами, стали торговать.

А народъ ходить зѣваеть:

— Что у васъ, крещеные?

— Ослѣпли, что ли, — говорятъ мужики въ одинъ голосъ, — не видите? Одежда!

— Да вы съ ума сошли, какой дуракъ чучелойто рядится?!

Идеть нарядъ городовыхъ съ обходомъ.

— Это у васъ что?

— Одежда.

— Да вы что? Холеру, что ли, разводите?

Забрать ихъ въ участокъ!

И забрали мужиковъ въ участокъ, а шкуры отобрали,

Мужики и такъ и сякъ, едва откупились, и въ трактиръ не зашли, прямо домой въ деревню.

Вернулись мужики въ деревню, да всѣмъ міромъ на Зота.

— Обманулъ ты нась, окаянный, насказаль, будто такие балахоны покупаютъ... окаянный!

— А вѣдь я вамъ сказывалъ, что говорить умѣю! Я одинъ балахонъ продалъ, — мода такая была, и балахонъ купили, а вы сразу возами ихъ навезли, ну и не стали брать.

Мужики совсѣмъ разорились, ушли мужики на заработки — въ работу нанялись.

А Зотъ въ деревнѣ остался.

Зотъ живетъ бобылемъ, тоскается изъ дома въ домъ, всѣмъ угождаетъ, весель — таковскій! — хвостъ собачій.

БАРМА

Жиль-былъ стариkъ со старухой. Стариkъ сапоги тоchalъ, старуха бѣлье мыла. Жили они хорошо, въ душу, а дѣтей у нихъ не было.

Затужили старики — какъ быть? — помирать пора.
Думали, думали, да и надумали.

Взяли старики къ себѣ въ домъ мальчишку-подкидыша.

Подросталъ мальчонка шустрой да проворный, хоть куда, — всему міру на диво.

И затѣйникъ гораздый: рожицу скорчить, словцо скажеть — съ хохоту животы надорвутъ.

Мальчонку Бармой звали.

Одна бѣда — на руку не чистъ:

изъ подъ носа стянеть, — не успѣшь и облизнуться.

У старухи стало бѣлье пропадать, у старика ножички, пилочки, — постоянная недохватка.

Измаялись старики.

Били они мальчонку, наставляли и чего-чего только ни дѣлали:

ничѣмъ не проймешь.

Какъ-то сидѣли старики вечеркомъ, пошабашали: старуха рубаху чинила, старики бороду поглаживалъ, а Барма свернулся на печкъ, только посвистываетъ.

И входитъ къ нимъ молодецъ рѣжій такой, здоровенный. На ночлегъ просится.

Усадили старики гостя, стали гостя разспрашивать:

— Куда, молодецъ, путь держиши и по какой надобности?

— Къ царю воровать, — отвѣчалъ гость.

— Какъ такъ къ царю воровать?

— Да такъ воровать.

Выронила старуха иглу съ перепугу, призадумался старики.

А гость только усь покручиваетъ.

— Слушай, милый человѣкъ, — заговорилъ старики, — живеть у насъ мальчонка, Бармой прозываетя, мочи намъ не стало, измаялись мы со старухою: какъ пиръ собирать, некуда Барму дѣвать. Ташить все изъ-подъ носу. Возьми ты его, ослобони насъ, вѣчно будемъ Бога молить!

— Отчего не взять, можно.

Разбудили Барму. Снарядили Барму. Забралъ Барма пилочки и ножички, да въ путь, — прощайте!

Идутъ они лѣсомъ.

Молодецъ, что ни шагъ — семь верстъ отмахивается.

Да и Барма не даетъ маху, — тощенъкій, юркенъкій, только носомъ покручиваетъ.

Разсказывалъ молодецъ про свою науку и про всякия ловкости воровскія.

Такъ и шли.

Вотъ видяты они, дерево стоитъ огромадное, верхушкою прямо въ звѣзу.

— Хочешь, Барма, — говорить молодецъ, — я тебѣ свое искусство покажу, а послѣ ты мнѣ свое покажешь?

— Хочу, дяденька!

— Видишь дерево?

— Вижу, дяденька!

— А гнѣздо видишь?

— Вижу, дяденька!

— А птичку видишь?

— Вижу, дяденька!

— Такъ вотъ я сейчасъ влѣзу на это самое дерево и выну изъ-подъ этой птицы яички, и птица не замѣтить.

Полѣзъ молодецъ на дерево, а Барма пустился подсаживать.

И не прошло минуты, жуликъ на землѣ быль.

— Видишь? — спрашиваетъ Барму.

— Вижу, дяденька.

— Да что видишь-то?

— Яички, дяденька.

Жуликъ подбоченился: ловко, моль, состряпалъ!

— А вы дяденька, сапоги видите?

— Сапоги?! — вижу...

— А подошвы на сапогахъ видите?

Тутъ жуликъ задралъ ногу. Повель глазомъ... сапогъ сапогомъ, только подошвы срѣзаны.

— Это я вамъ, дяденька, какъ на дерево вы лѣзли, я вамъ подошву и срѣзаль.

— Ну, изъ тебя человѣкъ выйдетъ, — сказалъ жуликъ.

И снова тронулись въ путь.

— А какъ, дяденька, къ царю пройти? — до-
пытывался Барма.

— Плевое дѣло къ царю пройти, — толковаль-
жуликъ, — пойдешь все прямо, завернешь влѣво, по-
томъ опять влѣво, потомъ въ закоулокъ и прямикомъ
въ царскій садъ упрешься.

И опять сталъ рассказывать про свою науку и
про всякія хитрости воровскія.

Такъ прошли они лѣсь, въ другой вступили.

Жуликъ сбросилъ поддѣвку, сказалъ Бармѣ:

— Ты покарауль меня, а я малость сосну.

И растянулся подъ деревомъ.

— Слушаю, дяденька! — сталъ на караулъ
Барма.

Но только что жуликъ завелъ глаза, Барма оша-
рилъ его, взялъ себѣ чего поспособнѣе, да дралѣ.

Прошелъ Барма и другой лѣсь, прошелъ Барма
и третій лѣсь, прошелъ острогъ, прошелъ кабакъ и
прямо въ садовую рѣшетку стукнулся.

А рѣшетка высокая да тѣсная, пальца не просунешь.

Скинуль Барма одежонку, да юркъ межъ пруть-
евъ и прямо въ царскій садъ.

А царь тутъ-какъ-тутъ, — идетъ царь по дорожкѣ,
яблоко кушаетъ.

Мундиръ у царя горить, какъ жаръ, золотые шта-
ны съ бриліантовыми пуговицами такъ и свѣтятся.

— Чей ты? — крикнулъ царь.

— Вашего царскаго величества вѣрноподдан-
ный Барма.

— Зачѣмъ сюда попалъ, а?

— Къ вашему величеству воровать.

— Ахъ, ты... такой-сякой!

Царь хотѣлъ схватить Барму, да шагу не сдѣлалъ
штаны золотые трахъ — на земь.

А Барма съ пуговицами бѣжать, — его и слѣдъ
простылъ:

оттяпалъ таки, мошенникъ, бриліантовыя.
Вотъ онъ Барма какой!

ВОРЪ МАМЫКА

У старика и старухи никого не было, одинъ былъ внуокъ Мамыка. Мамыка — парнишка шустрый, проворный. Старики внука очень любили.

Узналь Мамыка, что у дѣда есть деньги, — присталъ Мамыка къ дѣду:

— Дай, дѣдушка, мнѣ денегъ!
— А для чего онъ тебѣ, рѣдный?
— Дай, дѣдушка, мнѣ денегъ на торговлю!

Дѣдъ и такъ и сякъ, — какая ужъ тамъ торговля, какъ бы хуже не вышло! — и денегъ старику жалко, и отказать не можетъ.

Вступилась старуха:

— Чего, — говорить, — жалѣешь, дай ему, авось Богъ поможетъ, родное вѣдь наше, а намъ помирать въ пору.

Подумалъ дѣдъ, подумалъ и далъ внуку денегъ.

Забралъ Мамыка дѣдовы деньги и, прощай, ушелъ въ городъ.

Да ничего по уму прибрать не могъ изъ товара, и купилъ два сапога козловыхъ.

Съ сапогами и пошелъ домой опять къ дѣду.

Шелъ Мамыка домой, подшвыривалъ камушки по дорогѣ, пѣсни пѣлъ, а усталъ, присѣлъ отдохнуть въ канаву.

Сидѣть Мамыка въ канавѣ, на дорогу глазѣеть.

А по дорогѣ царскіе слуги идутъ, быка ведутъ.

„Вотъ бы такого бычка дѣду, нѣтъ у дѣда никакой скотины!“ — смекнуль себѣ Мамыка.

Скрылись царскіе слуги и быкъ съ ними.

Вылѣзъ Мамыка изъ канавы, обѣжалъ сторонкой, бросиль сапогъ на дорогу, самъ склонился и сталъ поджидать.

Увидали царскіе слуги Мамыкинъ сапогъ на дорогѣ.

— Эхъ, товарищъ, — говорить одинъ — сапогъ козловый на дорогѣ!

— Никудѣ намъ съ однимъ сапогомъ! — говорить другой.

И пошли себѣ дальше, повели быка въ городъ.

Тутъ Мамыка подобралъ свой сапогъ, да мимо царскихъ слугъ, обогналъ ихъ сторонкой, бросиль опять сапогъ на дорогу, самъ склонился, поджидаетъ.

Увидали царскіе слуги Мамыкинъ сапогъ на дорогѣ.

— Вотъ и другой сапогъ, — говорить одинъ, — взять бы намъ и тотъ, пара бѣ сапоговъ была.

— Пойдемъ назадъ, — говорить другой, — захватимъ, авось не уѣжитъ.

Оставили царскіе слуги царскаго быка, пошли назадъ прежній Мамыкинъ сапогъ искать.

Тутъ Мамыка, долго не думая, за быка, да другой дорогой съ быкомъ домой къ дѣду.

А царскіе слуги дошли до того самаго мѣста, гдѣ сапогъ Мамыкинъ лежалъ, а сапога-то ужъ нѣтъ.

Поискали они, поискали, да съ пустыми руками назадъ къ быку, а тамъ и быка нѣтъ, всего одинъ сапогъ лежитъ Мамыкинъ.

Куда имъ съ однимъ сапогомъ?

— Какъ мы теперь къ царю на глаза покажемся: и быка кончили и сапогъ одинъ!

Подобрали царскіе слуги Мамыкинъ сапогъ, и безъ царскаго быка съ сапогомъ пошли къ царю.

— Вотъ, — говорять, — вамъ сапогъ, а быка потеряли. Увель быка неизвѣстно кто.

Примѣрилъ царь сапогъ, — хорошо и сидить хорошо и въ пальцахъ не жметъ, да обѣ одномъ сапогъ далѣко не уйдешь, да и быка нѣть.

Ну, по сапогу стали искать и дознались, что сапогъ Мамыкинъ, и увель быка Мамыка.

И посылаетъ царь къ дѣду, требуетъ къ себѣ старика.

Пришелъ старикъ, кланяется.

— Здравствуйте, государь батюшка.

— А много ль у тебя семьи, дѣдушка? — спрашиваетъ царь.

— Одинъ внукъ, батюшка, одинъ единственный, Мамыкой звать.

— А не укралъ ли твой Мамыка у царя быка?

— Не знаю, батюшка, украдь не укралъ, а такого намедни пригналъ, едва во дворикъ прошелъ.

— Ну, хорошо, — говоритъ царь, — пускай же твой Мамыка украдеть у царя коня, а не украдеть, казнь ему!

Простился дѣдъ съ царемъ, поклонился царю, пошелъ домой.

Скручинился, спечалился старикъ:

легкое ли дѣло у царя коня украдь!

А Мамыка ужъ встрѣчаетъ дѣда, на одной ножкѣ прискакиваетъ.

— Глупый ты, — охаетъ дѣдъ, — надѣлалъ ты дѣлъ!

— Чего, дѣдушка, ну, чего, дѣдушка?

Унимаетъ парнишка, шустрый такой, Мамыка.

— Да вотъ чего: велѣлъ царь своего коня украсть, не то тебѣ казнь.

— Богу молись, дѣдушка, да спать ложись, все дѣло поправится.

Смѣется парнишка, проворный такой, Мамыка.

Легъ дѣдъ спать, а Мамыка дождался ночи и въ ночи потащился въ городъ и прямо ко дворцу.

Царя во дворцѣ не было, въ Сенатѣ сидѣлъ царь, законы сочинялъ.

А Мамыкѣ это на руку, проникъ Мамыка въ царскіе покои, обрядился въ царское платье, да въ царскомъ-то платьѣ на крыльцо.

— Эй, — кричить, — коня! коня давайте, въ сады поѣзжаю гулять!

Засуетились слуги, забѣгали и сейчасъ коня ему подали, — спросонья за царя признали, обознались!

Сѣль Мамыка на царскаго коня и домой къ дѣду. Пріѣхалъ Мамыка къ дѣду, кричить старику:

— Отворяй, дѣдушка, ворота! — смѣется.

Поднялся дѣдъ, узналъ внука, обрадовался, отворилъ ворота, впустилъ коня.

— Слава Богу, спасъ Господь отъ бѣды! — плачетъ стариикъ: радъ очень, что съ конемъ-то внука, царскаго коня укралъ.

Вернулся царь изъ Сената, велить коня подать — въ садыѣхать, а коня его царскаго нѣтъ-какъ-нѣтъ, укатилъ на его конѣ неизвѣстно кто.

„Это, вѣрно, Мамыка, некому больше, воръ Мамыка!“ — раздумался царь.

И посылаетъ на утро царь къ дѣду, требуетъ къ себѣ старика.

Пришелъ старикъ, кланяется.

Поздоровался царь съ дѣдомъ и говоритъ:

— А не укралъ ли, дѣдушка, твой Мамыка у царя коня?

— Не знаю, батюшка, украдь не укралъ, а такого пригналъ, едва въ домишко прошелъ.

— Ну, хорошо, — говоритъ царь, — пускай же твой Мамыка изъ-подъ царя перину украдеть, тогда я прощу, а не то ему казнь!

Простился дѣдъ съ царемъ, поклонился царю, пошелъ домой.

Скручинился, спечалился старикъ:

легкое ли дѣло изъ-подъ царя царскую перину украдь!

А Мамыка ужъ встрѣчаетъ дѣда, на одной ножкѣ прискаиваетъ.

— Глупый ты, глупый, — охаетъ дѣдъ, — надѣлалъ ты дѣлъ, жизнь свою рѣшишь!

— Да чего, дѣдушка, чего ты?

Унимаетъ парнишка, проворный такой, Мамыка.

— Да вотъ чего: велѣль царь царскую перину изъ-подъ себя украдь, не украдешь, — дѣло плохо.

— Богу молись, дѣдушка, да спать ложись, все дѣло поправится.

Смѣется парнишка, хитрый такой, Мамыка.

Легъ дѣдъ спать, а Мамыка дождался ночи и въ ночь потащился въ городъ и прямо на кладбище.

И тамъ, на кладбищѣ, онъ отыскалъ свѣжую могилу, разрылъ могилу, досталь покойника изъ гроба, посадиль покойника на коль и понесъ на плечѣ ко дворцу, къ тѣмъ самымъ покоямъ, гдѣ царь ночуетъ.

Сталъ Мамыка передъ царскими окнами и ну врѣтъ покойникомъ.

Царь не спалъ, и не ложился, поджидалъ царя Мамыку: придетъ воръ царскую перину изъ-подъ него красть, тутъ онъ его и словить.

И какъ увидѣлъ царь, что ровно человѣкъ въ окно лѣзть, скорѣе заружье да изъ ружья въ окно и выстрѣлилъ.

— Ну, — говорить царь царицѣ, — подстрѣлилъ я Мамыку, не встать больше вору, можно будетъ спокойно выспаться.

А Мамыка подстрѣленного покойника бросилъ да по заднимъ ходамъ залѣзъ въ царскіе покои, отыскалъ тамъ квашенку съ бѣлымъ растворомъ, прокрался къ самому царю, да тихонько растворъ этотъ бѣлый между царемъ и царицей въ середку и полилъ, а самъ въ въ темный уголъ, присѣлъ на корточки, ждетъ.

Спалъ царь крѣпко, а проснулся да со сна прямо рукой въ это тѣсто.

„Эка, грѣхъ-то какой, всѣ себѣ пальцы измазаль!“

Крикнулъ царь слугъ, всѣхъ слугъ разбудилъ.

— Снимай перину, стели новую!

А царскіе слуги подскочили, тычутся, нѣжными голосами такъ и ластятся:

— Пожалуйста, сейчасъ! сейчасъ!

И сейчасъ же свѣжая перина готова, ту замаранную сняли, постелили новую,

И заснулъ царь.

А какъ заснуль царь, вышелъ Мамыка изъ темнаго угла, подхватилъ старую запачканную перину да въ окошко, спихнуль перину на улицу да и самъ за ней туда же, взвалиль ее на плечи, понесъ домой къ дѣду.

— Отворяй, дѣдушка, ворота! — громыхаетъ Мамыка въ ворота.

Поднялся дѣдъ, узналъ внука, обрадовался, отворилъ ворота, впустилъ Мамыку съ царской периной.

— Слава Тебѣ, Господи, миновала бѣда! — плачетъ стариkъ: радъ очень, что съ периной-то внуkъ, царскую перину укралъ.

На утро, какъ проснулся царь, и первымъ дѣломъ о перинѣ:

— Гдѣ замаранная перина?

А гдѣ замаранная перина? — туда-сюда, никто не знаетъ, нѣтъ нигдѣ перины и искать негдѣ.

Заглянуль царь въ окно, а тамъ, на улицѣ подъ окошкомъ покойникъ на колу, — лежить покойникъ прострѣленный и нѣтъ никакого Мамыки.

Шлетъ царь за старикомъ дѣдомъ.

Пришелъ стариkъ, кланяется.

Поздоровался царь съ дѣдомъ и говоритъ:

— А не укралъ ли, дѣдушка, твой Мамыка у царя перину?

— Не знаю, батюшка, укraсть не укралъ, а такую приволокъ, едва въ уголъ запихалъ.

— Хитеръ у тебя внуkъ, — сказалъ царь, — пускай же Мамыка у царя царицу украдеть, а не то голову на плаху, жизни рѣшу.

Простился дѣдъ съ царемъ, поклонился царю, пошелъ домой.

Еще больше скручинился стариkъ, еще больше спечалился, пути передъ собой не видить:

легкое ли дѣло у царя царицу укraсть!

А Мамыка ужъ встрѣчаетъ дѣда, на одной ножкѣ прискакиваетъ.

— Глупый ты, глупый, — охаетъ дѣдъ, — надѣлалъ ты дѣлъ, пропали мы съ тобой!

— Чего, дѣдушка, ну, чего, дѣдушка?

Унимаетъ парнишка, хитрый такой, Мамыка.

— Да вотъ чего: велѣлъ царь царицу укraсть, не украдешь, голову на плаху.

— Богу молись, дѣдушка, да спать ложись, все дѣло поправится!

Смѣется парнишка, смекалистый такой, Мамыка.

Легъ дѣдъ спать, а Мамыка дождался ночи и въ ночь заложилъ царскаго коня въ санки и помчался прямо во дворецъ.

Царя во дворцѣ не было, въ Синодѣ сидѣлъ царь, приказы давалъ.

А Мамыкѣ только того и надо.

Кличеть Мамыка царскихъ слугъ, будто царь за царицей прислалъ.

— Требуетъ царь царицу въ сады гулять, немедленно!

Доложили царскіе слуги царицѣ.

Одѣлась царица, вышла на крыльцо, видить, конь царскій, да и сѣла въ санки къ Мамыкѣ.

И помчалъ царицу воръ Мамыка да не въ Синодъ къ царю, а къ себѣ, къ своему дѣду.

— Отворяй, дѣдушка, ворота! — кричитъ воръ Мамыка.

Поднялся дѣдъ, узналъ внука, обрадовался, отворилъ ворота, впустилъ Мамыку, впустилъ съ Мамыкой и царицу.

— Слава Богу, услышалъ Господь, спась! — плачетъ старикъ: радъ очень, что съ царицей-то внукъ, царицу укралъ.

И царица плачетъ: страшно ей вора Мамыку, жалко ей дѣда.

Вернулся царь изъ Синода, спрашиваетъ царицу.

— Нѣть царицы, — отвѣчаютъ царскіе слуги, — поѣхала царица въ сады гулять, самъ ты и послалъ за ней.

— Когда посыпалъ? — ничего царь понять не можетъ.

— Да изъ Синода, — говорять царю слуги.

— Какъ такъ?

— Да такъ.

Никто ничего толкомъ не знаетъ, другъ на дружку валять.

„Это все воръ Мамыка! — раздумался царь.

★ ★

И велить царь привести старика дѣда.

Бросились за дѣдомъ, привели старика.

Усадилъ царь старика и говоритъ:

— А не укралъ ли твой Мамыка у царя царицу?

— Не знаю, батюшка, украдь не укралъ, а такую красавую въ домъ привелъ, такую барыню.

— Хорошъ твой внукъ, дѣдушка, — сказалъ царь, — шустеръ парень, проворенъ, смекалистъ! Пускай же онъ все наворованное царю представить: быка, коня, перину и нашу царицу. Всѣ дѣла ему прощаемъ, всю вину снимемъ, получить награду.

Побѣжалъ старый дѣдъ домой.

А ужъ Мамыка ему навстрѣчу, а съ Мамыкой царскій быкъ, царскій конь, царская перина и сама царица.

И остался Мамыка у царя.

Подчистилъ Мамыка царскихъ слугъ ротозѣевъ, всѣхъ воровъ переловилъ, а дѣду, старику своему, у царя звѣзду выхлопоталъ, и звѣзду, и коня, и коровушку, чтобы жилъ стариикъ покойно.

НЕЧИСТЬ

ЛѢШІЙ

ЛѢШІЙ живеть въ лѣсу, — лѢШІЙ живеть въ большоій избѣ.

Изба у него кожами укрыта, теплая.

ЛѢШІЙ не старицъ старый, какой старицъ! — лѢШІЙ молодой, и ни усовъ еловыхъ, ни бороды осочьей у него нѣту.

Желтый зипунъ на немъ, красная теплая шапка.

А жена его — лѢШАЧКА.

А дѣти — лѢШАТА.

Полное хозяйство.

Былъ такоі Афоныга, неладный, все бродилъ по лѣсу, лѢШНІЙ жилъ.

Вотъ идетъ Афоныга лѣсомъ, дошелъ до болота — топучее болото — и видить, увязъ лѢШІЙ въ болотѣ, да и олень, да и медвѣдь съ нимъ.

Не больно рѣчистъ лѢШІЙ, а какъ заговорилъ!

— Иди, — говоритъ, — Афоныга къ моей хозяйкѣ, да скажи ей, на большомъ, молъ, болотѣ со звѣремъ сохатымъ, да съ медвѣдемъ Мишай утопъ!

И дорогу кажеть Афоныгѣ, куда итти ему къ лѢШАЧКѢ.

Пошелъ Афоныга, пошелъ, какъ указалъ лѣшій, и
прямо къ большой избѣ.

Входитъ Афоныга въ избу.

Сидитъ лѣшачка на лавкѣ.

— Зачѣмъ пришелъ, Афоныга? — говоритъ
лѣшачка, баба молодая, бѣлая, глаза съ поволокой.

Афоныга ей о лѣшемъ, о сохатомъ, о медвѣдѣ Мишѣ.

— На большомъ болотѣ утопъ!

— Ну, ладно!

Бросила лѣшачка Афоныгу, да изъ избы, да скорѣе
къ большому болоту.

★ ★

Ждать не долго ждалъ Афоныга, а страху натер-
пѣлся не мало:

одолѣли Афоныгу лѣшата — цѣпляются,
курлычутъ, хватаютъ, ну, ничѣмъ не ото-
бьешься, ни шлепкомъ, ни подшлепникомъ.

И вернулась лѣшачка, несетъ медвѣдя Мишу, —
баба молодая, бѣлая, глаза съ поволокой.

А за лѣшачкой самъ лѣшій съ оленемъ.

На славу угостили гостя.

Лѣшій указалъ дорогу и на прощанье отодралъ
рукавъ отъ своего кафтана и далъ его Афоныгѣ.

А Афоныга, домой вернувшись, сшилъ себѣ изъ
рукава кафтанъ — кафтанъ до пять, да рукавицы.

ВОДЯНОЙ

Водяной живеть въ озерѣ, тамъ у него и домъ подъ камнемъ.

Водяной, не очень великій, даже маленький, черноватый, на чорта похожъ, а усъ у него рыжій.

Жена его изъ русалокъ — водяниха, Палагея звать, Поля.

А ребятишки — водяники, въ родѣ чертенятъ, только что на пальцахъ перепонка.

Держитъ водяной много коровъ бурыхъ, — большое хозяйство.

За большимъ болотомъ на кругломъ озерѣ островъ.

И не разъ видали, какъ изъ воды на островъ выходили коровы и траву щипали.

Видали и самого водяного: сядеть себѣ на камень и сидить, мѣднымъ гребнемъ расчесываетъ свои крѣпкія лахма.

Ходилъ по лѣсу Афоныга — Афоныгъ что и дѣлать, какъ въ лѣсу бродить! — и зашелъ Афоныга къ круглому озеру за большое болото, уморился, прилегъ на траву отдохнуть, да и заснулъ.

А какъ проснулся, и видитъ: четыре бурыхъ коровы на островѣ пасутся.

Положилъ Афоныга на себя крестъ, да прямо на этихъ коровѣ —

И только что ухватить корову намѣтилъ, изъ воды какъ свиснетъ — озеро заволновалось, и коровы въ воду.

Ну, Афоныга не больно испугался, не сплошаль и какъ-никакъ, а двухъ коровъ перенять ухитрился, и пригналъ домой къ себѣ въ лѣсъ.

И долго жили у Афоныги эти коровы, по два ведра въ день молока давали, вотъ какія коровы!

Разбогатѣлъ Афоныга, разбурѣлъ, опился молокомъ сладкимъ, пьетъ — не лѣзеть, и ужъ бродить по лѣсу не можетъ, совѣсть и заговорила.

Стало беспокойно Афоныгѣ:

все не такъ, все не такъ какъ-то, не по-настоящему, не по правдѣ.

И вздумалъ Афоныга этихъ коровъ зарѣзать.

И зарѣзаль.

Ввечеру зарѣзаль, а на утро хватъ, ни мяса, ни шкуръ, и мясо и шкуры укралъ кто-то, нѣть ничего.

Досадно стало Афоныгѣ — ни молока ему, ни коровъ, ни мяса ему, ни шкуръ коровьихъ, — ничего.

Какъ не досадно!

Думалъ Афоныга, думалъ и подаль въ судъ: на сосѣда думалъ — вороватый такой сосѣдъ жилъ Мамыка.

И пока Афоныгино дѣло въ судѣ тянулось, подошла осень, а у Афоныги не выходятъ изъ головы коровы, не можетъ забыть коровъ:

нѣтъ-нѣтъ да и вспомнятся онъ ему, бу-
рыя, сытыя — два ведра въ день молока
давали!

Сидить разъ Афоныга вечеромъ, раздумываетъ, и
все о коровахъ, а на волѣ такъ и шумитъ и шумитъ
— осень.

И слышитъ, стучитъ кто-то.

Афоныга къ воротамъ, отворилъ калитку, и видитъ:
такъ не очень великий, даже маленький,
черноватый такой, усъ рыжий, въ корот-
комъ камзолѣ, а шляпа соломенная, сто-
ить у воротъ, на Афоныгу смотрить.

— Напрасно, — говоритъ, — ты, Афоныга, изъ-
за коровьихъ кожъ съ сосѣдомъ тягаться вздумалъ —
кожи я взялъ!

Сказалъ и пошелъ, ходко пошелъ къ озеру.

Афоныга его сейчасъ же призналь, — водяной,
конечно! — и помирился съ сосѣдомъ, прекратилъ тяж-
бу съ Мамыкой.

И по-старому, по-прежнему въ лѣсу бродить, лѣ ш-
ней живетъ.

Ч О Р ТЪ

Жилъ богатый человѣкъ и была ему во всѣхъ его дѣлахъ большая удача:

стоило только подумать, пожелать чего, хватъ и исполнится.

Самъ не понималъ Никаноръ, откуда ему идеть такое.

И чѣмъ дальше, тѣмъ больше.

И чѣмъ дальше, тѣмъ больше чувствовалъ онъ, какъ съ другого конца другимъ вѣтромъ приносило ему совсѣмъ другое — недоброе.

Спервоначала-то, какъ пошло дѣло въ ходъ, думалъ Никаноръ только о дѣлѣ, о торговлѣ своей, а когда стало много всего, накопилъ онъ бочку золота — цѣлую бочку! — и дѣла ужъ сами собой пошли, мысли повернули совсѣмъ на другое:

думаться стало ему, — узнаютъ люди о золотѣ, о его бочкѣ и отымутъ.

И не стало ему покою: спать ляжетъ, не спится, а заснетъ, сны нехорошіе.

Ровно бы что-то сдѣлать ему надо, и тогда опять придетъ покой и пойдетъ жизнь прежняя, по старому

въ дѣлахъ и безъ всякаго, но какое дѣло это сдѣлать надо, Никаноръ въ умъ не возьметъ.

Большой былъ богачъ Никаноръ, громкій человѣкъ. И бочка золота подъ кроватью, и пьетъ и ъестъ до отвалу, и почетъ вездѣ, а покоя нѣть —

у послѣдняго бродяги больше, и голи-пьяницѣ кабацкой позавидуешь!

Разъ лежитъ Никаноръ ночью, не спится, и слышитъ, будто кто-то постучалъ подъ окномъ.

Всталъ, подошелъ онъ къ окну, окликнулъ —
никто не отвѣчаетъ.

Ну, не отвѣчаетъ, такъ и не отвѣчаетъ, и опять легъ.

И только что глаза завель, опять стукъ.
Окликнулъ —

нѣть никого.

И вдругъ стало страшно:
это воры хотятъ ограбить его!

Снялъ онъ со стѣны ружье, зарядилъ пулей и притаился у окна.

И когда въ третій разъ застучало подъ окномъ, Никаноръ открылъ окно и выстрѣлилъ.

Выстрѣлилъ и похолодѣлъ весь:

тамъ, подъ окномъ, лохматая рука съ птичими когтями скала ставень.

Никаноръ за ножъ, отрѣзать хотѣлъ чортову руку, а ножъ выпалъ изъ рукъ —

прямо изъ ночи глядѣли на него огромные оловянные глаза и щерилось изрытое темное лицо.

— Иди за мной! — сказалъ чортъ.

Дѣлать нечего, вышелъ Никаноръ.

Чортъ схватилъ его за лѣвую руку, и они пошли прямо къ рѣкѣ.

Страхъ подкашиваетъ ноги, а чортъ тянетъ за собой —

и убѣжалъ бы, не убѣжишь, отъ черта не вырвешься.

Пришли къ рѣкѣ, чортъ и говоритьъ:

— Ты, Никаноръ, бочку золота накопиль, отдай ее мнѣ. Я тебѣ помогалъ!

Смотрѣть Никаноръ на чорта, — вотъ обомреть.

— А не отдашь, я тебя въ воду брошу. Слышишь?

— Слушаю.

Никаноръ на все соглашался.

— Такъ, смотри жъ, завтра приду, — и чортъ нырнуль въ воду.

Не помнить Никаноръ, какъ домой попалъ.

Не помнить, какъ прошелъ день.

Ночью не ложился онъ спать, чорта ждалъ.

И въ полночь застучало подъ окномъ.

Взялъ Никаноръ бочку, вынесъ чорту бочку.

Чортъ взвалилъ ее на плечо, и они пошли.

Чортъ идетъ, съ чортомъ Никаноръ идетъ.

Страхъ подкашиваетъ ноги, а чортъ тянетъ за собой —
и убѣжалъ бы, не убѣжишь, отъ чорта не
вырвешься.

Дошли они до рѣки, спустился чортъ въ рѣку, вы-
ташилъ желѣзныя цѣпи, обмоталъ бочку, спустилъ ее
въ воду и самъ скрылся подъ водою, и опять выны-
рнуль, горсть золота подалъ Никанору.

— Это тебѣ за твою вѣрность мнѣ, да смо-
три, не болтай!

И пропалъ.

А Никаноръ вернулся домой и запилъ съ горя.

Большой былъ богачъ Никаноръ, громкій человѣкъ.

А сталъ попивать, стало дѣло разстраиваться.

Не будь чортовой горсти, что чортъ далъ, промо-
таль бы все добро.

Въ Васильевъ вечеръ сидѣлъ Никаноръ съ пьяни-
цей пріятелемъ въ кабакѣ.

Разжалобилъ его пріятель, тутъ Никаноръ ему по пья-
ному дѣлу и пожаловался, забылъ зарокъ, все рассказалъ.

Идутъ они изъ кабака, а навстрѣчу имъ старишокъ,
знакомый будто, зоветъ старишокъ въ гости.

Отчего не пройти, — пьяному глазу дорога не за-
казана, пошли пріятели.

И долго вѣль ихъ старишокъ, все въ сугробъ да въ
сугробъ, — не легко итти.

Никанорова пріятеля и разморило, зѣвнуль онъ,
перекрестился и видѣть, — стоитъ онъ надъ прорубью,
а Никаноръ ужъ въ проруби — съ головой влѣзъ, и
никакого нѣтъ старишака знакомаго.

Такъ и пропалъ Никаноръ.

НЕЖИТЬ

ЛИГОСТАЙ СТРАШНЫЙ

Жиль-былъ добрый человѣкъ, и Бога чтилъ, и людей не забывалъ:

Богу — свѣчка, бѣднымъ людямъ — хлѣбъ.

И жиль такъ добрый человѣкъ съ женою и сыномъ, не ропталъ.

И вотъ померла жена, заскучалъ стариkъ безъ хозяйки, сталъ прихварывать и почувствовалъ, что его конецъ приходитъ.

Говорить стариkъ сыну:

— Нечего мнѣ тебѣ оставить, нѣтъ у меня ничего: что зарабатывалъ — все проживали. А вотъ какъ помирать твоей матери, пекла она калачъ, калачъ подгорѣлъ, но я его сберегъ, — оставлю тебѣ горѣлый калачъ. Съѣшь ты его съ тѣмъ моимъ другомъ, который никакой скупы не береть.

Померъ добрый человѣкъ, похоронилъ сына отца.

Какія оставались деньги, все на похороны пошло. И ужъ ничего въ домѣ нѣтъ, хоть шаромъ покати, а Ѣсть хочется.

Вспомнилъ тутъ Сергѣй объ отцовскомъ наслѣдствѣ — о калачѣ, отыскалъ горѣлый калачъ, хочетъ его закусить, да слова отца стали въ памяти:

съѣсть калачъ съ тѣмъ другомъ его, который прибыли себѣ не береть!

Положилъ калачъ за пазуху и пошелъ отцова друга искать.

★ ★

Идеть Сергѣй по дорогѣ.

И встрѣчается ему старичокъ бѣлый, сѣдатый.

— Куда, — говорить, — молодецъ, Богъ несетъ?

— Иду искать отцова друга, который никакой скупы не беретъ.

И рассказалъ Сергѣй старику объ отцовскомъ горѣломъ калачѣ.

— Я отцовъ другъ.

Посмотрѣлъ Сергѣй на отцова друга:

старичекъ бѣлъ сѣдатый, съ церковкою въ рукѣ.

— Нѣть, ты Никола угодникъ!

Поклонился угоднику можайскому и дальше пошелъ

★ ★

Идеть Сергѣй по дорогѣ.

И ёдетъ навстрѣчу ему всадникъ на бѣломъ о бѣлыхъ крыльяхъ конѣ, золото такъ и играеть.

Испугался Сергѣй, хочетъ въ сторону свернуть.

А всадникъ кричить:

— Куда, молодецъ, Богъ несетъ?

— Иду искать отцова друга, который никакой скупы не беретъ.

И сказалъ Сергѣй всаднику объ отцовскомъ горѣ-
ломъ калачъ.

— Я отцовъ другъ.

Посмотрѣлъ Сергѣй на отцова друга:

по локоть руки — красно золото,
по колѣно ноги — чисто серебро,
во лбу звѣзда,
на головѣ зеленый вѣнокъ.

— Нѣтъ, ты Егорій храбрый!

Поклонился пастырю святому и дальше пошелъ.

Идеть Сергѣй по дорогѣ, усталъ, и ночь его на-
стигаетъ, и ъсть ему хочется.

И попадаетъ ему на дорогѣ страшный, высокій,
грудь и бедра толстыя, въ поясъ тонкій, длинные паль-
цы, зубатый, ребратый, голенастый, лигостай —
страшный.

— Ты куда идешь? — скорчилъ рожу лиго-
стай страшный.

— Иду отцова друга искать, который никакой
скупы не беретъ.

— Я самый и есть!

Посмотрѣлъ Сергѣй на отцова друга:

лигостай — страшный.

— Почему, говоришь, отцовъ ты другъ?

— А потому, я у отца душу вынуль.

„И вправду, — подумалъ Сергѣй — точно, что
другъ, только больно ужъ страшный!“

Вынуль Сергѣй изъ-за пазухи горѣлый калачъ.

Усѣлись они на пень, сѣли калачъ.

Лязгнуль зубами лигостай страшный.

— Поди, — говорить, — въ городъ, тамошній царь худъ, ищеть человѣка, про свою смерть знать хочетъ. Поди ты къ царю и скажи, что знаешь про его царскую смерть. Меня никто не видить, а ты увидишь. Я безъ корысти, я отцовъ другъ! Если сижу я въ головахъ у царя, царь помреть; если стою я въ ногахъ, царь будетъ жить.

Простился Сергѣй съ лигостаемъ страшнымъ, пошелъ въ городъ, ну трубить:

Я, — говоритъ, — про царскую смерть знаю!

Дошла вѣсть до царя, послалъ царь разыскать Сергѣя.

Нашли Сергѣя и привели къ царю.

Помолился Сергѣй, посмотрѣль на царя:

лежить царь на кровати, едва ужъ дышитъ, а лигостай стоитъ въ ногахъ у него страшный, рожу корчитъ.

Поклонился Сергѣй царю:

— Трудно хворали, ваше царское величество, тяжело, да Господь Богъ дастъ здоровьяя, будете живы.

И стало царю полегче, потому совсѣмъ легко, а потому и вовсе поправился и позабылъ про всякую хворь.

На радостяхъ царь наградилъ Сергѣя крестомъ и велѣль насыпать ему изъ казны полный мѣшокъ золота.

Нацѣпилъ Сергѣй крестъ себѣ на шею, забралъ подъ мышку золото, поблагодарилъ царя и пошелъ изъ города домой:

хватить ему на его вѣкъ да еще останется!

Идеть Сергѣй дорогой, застигла ночь, присѣль
Сергѣй на пень отдохнуть.

А лигостай тутъ — страшный сталъ у пня.

— А, — говорить, — здорово, Сергѣй Ива-
нычъ!

— Здравствуй, страшный!

— Много-ль собралъ?

— Эво сколько, доверху полный!

Сергѣй показалъ страшному золотой свой мѣшокъ.

— Ну, не очень-то... — лигостай тряхнулъ
мѣшкомъ, — фальшивыя! Иди ты въ другую землю,
тамъ тоже царь худъ, скажи, что про царскую смерть
знаешь. Буду я въ головахъ сидѣть и ты скажи царю:
не будетъ ему житья, смерть будетъ. А ему трудно,
онъ только этого и хочетъ, смерти хочетъ. И онъ на-
градитъ тебя: царемъ вмѣсто себя поставитъ. И ты
будешь царствовать тридцать лѣтъ. Знай: въ который
часъ корону примешь, въ тотъ же самый часъ черезъ
тридцать лѣтъ и помрешь. Помни! Приготовься! Я
приду.

★ ★

Простился Сергѣй съ лигостаемъ страшнымъ, по-
шелъ въ ту землю, гдѣ царь хворалъ.

— Я про царскую смерть знаю! — трубить
Сергѣй.

Узнали, кому слѣдуетъ, Сергѣя схватили, да къ
царю.

Привели Сергѣя къ царю, и ужъ на порогѣ видитъ
Сергѣй:

страшный разсѣлся лигостай у царского
изголовья, рожи корчитъ.

— Ваше царское величество, помрете!
А царь корону съ себя да на Сергѣя.
— Царствуй, добрый человѣкъ, спасибо тебѣ!
И померъ.

★ ★

Померъ царь, сѣлъ царемъ Сергѣй.
Хорошо царствовалъ Сергѣй и всѣ дѣла государственія исправлялъ вѣрно.

Тихо, мирно было въ его царствѣ.
Богатѣли купцы торговлей, мужики много съяли хлѣба, — земли было вволю, собирали и того больше, и было гдѣ скоту кормиться, — луговъ было вдоволь, разбойники сидѣли за крѣпкимъ карауломъ, никто не жаловался.

Все въ дѣлахъ, все въ заботахъ, и не замѣтилъ царь, какъ прошли годы, и наступилъ тридцатый, послѣдній его годъ.

„Ахъ, — схватился царь, — лигостай придетъ!“
И такая напала тоска на него, такая дѣлить печаль, невесело, неважно все, не занимаютъ дѣла.
„Лигостай придетъ, страшный придетъ!“ — печалился царь.

И отъ печали разнемогся, и ничего ужъ не помогаетъ, одно на умѣ:

„Лигостай придетъ!“

★ ★

Наступили послѣднія сутки, пришелъ послѣдній часъ.

И кончились послѣднія минуты, осталась всего одна послѣдняя минута.

„Пойду въ сады мои, прощусь“...
Царь всталъ и къ двери.
А на порогъ лигостай.

— Чего ты, — говорить, — куда собрался,
Сергѣй Иванычъ? — самъ рожу корчитъ.
— Въ сады мои проститься, хочу проститься...
— А ты чего же раньше-то? Я же тебя предупреждалъ!

Лигостай взялъ подъ-руку царя:
— Ну, пойдемъ!

И они ходили вмѣстѣ по саду, какъ два друга,
мертвый царь да лигостай страшный.

Царь все прощался.

И не было куста, не было деревца, съ кѣмъ бы
царь не простился.

Со всѣмъ бѣлымъ свѣтомъ простился царь и го-
ворить:

— А что, страшный, какъ я помру, будуть
по мнѣ плакать?

А лигостай какъ скорчить рожу.

— Ревутъ, — говорить, — третій день, ре-
вутъ, ужъ третій день, какъ померъ: въ ту самую ми-
нуту, у порога, какъ встрѣтились мы, ты и померъ!
Спасибо за любительный калачикъ!

Лигостай лязгнулъ зубами, страшный, отвель свою
безкорыстную страшную руку.

И остался царь одинъ, не царь — душа человѣчья.

ХЛОПТУНЪ

Жилъ-былъ мужикъ съ женою. Жили они хорошо, и вѣкъ бы имъ вмѣстѣ жить, да случился трудный годъ, не родилось хлѣба, и пришлось разстаться.

Поѣхалъ Федоръ въ Питеръ на заработки, осталась одна Марья со старикомъ да старухой.

Трудно было одной Марьѣ.

Кое-какъ она перебилась, къ осени полегче стало.

Ждеть мужа, — нѣть вѣстей отъ Федора.

Ждать-пождать, — не ъдетъ Федоръ.

Да живъ ли?

А тутъ говорятъ, померъ.

Бабы отъ солдата слышали, что Федоръ померъ.

Ну, а Марья въ слезы, убивается, плачетъ.

— Хоть бы мертвый прїехалъ, посмотрѣть
бы еще разокъ!

Такъ Марья плачетъ, такъ ей скучно.

Прожила она въ слезахъ осень, все тужить:

безъ мужа скучно.

А Федоръ вдругъ на святкахъ и прїѣзжаетъ.

И ужъ такъ рада Марья, отъ радости плачетъ:

вотъ не чаяла, вотъ не гадала!

— А мнѣ говорили, что ты померъ!

— Ну, вотъ еще померъ! И чегоненаскажутъ бабы!

И стали они поживать, Федоръ да Марья.

Все шло по-старому, будто никогда и не разстались они другъ съ другомъ, — не уѣзжалъ Федоръ въ Питеръ, не оставалась одна Марья безъ мужа, — вѣкъ вмѣстѣ жили.

Все по-прежнему шло, какъ было.

Все... да не все: стало Марѣ думаться, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше думалось:

„А что, какъ онъ мертвый?“

Случится на деревнѣ покойникъ, Марѣ всегда охота посмотретьъ, ну, она и Федора зоветъ съ собою, а онъ, чтобы итти къ покойнику смотрѣть, нѣтъ никогда не пойдетъ.

Разъ она ужъ такъ его упрашивала, приставала къ нему, приставала, — покойникъ-то очень ужъ богатый былъ, — насили уговорила.

И пошли, вмѣстѣ пошли.

Приходять они туда въ домъ, гдѣ покойникъ:

покойникъ въ гробу лежалъ, лицо покрышкой покрыто.

Собрались родственники, сняли покрышку, лицо открыли, чтобы посмотреть на покойника.

Тутъ и всѣ потянулись:

всякому охота на покойника посмотреть.

Съ народомъ протиснулась и Марья.

Оглянулась Марья Федора поманить, смотрить, а онъ стоитъ у порога большой такой, выше всѣхъ на голову, усмѣхается.

„И чего же онъ усмѣхается?“ — подумалось Марьѣ, и чего-то страшно стало.

Началъ народъ расходиться. И они вышли, пошли домой.

Дорогой она его и спрашиваетъ:

— Чего ты, Федоръ, смѣялся?

— Такъ, ничего я... — не想要 отвѣтить.

А она пристаетъ: скажи, да скажи.

Федоръ молчитъ, все отнѣкивается, потомъ и говоритъ:

— Вотъ какъ покрышку съ него сняли, а черти къ нему такъ въ ротъ и лѣзутъ.

— Что-жъ это такое?

— А хлоптунъ изъ него выйдетъ.

— Какой хлоптунъ?

— А такой! Пять годовъ живеть хлоптунъ хорошо, чисто и не признаешь, а потомъ и начнеть: сперва ъесть скотину, а за скотиной и за людей принимается.

И какъ сказалъ это Федоръ, стало Марьѣ опять какъ-то страшно, еще страшнѣе.

— А какъ же его извести, хлоптуна-то? — спрашиваетъ Марья...

— А извести его очень просто, — говоритъ Федоръ, — отъ жеребца взять узду-б б о р о ть и уздой этой бить хлоптуна по рукамъ сзади, онъ и помереть.

Вернулись они домой, легли спать.

Заснуль Федоръ.

А Марья не спить, боится.

„А что если онъ хлоптунъ и есть?“

Боится, не спить Марья

— не заснуть ей больше, не прогнать страхъ и думу.

Куда все дѣвалось, все прежнее?

Жили въ душу Федоръ да Марья, теперь нѣть ничего.

Виду не подаетъ Марья, — затаила въ себѣ страхъ, — не сварлива она, угождаетъ мужу, но ужъ смотрить совсѣмъ не такъ, не по старому, невесело, вся извѣласъ, громко не скажетъ, не засмѣется.

Четыре года прожила Марья въ страхѣ, четыре года прошло, какъ вернулся Федоръ изъ Питера, пять пошелъ.

„Пять годовъ живетъ хлоптунъ хорошо, чисто и не признаешь, а потомъ и начнетъ: сперва ъсть скотину, а за скотиной за людей принимается!“

И какъ вспомнить Марья, такъ и упадетъ сердце.

И ужъ она не можетъ больше терпѣть, не спить, не ъсть, душить страхъ.

— Не сынъ вашъ Федоръ... хлоптунъ! — крикнула Марья старику и старухѣ.

— Какъ такъ?

— Такъ что хлоптунъ! — и разсказалъ старикамъ Марья, что отъ самого отъ Федора о хлоптунѣ слышала, — послѣдній годъ живеть, кончится годъ, съѣсть онъ насъ.

Испугались старики:

— Съѣсть онъ насъ!

Всѣмъ страшно, всѣ на-сторожѣ.

И стали за Федоромъ присматривать.

Глядь, а онъ ужъ на дорогѣ коровъ ъсть.

Обезумѣла Марья.

Трясутся старики.

Достали они оть жеребца узду-обороть, подкараулили Федора, — подкрались сзади, да по рукамъ его уздой какъ дернутъ...

— Сгубила, — говорить, — ты мёня!

Да тутъ и кончился.

Тутъ и все.

МЕРТВЯКЪ

Лежалъ мертвѣцъ въ могилѣ, никто его не трогалъ, лежалъ себѣ спокойно, тихо и смироно.

Натрудился, видно, бѣдняга, и легко ему было въ могилѣ.

Темь, сырь, мертвечину еще не чуялъ, отлеживался, отсыпался послѣ суетливыхъ дней.

Случилось на селѣ о праздникахъ игрище — большой разгуль и веселье.

На людяхъ, извѣстно, вся кому хочется отличиться, показать себя, отколоть колѣнце на удивленіе, ну, кто во что, всѣ пустились на выдумки.

А было три товарища — три пріятеля, и сговорились пріятели попугать сбогище покойникомъ:

откопать мертвѣца, довести мертвѣца до дому, а потомъ втолкнуть его въ комнату, то-то будеть удивленье!

Сговорились товарищи и отправились на кладбище.

На кладбищѣ тихо, — кому туда на ночь дорога — высмотрѣли пріятели свѣжую могилу и закипѣла работа: живо снесли холмикъ, стали копать и ужъ скоро разрыли могилу, вытащили мертвѣца изъ ямы.

Ничего, мертвецъ дался легко, двое взяли его подъ руки, третій сзади сталь, чтобы ноги ему передвигать, и повели, такъ и пошли —

мертвый и трое живыхъ.

Идутъ они по дорогѣ, — ничего, вошли въ село, скоро и домъ, вотъ удивять!

Тѣ двое переднихъ, что мертвеца подъ руки держать, ничего не замѣчаютъ.

А третій, который ноги переставлять, вдругъ почувствовалъ, что ноги-то будто живыя:

мертвецъ ужъ самъ понемножку пятится, все крѣпче, по живому ступаетъ ногами.

А, значитъ, и весь оживеть мертвецъ, будеть бѣда!
Да не замѣтно и утекъ.

Идутъ товарищи, ведутъ мертвеца —

скоро, ужъ скоро домъ, вотъ удивять!

Ничего не замѣчаютъ, а мертвецъ сталь отходить, оживляться, самъ ужъ свободно идетъ, ничего не замѣчаютъ, на товарища думаютъ, котораго и слѣдъ простиль, будто его рука дѣло, ловко имъ помогаетъ.

Дальше да больше, чѣмъ ближе, тѣмъ больше, и ожилъ мертвецъ —

у, какой недовольный!

★ ★

Подвели его товарищи къ дому, въ сѣни вошли.

А тамъ играютъ, тамъ веселье — самый разгаръ, вотъ удивять!

— А Гришка-то сбѣжалъ, оробѣлъ, — хватились товарища, и самимъ стало страшно, думаютъ, поскорѣе втолкнуть мертвеца, да и уходитъ, — Гришка сбѣжалъ!

Открыли дверь, — вотъ удивятся! — хотятъ втолкнуть мертвеца, а выпростать руку и не могутъ, тянетъ за собой мертвецъ.

А правда, въ домъ перепугъ такой сдѣлался, — признали мертвеца — кто паль на землю, кто выскочилъ, кто въ столбнякъ, какъ былъ, такъ и сталъ.

Тянетъ мертвецъ за собой, и какъ ни старались — рвутся, изъ силь выбиваются, держить мертвецъ, все тѣснѣй прижимаетъ.

— Куда-жъ, — говорить, — вы, голубчики, отъ меня рветесь? Лежаль я спокойно, насилиу-то отъ Бога покой получилъ, обезпокоили меня, а теперь побывайте со мной!

Совсѣмъ какъ всѣ, говорить, только смотрить совсѣмъ не по нашему!

Нѣть, не уйти отъ такого, не выпустить, — совсѣмъ не по нашему!

★ ★

Собралось все село смотрѣть.

А эти несчастные ужъ и не рвутся, не отбиваются, упрашиваютъ мертвеца, чтобы освободиль ихъ, выпросталъ руки.

А онъ только смотрить, крѣпко держить, ничего не сказываетъ.

Сталъ народъ полегоньку отрывать ихъ отъ покойника, не тутъ-то, кричать не въ голову, что больно имъ.

Ну, и отступилъ народъ.

Отступилъ народъ, говорять, надо всѣхъ трехъ хоронить.

И видять несчастные, дѣло приходить къ погибели, заплакали, сильней умолять мертвеца стали, чтобы освободить ихъ.

А онъ только смотритъ, еще крѣпче держитъ, ничего не сказываетъ.

И два дня и двѣ ночи не выпускаль ихъ мертвѣцъ, а на третій день ослабѣли мертвѣцкія руки, подкосились мертвѣцкія ноги, да тѣло-то ихъ, руки-то ихъ съ мертвымъ, съ мертвѣцкимъ тѣломъ срослись — хоть руби, не оторваться!

И начали они просить у сосѣдей прощенья и у родныхъ.

Простились съ сосѣдями, простились съ родными.

И повели ихъ на кладбище съ мертвѣцомъ закапывать.

И такъ и закопали равно вмѣстѣ —

того мертвѣца не живого, а этихъ живыхъ.

БАЛАГУРЬЕ

ПЧЕЛЯКЪ

У пчеляка пчель было пропасть, тысячи пеньковъ стояло, а лошадь не водилась.

А у лошевода, его сосѣда, лошадей сколько хочешь — хорошіе кони, а пчель и въ заводѣ нѣтъ.

Разъ сосѣдъ съ сосѣдомъ и разговорились:

— Скажи, пожалуйста, почему у тебя лошадямъ водъ, а у меня нѣтъ?

А тотъ ему:

— Скажи ты, почему у тебя пчелы, а у меня нѣтъ, тогда и я скажу.

Разговоръ-то зашелъ мирно, да оба съ норовомъ — не уступаютъ.

Перекорялись, перекорялись, пчелякъ первый сдался:

— Изволь, я скажу.

И повель сосѣда на пчельникъ.

Привель въ избенку, положилъ меду полную тарелку, да въ подпечекъ и сунулъ.

И высаканула оттуда лягушка и ну медъ Ѳсть.

И все съѣла, всю тарелку до-чиста облизала.
Да опять назадъ все въ подпечекъ и отрыгнула.
И стало лягушку раздувать больше, да больше —
и стала лягушка съ быка.

— Полѣзай ей въ ротъ!
— Нѣть, не полѣзу! — испугался лошеводъ.
— Полѣзай, а то пропадешь!
— Не полѣзу.
— Не полѣзешь?

Пчелякъ за ножъ — колоть лошевода.

— Стой, — кричитъ лошеводъ, — теперь я скажу тебѣ, откуда у меня лошадямъ водъ.

Да скорѣе съ пчельника.

И повель пчеляка къ своему гумну.

★ ★

— Отчего жъ у тебя лошадямъ водъ?
— А оттого, что лошадушекъ моихъ кормлю:
по десяти фунтовъ муки замѣшиваю да полмѣры овса
даю.

— Этакъ-то я и безъ тебя знаю: еще бы ло-
шади не водились, коли ихъ кормить!

— А какъ же ты думалъ, что не кормя можно?

Ну, на это сказать нечего.

И ушелъ пчелякъ къ себѣ на пчельникъ.

КАБАТЧИКЪ

Кабакъ стоялъ на юру у оврага — оврагъ осипался и кабакъ чуть лѣпился на оврагѣ.

Въ народѣ много было толку о кабакѣ.

И странно, всѣ цѣловальники разсказывали одно и то же, будто въ полночь кто-то въ кабакѣ вино цѣдить; когда же зажигали свѣчку, видѣли въ родѣ хомяка — хомякъ бѣгъ отъ бочки и прямо подъ полъ, въ норку.

Кабакъ перестали снимать и даже даромъ — кабакъ стоялъ заброшенъ.

Одинъ пьянчужка промотался и попалъ въ большую крайность.

А былъ онъ человѣкъ семейный, не глупый и отчаянная голова.

Ему предложили кабакъ.

И онъ согласился:

все лучше, чѣмъ ходить изъ кабака въ кабакъ!

Въ первую же ночь цѣловальникъ заготовилъ свѣчку, спичекъ, положилъ топоръ на стойку, выпилъ полу-штофъ и завалился спать.

И слышитъ цѣловальникъ, кто-то цѣдить изъ разливной бочки, зажегъ свѣчку, топоръ въ руки, осмотрѣлся и — къ бочкѣ.

Видитъ, печати цѣлы и только кранъ полуотворенъ.

Постукаль топоромъ о бочку —

звукъ не тотъ, вина, стало быть, меньше!

Сорвалъ печать, накинулъ мѣрникъ —

такъ и есть: трехъ ведеръ, какъ и не бывало.

— Чортъ что ли отлилъ! Коли чортъ, покажись! Я чертей не боюсь: до чертиковъ не разъ допивался, не привыкать стать видѣть вашего брата!

И ужъ протакаяль такъ, какъ душѣ хотѣлось.

Подъ поломъ раздался трескъ —

стала половица поворачиваться и стало изъ-подъ пола дерево вырѣстать.

Все растетъ и растетъ — сучья, вѣтви, листья.

Все выше и шире, ужъ закрываетъ кабакъ, склонилось надъ головой.

Взмахнулъ топоромъ и ну рубить.

Вдругъ топоръ во что-то воткнулся — нѣть возможности сдвинуть:

чья-то рука удерживала топоръ.

— Пусти жъ! — цѣловальникъ не струсиль, — знаю, чортъ, пусти! Буду рубить!

И слышитъ, надъ самой головой кто-то тихо такъ и кротко:

— Послушай, товарищъ, не руби! Это — я.

— Да ты кто?

— Будемъ съ тобою друзьями, и ты будешь счастливъ.

— Да кто ты? Говори толкомъ? И топоръ пусти, выпить хочу.

— Ну, братъ, поднеси и мнѣ.

— Да какъ же я тебѣ поднесу, коли тебя не вижу!

— И никогда не увидишь... впрочемъ, когда прощаться буду, можетъ, покажусь.

— Правду говоришь?

— Да давай выпьемъ, потомъ и поговоримъ.

— Пусти жъ топоръ!

Топоръ высвободился.

Цѣловальникъ зашелъ за стойку, взялъ штофъ и хотѣлъ наливать.

— Послушай, товарищъ, — остановилъ его голосъ, — ты много не пей. Для насъ довольно и полу-штофа. Возьми вонъ тотъ, у него донышко проверчено, въ немъ вино хорошее, не испорчено еще.

— А ты откуда знаешь? Я самъ принималъ посуду: всѣ полу-штофы были цѣлы.

— А ты ходилъ отпускать вино-то мужику?

— Ходилъ.

— Тебѣ нарочно и подмѣнили полу-штофъ, чтобы напередъ узнать, будешь ли и здѣсь мошеничать.

Цѣловальникъ взялъ полу-штофъ, посмотрѣлъ на свѣтъ — и въ правду на днѣ дырка проверчена, воскомъ залѣплена.

— Ну, чортова образина, теперь ужъ я вѣрю, что ты чортъ.

— А ты не ругайся, друзьями будемъ. Угости лучше!

Цѣловальникъ налилъ два стакана — свой выпилъ, самъ скосился, что будетъ —

другой въ воздухѣ и опрокинулъся, будто его кто пилъ, и такъ сухо, что и капли не осталось, только кто-то крякнулъ:

— Ну, братъ, спасибо за угощеніе.

— Спасибо-то, спасибо, а ты мнѣ разскажи, кто ты.

— Разскажу потомъ. А теперь слушай: всякий день въ полдень и въ полночь ставь въ чело на заслонку стаканъ вина, да на меду лепешку. Этимъ я и буду кормиться. А ты себѣ торгуй. И не бойся ни повѣренныхъ, ни подсыльныхъ, я буду предупреждать: за версты узнаешь, кто ъдетъ и кто подосланъ. Ложись и спи. Да образовъ, пожалуйста, не ставь, да и молебны не служи. А какъ я отсюда черезъ годъ уйду — отъ кабака до кабака скитаюсь, вотъ я какой! — такъ и ты уходи, а то худо будетъ. Слышалъ?

— Слышалъ.

— Такъ и поступай.

Цѣловальникъ выпилъ еще стаканъ и легъ.

А дерево стало все меньше и меньше, ниже и ниже, и скрылось подъ поломъ.

И половица легла на старое мѣсто, какъ ни въ чемъ не бывало.

И свѣчка погасла.

На другой день былъ базаръ.

Цѣловальникъ по утру всталъ рано. Торговля открылась хорошая и онъ, полуписьманный, торговалъ цѣлый день, и ни въ чемъ не обсчитался.

Къ вечеру провѣрилъ выручку и смекнулъ, что лучше торговать и не придумаешь, а что ночью тотъ ему говорилъ, онъ все исполнилъ:

не забылъ угостить и въ полдень и въ полночь и виномъ и лепешкой.

Съ этого дня цѣловальникъ торговалъ всѣмъ на завись.

Никогда онъ не попадалъ подъ штрафъ, а продавалъ вино разсыропленное, онъ всегда зналъ, кто изъ повѣренныхъ пріѣдетъ къ нему за провѣркой, и былъ наготовѣ.

Диву давались его ловкости, а больше тому, что хоть и выпивалъ, но пьянъ не напивался.

Прошелъ годъ.

И вотъ въ годовую полночь, когда цѣловальникъ по обыкновенію спалъ себѣ мирно на стойкѣ, вдругъ услышалъ голосъ:

- Прощай, братъ, ухожу. Завтра и ты уходи.
- Ну, что жъ! ты мнѣ все-таки покажись.
- Возьми ведро воды и смотри.

Цѣловальникъ взялъ ведро, зажегъ свѣчу и сталъ смотрѣть на воду.

И увидѣлъ, прежде всего, себя —

ну лицо обыкновенное.

И долго только это одно и видѣлъ, инда въ глазахъ зарябило.

И какъ-то вдругъ съ лѣваго плеча увидѣлъ другое —
черномазый и, какъ мѣлъ, бѣлый, а въ щекахъ словно розовые листки врѣзаны.

- Видиши?

- Вижу.

Кто-то вздохнулъ и все пропало.

И всю ночь въ трубѣ былъ вопль и плачь.

Цѣловальникъ на утро не ушелъ, а какъ всегда, отворилъ кабакъ — хотѣлъ еще зашибить копейку.

Но попался: нагрянулъ повѣренный и оштрафовалъ.

Тутъ только онъ схватился и сейчасъ же сдалъ должность.

И ужъ больше не цѣловальникъ, купилъ онъ на награбленныя деньги постоялый дворъ, пересталъ пить и сдѣлался набожнымъ человѣкомъ.

МАГНИТЪ-КАМЕНЬ

Шелъ улицей старецъ по духовному дѣлу и по-
встрѣчалъ молодыхъ: парня съ молодой хозяйствой.

Заглядѣлся старецъ на молодуху —

сколько жилъ онъ на бѣломъ свѣтѣ, сколь-
ко видывалъ всякихъ, а такой не видѣлъ.

— Гдѣ, добрый молодецъ, ты такую красави-
цу вѣялъ?

— Богъ даль, дѣдушка.

— Можетъ ли это быть... Дай-ка я помолюсь,
дастъ ли?

— Дасть и тебѣ, дѣдушка.

Съ тѣмъ и попрощались.

Молодые пошли по своимъ дѣламъ, а старецъ по-
вернулъ въ свое скитное мѣсто.

И годъ молился старецъ, просилъ Бога дать ему
такую красавицу, какъ тому встрѣчному счастливому
парню.

А былъ старецъ великой вѣры и молитва его бы-
ла горяча и чиста и неустанна.

Случилось о ту пору, задумалъ царь царевну замужъ выдать и кликнулъ царь кличъ по всему царству, чтобы охотники ко дворцу явились смотрѣть царевну.

А была царевна такая красавица, краше ея и не было.

Дошелъ кличъ и до старца.

Въ послѣдній разъ помолился старецъ и вышелъ изъ своего скитнаго мѣста и прямо къ царскому дворцу.

Подходитъ къ воротамъ и просится въ палаты съ царемъ поговорить.

Доложили часовые, и велѣлъ царь пустить къ себѣ старца.

Паль старецъ передъ царемъ на колѣни.

— Что ты, дѣдушка? — спрашиваетъ царь.

А старецъ подняться самъ ужъ не можетъ — старъ очень.

Поднялъ его царь, усадилъ съ собой.

Отдышался стариикъ.

— Ну, что же ты, дѣдушка?

— Да вотъ наслышался про вашу дочку-царевну, свататься пришелъ. Отдадите или нѣтъ?

Слушаетъ царь, ушамъ не вѣрить.

Что за притча? Сперва-то даже страшно стало: не указаніе ли какое?

Сталъ разспрашивать старика,

откуда онъ и какой жизни?

И рассказалъ ему о себѣ старецъ, какъ отъ юности своей ушелъ онъ отъ міра и въ чистотѣ прожилъ въ скитскихъ трудахъ.

Видить царь, стариикъ жизни хорошей, и говорить ему:

— Послушай, Федосей, человѣкъ ты толковый, до такихъ лѣтъ дожилъ, дай Богъ каждому, самъ ты понимаешь, ну куда тебѣ жениться?

— А старикъ одно свое заладилъ и ничѣмъ его не собѣшь и никакимъ словомъ не остановиши:

 пришелъ царевну сватать да и только.

— Я съ дочери воли не снимаю, — говоритъ царь, — ступай къ ней: какъ она скажетъ, такъ и будетъ.

Простился старецъ съ царемъ и провели старика къ царевнѣ.

— Что тебѣ, дѣдушка, надо? — спросила царевна.

— Да вотъ сватать васъ пришелъ. Пойдете или нѣтъ?

Переглянулась царевна съ сестрами и говоритъ:

— Подумаю, — говоритъ, — выйдите на немного въ прихожую.

Вышелъ старецъ.

Стоитъ у двери, дожидается, а самъ думаетъ:

„Господи, неужели по молитвѣ моей не дастся мнѣ!“

И вспоминаетъ, какъ тотъ парень сказалъ:

„Дастся и тебѣ!“

А ужъ отъ царевны требуютъ.

— Ну, что, царевна?

— Я пойду за тебя, — говоритъ царевна, — дай только отсрочки съ добромъ справиться!

А сестры ея тутъ же стоятъ, смѣются.

— А на долго ль, царевна?

— На три года.

— На три года! Да я до той поры умру, царевна. Нѣтъ, либо нынче, либо завтра свадьба.

— Ну, хоть на два года, — просить царевна.

Старикъ не сдается.

— Ну, хоть на годъ!

— На три недѣли, царевна.

— Ладно, — согласилась царевна, — только такъ просто я за тебя не пойду, а достань ты мнѣ магнитъ-камень, тогда и пойду.

А сестры тутъ же стоять, смѣются.

Попрощался старецъ съ царевной и пошелъ себѣ изъ дворца.

Не то, что достать, а онъ съ роду родовъ не видывалъ, какой это магнитъ-камень.

Вышелъ старецъ въ чистое поле, стоять и повертывается на четыре стороны.

— Господи, даешь мнѣ царевну, а гдѣ я магнитъ-камень найду?

И видить, въ сторонѣ лѣса чуть огонекъ мигаетъ.

И пошелъ на огонекъ.

Шель, шель, — а тамъ келейка стоять.

Постучалъ —

не отзываются.

Отворилъ дверь —

нѣтъ никого.

И вошелъ въ келейку, присѣлъ на лавку, сидить и думаетъ:

„И гдѣ же это я магнитъ-камень найду?“

И отвѣчаетъ ему ровно бы человѣчымъ голосомъ:

— Эхъ, Федосей, выпусти меня, я тебѣ магнитъ-камень достану.

— Кто ты?

— Все равно не поймешь, зачѣмъ тебѣ.

— Гдѣ же ты сидишь?

— Въ рукомойникѣ. Выпусти, пожалуйста!

Старикъ думаетъ:

чего же не выпустить, коли магнитъ-камень достанетъ!

Да насили отыскалъ рукомойникъ: отъ старости-то очень глазами слабъ сталъ.

И выпустилъ —

словно что-то выскользнуло — —
не то мышь, не то гадъ.

А бѣсь разлетѣлся съ гуся и улетѣлъ.

„Ну, — хватился старецъ, — чего это я надѣлалъ!“

А ужъ тотъ назадъ летить —
и камень въ лапахъ.

— Вотъ тебѣ, получай!

Осмотрѣлъ старецъ камень, потрогалъ —
вотъ онъ какой магнитъ-камень!

А самъ себѣ думаетъ:

„Какъ же такъ, освободилъ нечистую силу, и за то въ отвѣтѣ буду!“

И говорить бѣсу:

— Вотъ ты такой огромный, гусь, а залѣзъ въ такую малую щелку?

А бѣсь говорить:

— Да я, дѣдушка, какимъ хочешь могу сдѣлаться!

— Ну, сдѣлайся мушкой.

И вотъ изъ гуся сталъ бѣсь вдругъ мухой, самой маленькой мушкой.

Старецъ инда присѣлъ:

не упустить бы!

— Пожужжи!

Бѣсь пожужжалъ.

— Ну, полѣзай теперь на старое мѣсто, а я посмотрю, какъ это ты туда полѣзешь.

Тотъ, съ дуру-то и влѣзъ.
Влѣзъ, а старецъ его и зааминилъ.

Не съ пустыми руками, съ камнемъ — съ магнитомъ-камнемъ пришелъ старецъ къ царевнѣ.

— Вотъ тебѣ, царевна!

И показываетъ камень.

Посмотрѣла царевна:

магнитъ-камень!

— Ну, стало быть, судьба, собирайся вѣнчаться.

А старецъ и говоритъ:

— Нѣтъ, царевна. Куда мнѣ? Я годъ молился. Я только Господа исповѣдалъ. И теперь вижу и больше мнѣ ничего не надо. Прошай царевна.

И пошелъ въ свое скитное мѣсто —

доживать въ трудахъ послѣдніе дни.

СПРЫГЬ-ТРАВА

Затѣялъ одинъ дошлый на Ивана-Купалу спрыгъ-
траву искать —

цвѣтъ купальскій.

Извѣстно, и сами морголютки неладные и тѣ тогда
ладно жить съ тобой будутъ!

Вымылся онъ въ банѣ, надѣлъ чистую рубаху, до-
сталъ бѣлый платокъ, да съ платкомъ, какъ стемнѣло,
и пошелъ въ лѣсъ.

И въ лѣсу тамъ на полянѣ очертилъ три круга,
разостлалъ подъ папоротникомъ платокъ, присѣлъ,
ждеть, что будетъ.

Вотъ слышитъ шумъ по лѣсу, трескъ — какіе-то
звѣри дерутся — а тамъ стукъ, чего-то дѣлаютъ — и
словно земля вся начинаетъ кончаться.

И вдругъ набѣжалъ вихорь страшный —
приблизилась полночь.

И ровно въ полночь тихо расцвѣлъ папоротникъ —
какъ звѣздочка.

И стали цветки на платокъ падать — и насыпало
много —
какъ звѣздочки.

Тутъ зря зѣвать не годится, завязалъ онъ цветы
въ узелокъ, но только что ступилъ, откуда ни возьмись
медвѣди, начальство —

саблями такъ и машутъ.

— Брось, — кричать, — а то голову долой!

И за руки хотятъ схватить.

И вдругъ война началась, такая пошла рѣзня —
бѣда!

Изъ пушекъ палять, раненые валятся.

— Изъ-за тебя проливаемъ кровь, брось!

И появилась высокая каменная стѣна, и воткнуты
въ стѣнѣ копья прямо передъ глазами —

того и гляди выколютъ глазъ.

И стала земля проваливаться.

И остался онъ на одной кочкѣ.

Все водой заливаетъ — буря страшная, волны такъ
и хлещутъ.

Снѣгъ пошелъ.

Тонеть народъ, кричать:

просить бросить цветокъ.

— А то, — кричать, — измаялись наши душеньки!

И вдругъ видить, запылала деревня, и домъ свой
видить — горить —

и какіе-то черные съ крючками топочутъ
вокругъ.

— Не пускай!

— Не пускай его!
— Пускай горить!

А вѣтеръ такъ и воетъ, подкидываетъ бревна, не-
сеть головни, вся земля горить.

Ни живъ, ни мертвъ, дрожкой дрожитъ, а дер-
житъ узелокъ, не выпускаеть изъ рукъ — будь что
будеть!

А они, черные, ужъ такъ и этакъ стараются до-
стать его:

крючки закидываютъ — —
Да не могутъ — за кругомъ стоять.

И разсвѣло.

Солнце взошло.

Слава Богу миновалось!

Онъ и пошелъ изъ лѣсу. —

а лѣсь зеленый, птицы поютъ — заслу-
шаешься.

Шелъ, шелъ, — узелокъ въ рукахъ держитъ.

Вдругъ слышитъ —

позади кто-то ёдетъ.

Оглянулся —

катить въ красной рубахѣ и на него.

Налетѣль на него, да какъ жиганеть со всего
маху —

узелокъ изъ рукъ и выпалъ.

Смотрить — ночь какъ была ночь.
И нѣтъ ничего, одинъ бѣлый платокъ подъ па-
поротникомъ лежитъ.
А самъ онъ, какъ есть, мокрый:
купальская росная была ночь.

КЛАДЪ

Лоха былъ большой любитель до всякихъ кладовъ.

И былъ у Лохи товарищъ Яковъ, тоже подъ стать Лохѣ.

Оба частенько на Лыковой горѣ рылись, но ничего никогда не находили.

Кладъ — съ зарокомъ.

И нерѣдко кладется такой зарокъ:

тотъ кладъ добудеть, кто не выругается
некоршимъ словомъ!

А русскому человѣку нешто удержаться?

Ну, кладъ и не дается.

Пошелъ Лоха за грибами на Лыкову гору, набралъ груздей, спустился съ горы, дошелъ до родничка и присѣлъ отдохнуть.

А было это передъ вечеромъ, уморился Лоха съ груздями, сидѣть такъ — хорошо ему у родничка, отдыхаетъ.

И видитъ Лоха —

товарищъ его Яковъ съ сухими лутошками
мѣдетъ.

— Куда, братъ, мѣдешь?

— Домой.

— Возьми меня!

— А садись на заднюю-то лошадь.

Яковъ на парѣ въ разнопряжку тѣхаль съ двумя
возами.

Лоха повѣсили себѣ на шею лукошко съ груздями,
усѣлся, погоняется лошадь.

— Кумъ, — говоритъ Яковъ, — поѣдемъ ко мнѣ
горохъ есть. Василиса нынче варила. Ужъ такой, что
твоя сметана.

— Поѣдемъ, кумъ.

Пріѣхали къ Якову, распрягли лошадей.

Яковъ впередъ въ избу пошелъ, Лоха за нимъ.

Вошелъ Лоха въ сѣни, дверей-то въ избу и не
найти.

Кричать — а никто голосу не подаетъ.

Вотъ онъ лукошко на землю поставилъ и сталъ
шарить дверь —

бился, бился — нѣту двери.

Началь молитву читать, а дверей все нѣть.

И молитва не помогаетъ.

Такъ руки и опустились.

★ ★

И увидѣлъ Лоха вдали свѣтъ чуть пробивается —
и будто въ кузницѣ кузнецы куютъ.

Поднялъ онъ съ земли лукошко и пошелъ на свѣтъ.

Шелъ, шелъ, дошелъ до желѣзной двери.

Отворилъ дверь —

тамъ длинный-предлениный подземный ходъ,
а справа и слѣва очаги и наковальни, и
кузнецы стоятъ.

Кузнецы большіе, въ бѣлыхъ, какъ кипень, одеждахъ.
И у каждого очага по три кузнеца:

одинъ дуетъ мѣхами,
другой раскаливаетъ желѣзо,
третій куетъ.

Подошелъ Лоха къ первымъ кузнецамъ
куютъ лошадиные подковы.

— Богъ помочь вамъ, кузнечики.

Молчатъ.

Онъ къ другимъ — шины кують.

— Богъ помочь, кузнечики!

Молчатъ.

Онъ къ третьимъ — кують гвозди.

— Богъ помочь!

И эти молчатъ, только смотрять на него.

Ну, онъ дальше —

дальше кують у каждого горна все раз-
ные вещи.

Онъ ужъ ни съ кѣмъ ни слова.

И далеко прошелъ — уставать сталъ.

И вотъ откуда-то изъ побочнаго хода появился
будто какой приказчикъ, распорядитель ихъ главный,
въ кожаной курткѣ, самъ смуглый, ловкій такой парень.

— Какъ ты, — говоритъ, — Лоха, попалъ
сюда? Что тебѣ надо? Денегъ? Пойдемъ, я тебѣ
ихъ покажу.

— Нѣть, родимый, — Лохѣ ужъ не до денегъ,
— ты меня лучше выпроводи отсюда, запутался я.

— Ну, вотъ еще! Я тебѣ напередъ покажу,
а потомъ и на дорогу выведу. Пойдемъ.

И пошелъ водить Лоху по разнымъ ходамъ между
кузнецами:

то въ тотъ переулокъ, то въ другой —

Такъ заводилъ, такъ замаяль, могуты не стало. —

— Богъ съ тобой, съ твоими деньгами. Вы-
пусти! — запросился Лоха.

— Сейчасъ!

Да знай себѣ ведеть, не остановится.

Наконецъ-то подвель къ подвалу, повернуль ключъ
въ двери, отворилъ дверь —

тамъ желѣзная лѣстница, весь подвалъ
фонарями освѣщенъ и полонъ золота, се-
ребра, мѣди, желѣза, стали и чугуна.

И все, какъ жарь, горитъ.

— Видиши, Лоха, богатъ-то я какъ! Хочешь
золота, хочешь серебра? Бери сколько хочется.

— Да куда мнѣ, родимый? Отпусти! Мнѣ
и взять-то не во что.

— Да вотъ голицу-то насыпай.

— Не донести мнѣ.

— А ты отъ онучъ веревки отвяжи, да и пе-
ревяжи рукавицу-то.

Лоха соблазнился:

ужъ очень красно золото!

Насыпалъ рукавицу золотомъ, а другую тотъ на-
сыпалъ.

— Довольно, что ли?

— Спасибо, родимый. Дай тебѣ Богъ здо-
ровья на много лѣтъ.

— Ну, что тамъ! Благодарить не за что. А ты вотъ что, ты съ Яковомъ хлѣба намъ привези. Видѣль, сколько у меня работниковъ, такъ ихъ всѣхъ на-кормить изволъ. Да, смотри, привези печенаго, намъ мукой-то не надо!

— Когда жъ тебѣ, родимый?

— Да вотъ какъ первый урожай будетъ.

— Постараюсь, родимый.

— Не забудь же.

И повель, вывелъ его изъ подвалу да по коридорамъ, и къ какой-то трещинѣ.

Тутъ и сталъ.

— Видиши, Лоха, свѣтъ?

— Вижу.

— Иди на него.

Лоха и пошелъ на свѣтъ-то —

И чувствуетъ, что на воздухъ вышелъ.

Осмотрѣлся — что за чудеса! — сидить онъ у родничка, гдѣ отдыхать сѣль.

И лукошко его съ груздями, какъ поставилъ, такъ и стоить.

Взглянуль подъ ноги, —

а у ногъ его голицы связанныя.

Пощупалъ — деньги.

Себѣ не вѣрить, развязалъ малость, запустилъ руку — золото.

Темно было, чуть заря.

Поднялся Лоха, вытряхнулъ изъ лукошка грибы, положилъ въ лукошко голицы съ золотомъ, прикрылъ травой и пошелъ себѣ по дорогѣ.

Да улицами-то не шелъ, а съ задняго двора и
прямо къ себѣ въ амбарушку.

Разсвѣтало ужъ.

Вынуль онъ изъ лукошка голицы, да не развязывая
въ коробъ,

коробъ на замокъ.

И вошелъ въ избу.

★ ★ *

— Гдѣ это ты пропадалъ столько? — спра-
шивается жена.

— Да чего, въ лѣсу запутался.

— Всѣ тебя, все село, три дня искали, думали,
безъ вѣсти пропалъ. Эко дѣло какое съ тобой случилось!

Поговорили, поговорили, дали поѣсть.

Сильно проголодался Лоха, поѣль всласть, да
опять въ амбарушку.

Легъ тамъ подъ коробомъ и заснуль.

★ ★ *

И видить онъ, явился къ нему тотъ самый распо-
рядитель кузнечный въ кожаной курткѣ, и говорить:

— Ни Боже мой, никому не говори, что ты у
меня былъ и золота взялъ. Откроешь, худо тебѣ будетъ!

★ ★ *

Лоха не только что говорить или кому показывать,
а съ опаски ужъ и самъ, какъ положилъ голицы въ
коробъ, такъ хоть бы разъ посмотрѣлъ —

какое тамъ у него въ коробу золото лежитъ.

Въ амбарушку пройдетъ понавѣдаться, коробъ осмотритъ, да назадъ въ избу.

И, должно быть, замѣтили люди, что Лоха въ амбарушкѣ что-то прячетъ — что-то таитъ — о чёмъ-то помалкиваетъ.

Разъ пришелъ Лоха въ амбарушку, хватъ, а короба-
то и нѣть, —

украли!

Украли его коробъ, нѣть золота, нѣть его клада!

кто же укралъ?

никто, какъ Яковъ кумъ.

Лоха объявили подозрѣніе на Якова.

Стали Лоху допрашивать, гдѣ Лоха золотые взялъ,
онъ и открылся — забылъ наказъ! — все разсказалъ
и про кузнецовъ и про золото.

И вернулся Лоха домой съ допроса, заглянуль въ
амбарушку.

Постояль, потужилъ, пошелъ въ избу.

Тоскливо ему было.

Прилегъ на постель, лежитъ —
ой, тоскливо!

И чувствуетъ Лоха:

ни рукой ему двинуть,

ни ногой пошевельнуть,

хотѣль покликать, а языкъ не ворочается.

Такъ и остался.

А какой былъ-то! — одно слово, Лоха.

ПЕСЬ-БОГАТЫРЬ

Былъ одинъ охотникъ — лѣсной человѣкъ.

Шайками на охоту Пришвинъ не любилъ ходить —
былъ у него вѣрный пёсъ, непростое ружье.

Благословилъ его ружьемъ лѣсникъ-колдунъ, какъ
помирать пришелъ часъ старику, а пса разжился у зна-
комаго отъ злой сучки.

И не мало заботъ ему было со псомъ.

Годъ растилъ щенка въ погребѣ, караулъ держаль —
пронюхали звѣри, что будетъ пёсъ-богатырь, и сколь-
ко подкапывались зубомъ къ погребу, утащить хотѣли
пёсика, звѣрь это все понимаетъ! — уберегъ отъ звѣрей:
и вышелъ пёсъ ему вѣрный, а злой — въ
матъ.

Вѣрный пёсъ, непростое ружье — куда хочешь.

И ночью надѣжно.

Случилось Пришвину подъ Егорьевъ день заноче-
вать въ лѣсу

---- подъ Егорьевъ день жутко въ лѣсу!

Расклалъ онъ огонекъ, давай на огнѣ сало печь.
И слышить, голосъ въ лѣсу —

такъ пастухъ днемъ скотину пасеть, кнутомъ хлопаетъ.

Кнутомъ кто-то хлопаетъ, инда по лѣсу отголосокъ идетъ.

Прислушался: кому бѣ это быть?

А ужъ трескъ пошелъ и близко, все ближе къ огню.

И стали одинъ за другимъ выходить къ огню волки — подойдеть волкъ и ляжетъ къ огню.

Такъ и идутъ гужомъ, какъ скотъ дружный — съ поддесятыни кругомъ огня мѣсто заняли:
все волки.

А за сѣрыми пошли бѣлые —
начальство волчinoе.

И съ бѣлыми на бѣломъ конѣ самъ Егорій.
— Добрый ночлегъ тебѣ, охотникъ! — сказа-
заль Егорій.

Догадался Пришвинъ: вѣрно, самъ Егорій на бѣломъ конѣ среди бѣлыхъ волковъ — по его повелѣнію и волки пришли!

Поклонился Пришвинъ Егорію.

— Вотъ вы, храбрый Егорій, сказали: добрый ночлегъ! А думаю такъ, ненаровчатый этотъ попалъ мнѣ ночлегъ, съ роду мнѣ случая не было такого — по такому табуну волковъ видѣть.

— А не нужно было подъ Егорьевъ день но-
чевать на охотѣ! Мнѣ завтра праздникъ!

Глядитъ Егорій строго.

Ну, Пришвинъ и замолчалъ.

Самъ понимаетъ: не нужно было ему въ лѣсъ ходить на охоту подъ такой праздникъ! — противъ ничего не скажешь, провинился.

А пёсъ Знайко бурчить и бурчить.

— Да что твоему псу нѣту покоя, бурчить и бурчить?

Строго глядѣть Егорій.

— Какой тутъ покой! Вѣдь все пёссы губители, вотъ онъ и сердится! — потрепалъ Пришвинъ своего вѣрнаго пса.

— А бывали когда случаи, чтобы пёсъ твой съ волками боролся?

Строго глядѣть Егорій.

— Какъ не бывать, случалось: и трое и четверо нападало на пса, да онъ имъ не поддавался, Знайко-то!

И стало не по себѣ Пришвину, чуеть — лѣсной человѣкъ! — будеть бѣда.

— А ну-ка, вели ему съ двумя моими волками побороться! — сказалъ Егорій.

И жалко Пришвину пса и ничего не подѣлаешь, согласился — перечить нельзя! — согласившись.

— Что жъ, — говоритъ, — пускай поборются.

Ну, Знайко долго съ волками не ворызгался — у Знайки клыки вершка по три торчали —

крянулъ пёсъ клыками одного волка —
крянулъ другого.

Чуть живые побѣжали волки прочь отъ стану.

— Ишь, какой злой, знать, и пятерымъ не поддастся!

И повелѣлъ Егорій пяти волкамъ со псомъ драться.

Пять волковъ напустились на Знайку.

А Знайко еще ярѣй сталъ и сердитѣй —

трехъ такъ и кончилъ,
а двумъ перервалъ шарики.

Семь ужъ звѣрей перерѣзано — семь волковъ.

А псу ничего — ничего не вредилось.

— Десять волковъ напуши.

И по слову Егорія кинулись волки на Знайку —
десять волковъ.

Да не тутъ-то —

какъ пятерыхъ, такъ и этихъ кончилъ пёсъ.

А самъ невредимъ остался.

— Нѣтъ, охотникъ, — сказалъ Егорій, — ужъ теперь и мнѣ своихъ звѣрей жалко. А свяжи-ка ты пса!

И связалъ Пришвинъ Знайку, ослушаться не посмѣль, связалъ своего вѣрнаго пса:

переднія ноги и заднія.

И тогда бросились волки на Знайку — стали грызть связанного пса.

И загрызли до смерти.

А сколькихъ порѣзали пёсъ, сколькихъ раниль волковъ и вотъ покончили пса!

Загореваль Пришвинъ.

— Вы, — говорить, — святой угодникъ, а поступили беззаконно: зачѣмъ приказали мнѣ связать моего пса!

— Правда, незаконно я поступилъ, — отвѣтилъ Егорій, — я за то тебя наказываю, что не долженъ ты быть подъ мой праздникъ ночевать на охотѣ. Я надѣлъ звѣрями пастырь! По моему повелѣнію рѣжутъ звѣри скотину. И вотъ я со своимъ стадомъ и настигъ тебя, чтобы наказать.

Поднялись волки и пошли отъ огонька — одинъ за другимъ —

пошли волки гужомъ, какъ скотъ дружный.

А за сѣрыми бѣлые — начальство волчinoе.
И среди бѣлыхъ на бѣломъ конѣ отѣхалъ Егорій.

Прошла ночь, погасъ огонекъ, стало свѣтать.
И пошелъ Пришвинъ домой, одинъ, безъ своего
вѣрнаго пса.

И приснился ему его Знайко, будто говорить ему
Знайко:

„Эхъ, хозяинъ, Михайло Михайловичъ, было
бѣ тебѣ не вязать мнѣ всѣхъ ногъ: не поддались бы
мы и всему стаду Егорьеву, мы прошли бы лѣса, всѣ
пути, никакихъ звѣрей не боялись! Эхъ, хозяинъ!“

Проснулся Пришвинъ, еще тоскливѣе стало:
было бѣ ему не вязать всѣхъ ногъ Знайкѣ!
— Эхъ, пёсъ мой вѣрный!

Да такъ затосковалъ, такъ затосковалъ, что отъ
тоски отсталъ отъ всякой охоты.

Л Е Т У НЪ

Былъ одинъ охотникъ Архипъ.

Самъ сивый, лобъ бараній, усы котовы, а глазъ круглый птичій —

на звѣря и птицу слово зналъ.

И какъ войдетъ, бывало, Архипъ съ ружьемъ въ поле либо въ лѣсъ — помолится, поклонится, покурлычить, а ихъ ужъ видимо-невидимо звѣрей всякихъ —

и текутъ и брызжутъ,
и мечутся и скачутъ,
съ отцами, матерями,
со всѣмъ родомъ-племенемъ,
со всѣмъ заячымъ причетомъ,
безоглядно, безразлучно,
безотмѣнно, безповоротно,
шибко и прытко,
бѣлые, красные,
черные, бурнастые,
разношерстные, разнокопытные,
рыси, россомахи —
весь подубравный звѣрь.

Глядь, — ловушки и ставушки, тенёта и опутины
верхъ полны:

тамъ который прилѣпился головкою, тамъ задѣль ножками либо хвостикомъ, а тамъ всѣмъ крыломъ влѣзъ.

Ельникъ, рѣчка, водотопина были Архипу въ честь и радость. И помогали ему, какъ свой братъ, подземные жилы, тайные ключи, поточины.

Вотъ и стала раздумывать Архипъ, какъ бы ему на небо попасть — поглазѣть на Божью небесную тварь —

на солнце, луну, на мелкія часты-звѣзды и на планеты.

Поднялся Архипъ со свѣтомъ, помолился на восходъ красна-солнца, на закатъ свѣтла-мѣсяца, на тихую зарю утреннюю и вечернюю и пошелъ въ лѣсъ.

Вырубилъ онъ лѣсину, стала строгать стружки.

Строгаль, строгаль, настрогаль большой костеръ, закрылъ мокрой рогожей, зажегъ стружки.

Загорѣлись стружки, Архипъ сталъ на рогожу:

— жаромъ его вверхъ подымать будетъ, онъ и полетитъ! — такъ держалъ въ умѣ Архипъ.

Его и стало подымать вверхъ на воздухъ — на вышнія небеса дальше и дальше.

И летить ужъ онъ безъ шапки въ одномъ сапогѣ — перетерялъ дорогою! —

летить онъ, какъ стрѣла изъ тугого лука, какъ молнія изъ облачной гряды.

Летѣль, летѣль Архипъ, а какъ остановился да осмотрѣлся:

земля-то въ родѣ Божьей коровки — та-
кая она маленькая, не видать земли!
Вотъ на какую угодилъ Архипъ высоту.

Ну, и ходить Архипъ по небесамъ.

Туда ткнется, сюда сунется — народу никакого
нѣть, и однѣ-то звѣзды надъ тихой водой —
тихо-чистыя теплются,
поють божественное.

Прожилъ недѣлю Архипъ, скучно стало — земли
не видать:

безъ земли-то человѣку скучно!

И ходилъ онъ, ходилъ по небесамъ, нашель ве-
ревку.

И видѣть: много накладено ея на облакахъ и безъ
всякаго присмотру.

Думаетъ себѣ:

„Свяжу веревку, спускать буду, до земли хватить!“

И спустилъ всю веревку, привязалъ за дерево —
большое стояло, безъ корня, безъ листьевъ,
а дерево.

И сталъ спускаться.

Спускался Архипъ, спускался и такой вышелъ грѣхъ:
кончилась веревка — на полверсты не
хватаетъ, не больше.

А вѣтеръ свистить, качаетъ —
носить его надъ долиною,
носить его надъ горами.

Понесеть надъ долиною — всѣ города, всѣ деревни видны.

И кричить Архипъ, да кому услышать!

А и услышать, чай за ворону примутъ!

Вотъ несетъ его вѣтеръ надъ гладкимъ мѣстомъ.

„Развяжу-ка я узель!“ — думаетъ Архипъ.

Летавши-то, измызгаешься и не такое въ голову полѣзеть.

И развязалъ —

только уши запѣли.

И угодиль Архипъ прямо въ дряпъ по грудь и съ руками.

Вылѣзть не можетъ.

★ ★

Прокатилось весеннее время, налетѣли разныя птицы, прилетѣль и лебедь.

Видѣть лебедь на болотѣ сѣно.

А у лебедя извѣстно: гдѣ бы ни нашелъ кусочекъ, тутъ и гнѣздо дѣлать.

Принесъ лебедь съ берега землицы, огладилъ лапками кочку — Архиповы-то волосья лебедь за кочку принялъ! — яйцо положилъ, другое, третье, и началъ пѣрить.

А волкъ-волчище ужъ чуеть лебяжье гнѣздо, только попасть не можетъ.

Подкараулилъ волкъ, когда лебедя не было, яйца лебяжки сѣль, гнѣздо разворотилъ и разсѣлся по нужному дѣлу, сѣрый.

Архипъ какъ зубомъ цапъ его за хвостъ.

Волкъ какъ прыгнетъ —

изъ дряпа Архипа и выдернуль.

★ ★

Такъ Архипъ и вышелъ.

— Нѣтъ, ребята, — сказываетъ, — не нужно на небо летать: тамъ та-акое!

И съ тѣхъ поръ, словно на смѣхъ, какъ прикатится весеннее время, глядь, а ужъ который-нибудь охотникъ рубить лѣсину, строгаетъ стружки, раздуваетъ костеръ, тяпъ-да-ляпъ —
полетѣлъ!

Конечно, безъ земли человѣку скучно, да охота пуще неволи:

хочется поглазѣть человѣку на Божью небесную тварь — на солнце, луну, на мелкія часты звѣзды и на планеты.

МУЖИКЪ-МЕДВѢДЬ

Жилъ въ лѣсу лѣсникъ, стояла у лѣсника въ лѣсу избушка:

днемъ лѣсникъ въ лѣсу ходилъ,
вечеромъ на ночлегъ въ избушкѣ хоро-
нился.

Мѣсто было глухое: ни дороги, ни пути, да и не заходилъ никто въ такія дебри и чащи.

И вотъ приходитъ къ лѣснику медвѣдь и прямо, не спросяясь, идетъ за печку и тамъ разсаживается, какъ свой.

Лѣсникъ не робкаго десятка, а струхнулъ не на шутку:

стрѣлять не смѣеть.

А медвѣдь все сидить, не уходитъ.

Сготовилъ лѣсникъ ужинъ, Ѳеть захотѣлось. По-
ѣль самъ, далъ и медвѣдю.

Накормилъ медвѣдя. Легли спать.

И спали ночь мирно.

По утру собирается лѣсникъ въ лѣсъ, а медвѣдь изъ избушки на волю.

И опять лѣсникъ самъ заправился и медвѣдя по-
потчевалъ.

Вышелъ медвѣдь изъ избушки, ничего не сказалъ, только поклонился лѣснику до земли низко.

Лѣсникъ пошелъ въ одну сторону, медвѣдь въ другую.

Въ крещенскую ярмарку пріѣхалъ лѣсникъ въ го-
родъ.

И вотъ одинъ богатыи приказчикъ зазвалъ его въ
трактиръ съ собой и ну угощать.

И такъ его угощалъ, что лѣсникъ отъ удоволь-
ствія даже имя свое крещеное запамятовалъ.

И спрашиваетъ лѣсника приказчикъ:

— Можешь ли ты знать, за что я тебя уго-
щаю?

— Не могу знать, — отвѣчалъ лѣсникъ.

Приказчикъ ему и говорить:

— А помнишь, какъ я у тебя ночь ночеваль?

— Когда ты ночеваль?

— А былъ ты въ своей избушкѣ въ лѣсу и
пришелъ къ тебѣ медвѣдь. Я самый и есть медвѣдь.

— Какъ такъ медвѣдь?

— Да такъ — медвѣдь. Если бы ты взялся
тогда за ружье, я бы тебя сѣвѣлъ. Три года — три
весны ходилъ я въ шкурѣ медвѣдемъ: люди испортили
— обратили меня въ медвѣдя.

Лѣсникъ чуть ума не рѣшился.

А потомъ ничего — отошло.

Вернулся лѣсникъ въ лѣсъ въ свою лѣсную из-
бушку и сталъ себѣ жить да поживать здорово, хорошо.

И ужъ ничего не боялся.

Заяцъ ли усатый забѣжитъ въ избушку, россомаха
ли — всѣ за гостей, всѣ какъ свои:
милости просимъ!

ВОШИНЫЕ БАШМАЧКИ

Жиль-былъ царь съ царицей, и была у нихъ дочь царевна Курушка.

Какъ-то стали у царевны въ головѣ искать, вошку и нашли.

Положили вошку на овцу —

сдѣлалась она съ овцу.

Съ овцы положили на барана —

сдѣлалась она съ барана.

Тутъ царь приказалъ убить вошь и выдѣлать шкуру.

А изъ шкуры сшили Курушкѣ башмачки.

И далъ царь по всѣмъ государствамъ знать:

— Кто отгадаетъ, изъ какой кожи башмачки у царевны, за того замужъ отдамъ.

Попрѣзжали царевичи, королевичи.

Кто скажетъ: козловые.

Кто: сафьянные.

Никто не можетъ отгадать.

Узналъ колдунъ Цапарь, пришелъ и объявилъ:

— У Курушки царевны башмачки вошины!

Надо царю слово сдержать
Назначили свадьбу.

Гореваль царь:

страшенъ колдунъ Цапарь, какъ скрыть
царю отъ колдуна любимую дочь?

И придумалъ царь:

посадить царевну на козла, увезти ее
прочь, будто съ сѣномъ козель.

Вотъ поставили столы, за столъ поставили клюку,
нарядили клюку царевной —
ну, ровно царевна!

Вотъ єдетъ на свадьбу колдунъ, а козленокъ на-
встрѣчу.

— Козликъ, козликъ, дома ли Курушка ца-
ревна? — спрашивають поѣзжане.

— Дома, дома, васъ, гостей, давно къ себѣ
ждеть.

И другая лошадь єхала — спрашивали.

И третья — спрашивали.

И самъ Царь — спрашивалъ:

— Козликъ, козликъ, дома ли Курушка царевна?

— Дома, дома, васъ, гостей, давно къ себѣ
ждеть.

Такъ и проѣхали.

А козликъ съ царевной дальше помчался.

Цапарь пріѣхалъ къ царскому двору, выговариваетъ?

— Что же ты, Курушка, что же ты, царевна, не встрѣчаешь меня, не кланяешься?

Да въ горницу.

А въ горницѣ стоитъ за столомъ обряженная —
не кланяется.

Ближе подошелъ Цапарь —
все отвѣта нѣть.

Да какъ бросится —
клюка и упала.

Обмануть Цапарь!

Надули колдуна!

Сталь Цапарь разыскивать царевну, весь дворецъ обошелъ —

нигдѣ не можетъ найти.

Догадался и поѣхалъ въ погоню за козломъ вслѣдъ.

Говорить царевна:

— Козликъ, козликъ, припади къ матери сырой землѣ: не єдетъ ли Цапарь за нами?

— Ёдетъ, єдетъ, єдетъ и близко есть.

Царевна бросила гребень:

стань лѣсь непроходимъ,
чтобы не было птицѣ пролету,
звѣрю проходу,
Цапарю проѣзду,
впереди меня будь торна дорога
широкая!

Цапарь пріѣхалъ — Цапарю застава — лѣсь.
Склинуль Цапарь всю чертячью силу;
навезли топоровъ, пилъ,
сѣкли, рубили, просѣкали дорогу.
Расчистили дорогу и опять Цапарь погнался за
Курушкой.

Нагоняеть царевну.

— Козликъ, козликъ, припади къ матери съ-
рой землѣ: не ъдетъ ли Цапарь за нами?

— Ъдетъ, ъдетъ, ъдетъ и близко есть.

Царевна бросила кремень:

стань гора непроходимая до неба,
чтобы не было птицѣ пролету,
звѣрю проходу,
Цапарю проѣзду,
впереди меня будь торна дорога
широкая.

Гора и стала.

Склинуль Цапарь всю чертячью силу.

Стали сѣчь да рубить.

Просѣкли дорогу.

И снова погнался Цапарь за царевной.

— Козликъ, козликъ, припади къ матери съ-
рой землѣ, не ъдетъ ли Цапарь за нами?

— Ъдетъ, ъдетъ, ъдетъ и близко есть.

Царевна бросила огниво:

стань огненна рѣка,
чтобы не было Цапарю проѣзду!

Пріѣхалъ Цапарь — нѣтъ проѣзду — горитъ рѣка.
Кричитъ Цапарь царевнѣ:

— Брось мнѣ, царевна, твои башмачки, я —
Цапарь, я не возьму тебя замужъ.

Царевна бросила башмачки.

Сѣль Цапарь и поплылъ.

И доплылъ до середки рѣки — и утонулъ.

А Курушка царевна поѣхала въ другое царство и
тамъ вышла замужъ за морского разбойника.

ЖАДЕНЬ-ПАЛЬЦЫ

Были три сына. Жили они съ матерью со старухой.
Жили они хорошо, и добра у нихъ было много.

Старуха мать души не чаяла въ дѣтяхъ.

Только и думы у старой, что о дѣтяхъ —

чтобы было имъ жить поспокойнѣй, по-
богаче, повеселѣе!

И задумала старуха — помирать вѣдь скоро! —
захотѣлось матери еще при жизни благословить доб-
ромъ сыновей, добро раздѣлить —
каждому дать его часть.

И раздѣлила мать добро свое поровну всѣмъ — все
сыновьямъ отдала, а себѣ ничего не оставила.

Что ей добро, богатство, зачѣмъ оно ей на ста-
рости лѣтъ — помирать вѣдь скоро! — какъ-нибудь вѣкъ
доживеть, не оставлять, небось, любимыя дѣтки, дадутъ
ей уголъ доживать свой вѣкъ.

Сыновья получили добро — не разошлись.

Всѣ вмѣстѣ дружно остались жить, какъ напередъ
вмѣстѣ жили.

Только матери старухи ужъ никому теперь не надо.
Гнать ее не гонять, да лучше бы выгнали:
 трудно, когда ты не нужень!

Съли сыновья обѣдать, а никто за столъ не по-
садить матери.

Лежить мать на печкѣ голодная.

— Господи, хоть бы Ты мнѣ смерть послалъ!

А проходилъ о ту пору по селу старишокъ-страни-
никъ, зашелъ старишокъ въ избу къ братьямъ —
хлѣбушка попросить.

— Господи, хоть бы Ты мнѣ смерть послалъ! —
молится мать.

Старишокъ и спрашиваетъ:

— Что же это такъ, сами ёдите, а матери не
даете?

— А намъ ее никому не надо! — отвѣчаютъ
сыновья, знай себѣ ложкой постукиваютъ.

— А продайте, — говорить старишокъ, — коли
не надобна.

Братья къ страннику — живо всѣ изъ-за стола вы-
скочили.

— Купи ее, дѣдушка, купи, сдѣлай милость!
Лишняя она, обуза намъ съ ней.

— Господи, хоть бы Ты мнѣ смерть послалъ! —
молится мать.

— А выведите ее, робятки, за заборъ, тамъ и
денежки получите!

Сказаль странникъ, пошелъ изъ избы — вонъ изъ
избы пошелъ.

Братья къ матери.
Стащили старуху съ печки, поволокли:
двоє подъ руки,
третій сзади,
Вывели изъ избы старуху да къ забору.
И ужъ тамъ, за заборомъ, хотѣли они отъ нея
отступиться —
а рукъ и не могутъ отдернуть.
Старуха приросла къ нимъ.
А съ тѣхъ поръ и живутъ такъ, не могутъ осво-
бодиться:
сами ъдятъ и мать кормятъ.

ЧУДЕСА

Промышлялъ Гурьянъ охотой, цѣлый день ходилъ, убилъ куницу. Къ ночи приходитъ онъ въ лѣсную избушку.

Думаетъ себѣ:

„Переночую, а завтра домой!“

Засвѣтилъ огонекъ, оснималъ куницу —

мясо подъ лавку,

шкуру на стѣну сохнуть.

Поужиналъ.

Сидить такъ, на шкурку смотрить.

А шкура вдругъ зашевелилась и пошла по стѣнкѣ къ двери, трепыхтастъ, выйти не можетъ.

А изъ-подъ лавки кунья морда безъ шкуры,

— Подай, — говоритъ, — мнѣ шкурку!

Смотрить Гурьянъ, глазамъ не вѣрить.

А куница ужъ на половину высунулась изъ-подъ лавки —

красная.

— Подай, — говоритъ, — мою шкурку!

И чувствуетъ Гурьянъ, встать онъ никакъ не можетъ, ноги дервенѣютъ.

— Подай мнъ шкурку! — вылѣзла вся куница, у, какая!.. — добромъ не дашь, нѣть, сама возьму.

Гурьянъ кое-какъ поднялся, добрелъ по стѣнкѣ до двери, снялъ шкуру, да на полъ ее.

— Что за чудо, что за диво!

А куница спряталась, только хвостъ торчитъ — помахиваетъ:

— Какое это чудо, какое диво, вотъ какъ было подъ Новгородомъ въ Песочкахъ у Мирона, это такъ чудо!

★ ★

И не помнить Гурьянъ, какъ заснуль, какъ ночь пришла, а на утро просыпается:

нѣть ни шкуры, ни мяса.

Такъ ни съ чѣмъ домой и вернулся.

„Пойду, — думаетъ, — подъ Новгородъ, отыщу въ Песочкахъ Мирона, разузнаю, что у него за чудо счудилось?“

Дождался весны, пока дорога пала, насыпши сухарей и отправился въ путь.

И отыскалъ Гурьянъ подъ Новгородомъ Мирона.

Выпросился ночевать. Разговорились обѣ охотѣ

И рассказалъ Гурьянъ Мирону про куницу и что ему куница-то про Мирона сказывала.

— „Какое это чудо, какое диво, вотъ какъ было подъ Новгородомъ въ Песочкахъ у Мирона, это такъ чудо!“

— Э! — говоритъ Миронъ, — я самый и есть.

Гурьянъ и сталъ его просить разсказать, да за Мирономъ дѣло не стало.

★ ★

Пошелъ я за охотой въ осенне время. Ходилъ съ недѣлю, ничего не убилъ.

Ну, въ печали-то я и взгорячился:

— Хоть бы, — говорю, — нечистый попалъ, черта бѣ убилъ!

А онъ — тутъ, какъ есть.

— А, — говорить, — Миронъ! — руку суетъ.

Руку-то я за спину, да за ружье — очень перепутался! — хотѣлъ выстрѣлить, а ружье и выпало.

— Хотѣлъ убить, а? — смеется, глаза наставилъ, инда морозъ по кожѣ.

— Да, — говорю, — убить хотѣлъ.

— Убилъ? — смеется, — тебѣ домой безъ меня не попасть!

— А нешто, — говорю, — я далеко гораздо отъ дома?

— Да тебѣ домой, вѣкъ будетъ не сойти, помрешь на дорогѣ, не видать дому.

Я къ нему:

— Не выведешь ли, сдѣлай милость!

— То-то выведешь! А убить хотѣлъ? Хотѣлъ? — да глазами такъ и сверлить, хоть провалиться, — ну, ладно, такъ и быть. Садись мнѣ на плечи, да крѣпче.

Я и сѣлъ на него, захватился за шею —

деревянная такая.

— Да узнавай свое мѣсто, смотри! Узнаешь, да удержишься, будешь дома, а нѣть — не видать родимаго дому никогда.

И понесъ.

Ровно на крыльяхъ, такъ и понеслись,

Летѣли, летѣли.

Вижу садъ, узналъ, да за дерево и ухватился.

— Старуха, — кричу, — снимай меня съ дерева

— Съ какого дерева? — слышу голосъ старухи,
— ты за полати держишься!
— За дерево держусь, въ саду я!
И вижу старуху — крестить.
И вѣрно, держусь за полати.
Оглядѣлся, — въ избѣ, и все благополучно.
И съ той поры отсталъ ходить за охотой, будеть!

КЛЕКСЪ

Изъ всѣхъ дней первый — Пасха.

Въ ту святую ночь стоять сама земля раскрытая.

Отправился Семенъ къ заутренѣ, а итти ему было на погость мимо озера.

Вотъ и идеть онъ берегомъ, а тамъ, на другомъ берегу, какой-то такъ колышекъ изъ воды лукошкомъ что-то въ лодку таскаеть.

„И кому въ такую пору, — думаетъ Семенъ, — въ водѣ бултыхаться!“

Тутъ въ колоколъ ударили и тотъ колышекъ вдругъ пропалъ.

Перекрестился Семенъ, прибавилъ шагу, обошелъ озеро и прямо къ лодкѣ.

А въ лодкѣ полно клексу.

„Эка невидалъ, чешуя рыбья! Али взять?“

И набралъ въ карманъ клексу и въ церковь.

Хороша на Пасху служба, не ушель бы изъ церкви.
Похристосовался Семенъ, освятилъ паску и до-
мой разговляться.

Шель въ обходъ озеромъ мимо самаго того мѣста,
а ужъ лодки не было:

 ни лодки, ни клекса.

Такъ домой и вернулся.

Сѣлъ Семенъ за столъ, закусиль паски, да хватъ
за карманъ — вспомнилъ! — а тамъ звякъ серебро.

Вотъ какой клексъ серебряный!

И съ той поры обогатился Семенъ.

И съ той поры на озерѣ, чуть тихій часъ, завоетъ
кто-то жалобно —

Ну, да Семена больше не заманишь ни въ лѣсь,
ни къ озеру —

 на мѣшкахъ сидить на серебряныхъ.

НЕБО ПАЛО

Ходила курица по улицѣ, вязанка дровъ и просыпалась.

Пошла курица къ пѣтуху:

- Небо пало! небо пало!
- А тебѣ кто сказалъ?
- Сама видѣла, сама слышала.

Испугался пѣтухъ.

И побѣжали они прочь со двора.

Бѣжали, бѣжали, наткнулись на зайца.

- Заяцъ, ты, заяцъ, небо пало!
- Тебѣ кто сказалъ?
- Сама видѣла, сама слышала,

Побѣжалъ и заяцъ.

Попался имъ волкъ.

- Волкъ, ты, волкъ, небо пало!
- Тебѣ кто сказалъ?
- Сама видѣла, сама слышала.

Побѣжали съ волкомъ.

Встрѣтилась имъ лиса.

- Лиса, ты, лиса, небо пало!
- Тебѣ кто сказалъ?
- Сама видѣла, сама слышала.

Побѣжала и лиса.

Бѣжали они, бѣжали. Чѣмъ прытче бѣгутъ, тѣмъ страху больше, да въ рѣпную яму и попали.

Лежать въ ямѣ, стерпѣлись, ёсть охота.

Волкъ и говоритъ:

— Лиса, лиса! прочитай-ка имена: чье имя похуже, того мы и съѣдимъ.

— Лисицино имя хорошо, — говоритъ лиса, — волково имя хорошо, зайцево хорошо и пѣтухово хорошо, курицино имя худое.

Взяли курицу и съѣли.

А лиса хитра:

не столько лиса ёсть, сколько подъ себя кишкы подгребаетъ.

Волкъ опять за свое:

— Лиса, лиса! прочитай-ка имена: чье имя похуже, того мы и съѣдимъ.

— Лисицино имя хорошо, — говоритъ лиса, — волково имя хорошо, зайцево хорошо, пѣтуховое имя худое.

Взяли пѣтуха и съѣли.

А лиса хитра:

не столько лиса ёсть, сколько подъ себя кишкы подгребаетъ.

Волкъ прожорливъ, ему, сѣрому, все мало.

— Лиса, лиса! прочитай-ка имена: чье имя похуже, того мы и съѣдимъ.

— Лисицины имя хорошо, — говоритъ лиса, — волково хорошо, зайцево имя худое.

Взяли съѣли и зайца.

Съѣли зайца, не лежится волку:

давай ему еще чего полакомиться!

А лиса кишкі лапкой изъ-подъ себя загребаетъ —
И такъ ихъ сладко упсываетъ, такъ бы съ кишками
и самоѣ ее съѣль.

— Что ты ъешь, лисица? — не вытерпѣлъ волкъ.

— Кишкі свои... зубомъ да зубомъ... кишкі
вкусныя.

Волкъ смотрѣлъ, смотрѣлъ да какъ запустить зубы
себѣ въ брюхо — вырвалъ кишкі —

да тутъ и околѣлъ.

— Что курица, что волкъ — съ мозгами голова!

Облизывалась лиса, подъѣла все кушанье, выбралась
изъ ямы и побѣжала въ лѣсъ — хитра хитрящая.

О Б Л А Ъ Ж А

Жила-была лисичка-сестричка, воровка страшная, а пуще всего гусей, утятъ да куръ любила.

Уворовала разъ гусака, съѣла и кишечки оставила, сидить, перебираеть отъ нечего дѣлать.

А проходилъ мимо волкъ — гораздо отошавши.

— Кумушка, — просить волкъ, — дала бъ мнѣ сладкихъ кишечковъ: смерть ёсть охота.

— Ату! кумъ, нешто тебя, облаѣжу такого, кишками накормиши! Кишки — на загладку. Вонь поповъ Сивка пасется, заведи его въ лѣсь да и съѣшь.

— Да онъ привязанъ.

— Ну, такъ что, а ты отвяжи.

— Да онъ убѣжитъ.

— Зачѣмъ убѣжитъ! Оберни веревку вкругъ себя, онъ и самъ за тобой пойдетъ.

— Ну, ладно.

Волкъ послушалъ лису, отвязалъ веревку, окрутилъ себѣ вкругъ брюха и пошелъ.

Только не волкъ Сивку ведеть, а Сивка волка.

И все ничего, а какъ увидѣлъ Сивка волка, испугался, да бѣжать —

и волка за собой — такъ и волочить.

— Кумушка, кумушка! — вопить волкъ.

— А ты, кумъ, ногами шибче бори, бори! — кричитъ лиса.

— Нѣ, кумушка, бори не бори, а бывать на поповомъ дворѣ.

И покуда бѣжалъ Сивка, волкъ и душу Богу отдалъ.

Приходитъ къ лисѣ медвѣдь и гомонить.

— Лисичка-сестричка, не по закону ты поступаешь. На что жъ ты волка-то подманула?

А лиса ему:

— Ну, такъ что! Дураковъ учить надобно.

ЗАКЛАДЪ

Заспорилъ бѣсь съ ангеломъ —
кого люди больше слушаютъ?

Бѣсь говорить:
— Меня.

Ангель:
— Меня.

Спорили, спорили и ударились объ закладъ: на
столько тамъ подземныхъ и надземныхъ царствъ, по
своему,

а биться до трехъ разъ.

Разлетѣлись и за дѣло.

Ангель принесъ людямъ Святырь,
а бѣсь — пѣхъ карты.

Святырь на божницу положили и за карты —
и цѣлья сутки рѣзались, пока не подрались.
Что дѣлать?

Полетѣль ангель къ райскому древу, набралъ ладана, съ ладаномъ вернулся къ людямъ,
а бѣсь возьми да и подсунь Жуковъ.

И сейчас же весь ладанъ промѣняли на махорку.
Дѣло плохо.

Устроилъ ангелъ пиръ, большое угощеніе: пей, ъшь, покуда ногъ на лавку не вадынуть. Ужъ, кажется, сыты, больше и въ горло не лѣзеть, тутъ бѣсъ возьми да и высыпь на поль орѣховъ горстку —

бросились за орѣхами подбирать и такую драку затѣяли, въ кровь.

Будетъ!

Такъ бѣсъ и выигралъ у ангела его подземный и надземный закладъ.

НАХОДКА

Жиль-былъ дѣдъ и было у дѣда двое внучатъ:
дѣдъ пасъ скотъ,
внучата въ школу бѣгали.

Пристали ребятишки, просяять дѣда:
— Дѣдушка родимый, сходи за нась въ школу,
мы за тебя пасти будемъ.
А былъ дѣдъ до внучатъ жалостливъ и согласился:
забраль сумку да книжки и въ школу.
А внучата скотъ въ лѣсь погнали — то-то забава!

Кончилось въ школѣ ученье, стали расходиться
по домамъ, поплелся и дѣдъ —
— за книжкой-то сидѣть не скотъ пасти!
Идеть дѣдъ дорогой, споткнулся, глядь — мѣшокъ.
Посмотрѣлъ, думалъ, такъ чего, а тамъ въ мѣшкѣ
— деньги!
Вотъ такъ находка!
„То-то, — думаетъ, — ребятишкамъ теперь гостин-
цу накупить, будетъ праздникъ!

Съ находкой и вернулся домой.
А тамъ и внучата вернулись изъ лѣса, изморились —
— скотъ-то пасти, не книжку читать!
Дѣдъ имъ ни слова, и никому.

А прошелъ день, стали по селу искать:
— Не нашелъ ли кто мѣшка съ деньгами?
„Ну, — думаетъ дѣдъ, — пропали гостинцы!
А ничего не подѣлаешь:
и жалко да нельзя!
И заявилъ:
— Я нашелъ.
— Какъ?
— Когда?
— Гдѣ?
— Да вотъ... когда въ школу-то ходилъ...
— Эхъ, дѣдушка, — не дали старику и слова
кончить, — давно это было, коли ты еще въ школѣ-то
учился! Владѣй находкой: то не наша потеря.
Такъ мѣшокъ у дѣда и остался — находка!
Гостинцевъ-то ребятишкамъ — то-то праздникъ!

1905 — 1919

1922

Charlottenburg

О Г Л А В Л Е Н И Е

ДОКУКА

Христовъ крестникъ	11
Сторона небывалая	20
Муты	24
За овцу	26
Золотой кафтанъ	31
Господень звонъ	35
Чужая вина	38
Чаемый гость	41
Пасхальный огонь	44
Рыбовы головы	47
Ослиныя уши	50
Мышонокъ	53
Левъ-звѣрь	55
Горе злосчастное	58
Кузьма и Демьянъ	65
Кумова кровать	72
Человѣчина	78
Судьба	82
Награда	90
Праведный судья	94
Дарь	97
Берестяный клубъ	100
Голова	103
Подожекъ	107
Отрудился	110
Бѣлая Пасха	115

ЦАРСКІЯ

Царь Соломонъ	121
Царь Гороскатъ	129
Царь Петръ	141

СОЛДАТСКІЯ

Солдатъ-охотникъ	147
Доля солдатская	156
Шишокъ	158

Морока	160
Солдатъ	167
СКОМОРОХЪ	
Скоморохъ	181
Медвѣдчикъ	187
Вавила	194
Товарищи	201
ВОРЫ	
Воры	209
Разбойники	213
Жулики	218
Собачій хвостъ	231
Барма	239
Воръ Мамыка	244
НЕЧИСТЬ	
Лѣшій	257
Водяной	259
Чортъ	262
НЕЖИТЬ	
Лигостай страшный	269
Хлоптунъ	276
Мертвякъ	281
БАЛАГУРЬЕ	
Пчелякъ	287
Кабатчикъ	289
Магнітъ-камень	295
Спрыгъ-трава	301
Кладъ	305
Песь-богатырь	312
Летунъ	317
Мужикъ-медвѣдь	322
Вошины башмачки	325
Жадень-пальцы	330
Чудеса	333
Клексы	337
Небо пало	339
Облаѣжа	342
Закладъ	344
Находка	346

